

А. ПЛОТНИКОВ О С. ПЛОТНИКОВЕ НА БЕРЕГЕ

Александр
Плотников

С прибоем
на берег

Плотников
Александр

С прибоем
на берег

*Повесть
и рассказы*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1976

Р2
П39

П 70302-232 151-76
068(02)-76

© Воениздат, 1976

С ПРИБОЕМ НА БЕРЕГ

Повесть

Своим землякам посвящаю

ГЛАВА 1

Приплясывая на залитых водой колдобинах, по заброшенному лесному просеку шла небольшая колонна бронетранспортеров, которую замыкали два плавающих танка. Ночной мэрш к району ожидания совершал усиленный взвод морской пехоты гвардии лейтенанта Юрия Русакова.

Командир взвода бескойно ерзал на переднем сиденье головного бэтэера, на каждой развилке сверялся по карте, опасаясь заплутать. Впервые, по приказу нового командира батальона, довелось ему возглавить бросок подразделения, да еще с приданными танками. Машина командира роты гвардии капитана Миронова шла где-то далеко в стороне, и даже по радио нельзя было ни о чем справиться — соблюдался строжайший режим радиомолчания. Неволь-

но думалось Русакову о том, как совсем недавно роптал с другими командирами взводов на то, что «стадность» приучает к безынициативности, заставляет прятаться за чужой спиной. А теперь ему ох как не хватало чьей-либо широкой спины впереди!

Одна из машин вдруг тревожно просигналила, заставив Юрия вздрогнуть. Спрыгнув на землю, по щиколотку утопая в чавкающей жиже, он побежал в хвост остановившейся по его команде колонны.

— Что-то стряслось у четвертого! — подсказал ему заместитель командира взвода Тимофеев, высокий, чуть сутуловатый сержант. Разбрызгивая сапогами грязь, Русаков помчался дальше.

Возле четвертого бронетранспортера он едва не столкнулся в темноте с расстроенным водителем.

— Трансмиссия забарахлила, товарищ гвардии лейтенант, — узнав Юрия, виноватым голосом сбивчиво объяснил водитель, — греются подшипники...

— Вы же, Маринич, доложили о готовности к маршу, — укоризненно покачал головой Русаков.

— Все было в полном порядке, товарищ гвардии лейтенант... — уныло оправдывался водитель, опустив голову, которая казалась неестественно маленькой над широчеными плечами.

— Хорош порядок... Где Брусков?

— Я здесь, — откликнулся из-под машины младший сержант. — Разрешите посветить фонарем? — спросил он, выбравшись наружу. — Ничего не получается на ощупь.

— Прикройтесь чехлом, — с досадой буркнул лейтенант и мысленно чертыхнулся: «Не хватало угодить на фотопленку самолета-разведчика...»

Сквозь неплотные швы брезента пробрезживали золотые лучики, видно было, как возилась внутри, побрякивая ключами, неясные тени.

Чуть погодя Русаков послал за водителем своей машины Файзулаевым.

— Нашел же ты, кунак, где остановиться! — влезая под чехол, сказал тот расстроенному коллеге. — Принимаешь теперь грязевые ванны.

Лейтенант взглянул на свои часы со светящимся циферблатом, прислонился спиной к холодной броне. Колючие струйки стекали ему за шиворот, змеились между лопаток, а он не менял позы. Отрепленно смотрел на серую стену нахохлившегося под дождем леса, на тусклую полоску зари, теплющую на востоке, и настроение его окончательно портилось.

— Ну что там, Файзулаев? — очнувшись наконец, спросил он, не думая о том, что вопросом своим обижает старшего по званию Брускова.

— Нашли, товарищ гвардии лейтенант! — отозвался матрос. — Сальник вырвало. Этот медведь Маринич резьбу свернул. Верно говорил мой дед: хорошо бить поклоны твердолобому!

— Сколько времени потребуется на замену? — оборвал Юрий разговорчивого водителя.

— Минут через семь будем заводить, — весело произнес Файзулаев.

Юрий симпатизировал этому расторопному, слегка раскосому пареньку за его неунывающий нрав. На форменной рубахе у матроса поблескивал голубой пятиугольничек. Файзулаев до призыва закончил автодорожный техникум. Этим он в глазах командира взвода выгодно отличался и от Маринича, пришедшего служить после десятилетки, и от Брускова — бывшего комбайнера.

Отвернув обшлаг комбинезона, Юрий снова глянул на часы, прикинув, что в общей сложности будет потеряно почти тридцать минут. Теперь, если даже жать на полной скорости по ухабам и лужам, все равно к назначенному сроку не успеть. Первый серьезный прокол в командирской биографии гвардии лейтенанта Русакова.

«Полуштатский человек, чего с него взять!» — процедит сквозь зубы командир роты Миронов. А Русакову

именно сегодня, в первом самостоятельном марше, хотелось доказать и Миронову, и новому комбату гвардии майору Родионову, что бывший инженер-электрик Русаков носит военную форму не по воле случая, а по праву наследника — сына солдата.

Он вернулся к своему бэтэару, кое-как почистил щепой заляпанные сапоги, влез в кузов. Матросы сочувственно посматривали на командира. Почти машинально Юрий глянул на путевую карту. Черная ленточка проселочной дороги причудливо петляла среди лесных массивов и только в одном месте огибала широкую луговину.

Взгляд гвардии лейтенанта задержался на этой загогулине — и неожиданно спасительная мысль обожгла мозг. Схватив измеритель, он стал торопливо гонять его по карте. Выходило, если свернуть на луговину и пересечь ее по центру, путь сократится на добрых пятнадцать километров. А на открытом месте можно и скорости прибавить, чтобы поспеть в установленный срок. Как это при рекогносцировке штабные офицеры просмотрели такой выгодный маневр!

Маленькая колонна двинулась дальше. Русаков только перестроил ее — оба танка теперь шли следом за командирским бэтэаром. Лейтенант повеселел, ситуация уже не казалась ему непоправимой. То и дело он вставал в кузове во весь рост, чтобы не проглядеть удобный поворот.

Лес заметно редел, за его опушкой клубился блеклый рассветный туман. Головной бронетранспортер медленно перевалил через неглубокий кювет и вышел на поляну, оставляя в густой траве двойную тропу. Танки двинулись за ним. Лейтенант велел Файзулаеву прибавить газу и не заметил, как колеса стали подминать торфяные кочки вместе с пучками остролистой осоки.

Осознали опасность, лишь когда бэтэар внезапно осел, словно сошел с твердой земли на воду. Дерн под его колесами предательски запызырился.

— Болото, товарищ гвардии лейтенант! — тревожно выкрикнул пулеметчик Филипеня.

— Стоп! — приказал Юрий водителю. Оглянулся и увидел, что идущий следом танк медленно проседает, гусеницы его молотят вхолостую, выбрасывая потоки ила.

— В танке! Остановить двигатели! Жалюзи закрыты! — надсаживая грудь, кричал гвардии лейтенант, забыв, что ларингофон отключен. Но сдвонно экипаж услышал его — машина замерла, цепко схваченная трясинной.

— Объезжайте танк справа, — приказал Юрий Файзулаеву. Когда машины поравнялись, он перебрался на броню застрявшего танка, из открытого люка которого уже высунулся встревоженный сержант.

— Откуда здесь взялось болото? — вслух размышлял Юрий. — На карте же явственно обозначен сухой луг...

— Своим ходом не выйти, товарищ гвардии лейтенант, — сказал командир танка, — надо буксировать...

Второй танк остановился метрах в семидесяти позади. Его командир бежал сюда, перепрыгивая с кочки на кочку.

— Ближе подходить опасно! — сложив руки рупором, крикнул он. — Засядем оба!

— Передайте гвардии сержанту Тимофееву, пусть рубит лес для гати! В молодом подлеске, что возле опушки!

В лесу застучали топоры, и уже через четверть часа к застрявшей машине доставили первую волокушу зеленых хлыстов. Проваливаясь по пояс в трясине, матросы укладывали деревья макушками под гусеницы. Со второго танка подали буксир, а самого буксировщика держали на стальных тросах два бронетранспортера.

Натужно взвыли двигатели, танк-буксировщик рванулся вперед, и вскоре заляпанная по самую башню машина стояла на твердой земле.

Штабной вездеход встретил колонну на полпути. В кабине рядом с комбатом сидели гвардии капитан Миронов со своим заместителем по политической части гвардии

старшим лейтенантом Еськовым. Судя по выражению лиц, ротное начальство было настроено неважно. Русакова пригласили в вездеход, и маленькая машина возглавила колонну.

— Докладывайте, — коротко приказал Родионов. И стал терпеливо слушать сбивчивый рассказ Русакова обо всех эпизодах неудачного ночного марша.

— Кто позволил вам менять заданный маршрут? — перебил Юрий Миронов.

— Спокойнее, гвардии капитан, — остановил его комбат. — Вопросы пока задаю я... Выходит, карта подвела? — с нескрываемой иронией обратился он к Юрию. Потом, спрятав усмешку, заговорил серьезно: — Если бы все надеялись только на карту, кто бы стал заниматься такой нудной вещью, как рекогносцировка? Бродили бы по лесам и болотам одни топографы и головами отвечали за наши увязшие танки... Подходящий вариант, а, Русаков?

Юрий недоуменно мотнул головой.

— Вы дольше меня служите здесь, — насупил широкие брови комбат, отчего на лицо его пала хмурая тень, — и должны знать, что воды в здешней земле не меньше, чем в арбузе. Выручает дренаж, но стоит ему где-нибудь засориться, как любая лужайка мигом заболачивается. Это во-первых. А во-вторых, проявляя инициативу, не надо забывать об элементарных мерах предосторожности. Вы поперли, как говорится, наобум лазаря. В военной обстановке это могло дорого обойтись... — Родионов неожиданно улыбнулся: — А вот угодив в болото, вы начали действовать решительно и верно. Жаль вот только, что не вам придется объясняться с лесничеством за незаконную порубку...

Юрий слушал его и вспоминал недавнюю встречу нового комбата. Прихода комбата в батальоне ждали с нетерпением. Более трех месяцев эту должность исполнял начальник штаба, но приставка «врио» стесняла молодого

капитана и явно не давала развернуться его командирским способностям. Жизнь в военном городке текла размеренно и неторопливо. Кое-кого — Миронова, к примеру, — это, кажется, вполне устраивало.

Во время большого сбора Юрий Русаков стоял во главе своего взвода и, как многие, с любопытством поглядывал в сторону штаба. Из его дверей вышла группа людей. Батальонные шеренги колыхнулись, словно по ним пропустили ток, но тотчас же команда «Смирно!» принудила строй замереть.

— Здравствуйте, товарищи морские пехотинцы! — зычным, тренированным голосом выкрикнул старший начальник.

— Здравия... желаем... товарищ... полковник! — четырекратно пророкотали шеренги.

— Представляю вашего нового командира гвардии майора Александра Федоровича Родионова.

Рядом с полковником встал среднего роста, чуть полноватый офицер. Из-под форменного берета видны были коротко подбритые, тронутые сединой виски, хотя на вид комбату было не больше тридцати. Ремень новенькой португези глубоко врезался в складки кителя.

— Гвардии майор Родионов прибыл к нам из академии, которую закончил с отличием. За плечами у него хороший теоретический багаж, немалый опыт службы. Принимайте его в свою гвардейскую семью, и прошу любить и жаловать!

Потом комбат обходил строй. Офицеры называли свои должности. Родионов сухо кивал головой и пожимал руки. Проходя мимо матросских шеренг, козырял заученным жестом.

«Педант, — неприязненно подумал о нем Юрий, — рта не желает открыть. — Ему казалось, что нового комбата ни капельки не радует назначение, похоже, тот даже раздосадован. — Наверное, метил в адъютантуру, да не получилось...»

— Вы меня слушаете? — прервал его размышления Родионов, заметив отсутствующий взгляд лейтенанта.

— Так точно, товарищ гвардии майор! — спохватился Русаков, едва не ударившись головой о верх кабины.

— Подробнее о ваших сегодняшних действиях поговорим на разборе.

Комбат замолк, а сидевший возле Юрия заместитель командира роты Еськов незаметно похлопал лейтенанта по колену, как бы ободряя: успокойся, мол, все будет в порядке!

Район ожидания выбрали в редком осиннике. Танки и бронетранспортеры стояли в земляных укрытиях. Замаскированные пластами дерна и кустарниками, они трудно различались даже вблизи. Людей тоже не было видно, но Русаков знал, что за бесславным явлением его замурзанного взвода наблюдает множество глаз. Еще горше стало Юрию, когда ему указали место стоянки: там чернели отрытые кем-то готовые капониры.

Едва успели закончить маскировку, как на стоянку примчался командир второго взвода гвардии лейтенант Ермоленко. Его карие со зрачками-вишнями глаза расширились от любопытства, из-под каски выбилась рыжеватая прядь волос.

— Что у тебя, старик, стряслось? Почему опоздал? — сочувственно спросил он.

— Стоял из-за поломки, а потом выдирался из болота... — неохотно ответил Юрий.

— Из болота? Какой леший тебя туда занес?

— Проявил инициативу и смекалку! — желчно буркнул Юрий.

— Ты знаешь, ведь в военной истории немало подобных прецедентов! — угадав настроение приятеля, попытался перестроиться Ермоленко. — Один из них я вычитал, кажется, у Тарле. Какой-то из военачальников армии Наполеона нарушил личный приказ императора, ударил по врагу в другом месте и прорвал оборону. И зна-

ешь, как поступил с ним Наполеон? Наградил орденом за одержанную победу, а потом расстрелял за невыполнение приказа!

— Ничего себе утешил, — усмехнулся Юрий. — Хорошо, что я не военачальник, а майор Родионов не Наполеон...

— Да ты не огорчайся, Юрко! — сообразив, что сказал невпопад, утешил Ермоленко. — Я ведь тоже стоял! Видать, засек меня воздушный разведчик. Пришлось выключить двигатели и загорать в лесу минут пятнадцать. Едва-едва сумел потом улечься в график. На разборе и мне всыплют за нарушение скрытности... Ну а как понравились тебе укрытия? — хитровато подмигнув, спросил он Юрий. — Мои ребята натирали мозоли...

— За помощь спасибо, Федя, и прости пожалуйста...

— Да перестань, Юрко! — дружески обнял его за плечи Ермоленко. — Будто бы ты меня не выручил...

Следом за Федором пришел замполит. Осмотрел укрытия, похвалил подчиненных Русакова за надежную маскировку. Словно не знал, что большую часть работы сделали другие.

— Закурить не хотите? — предложил он лейтенанту, когда они остались вдвоем. — Тыфу ты, совсем забыл, табаком вы не балуетесь.

«Тоже мне психолог, — насмешливо покосился на него Юрий. — Покурим, поговорим по душам — дедовский прием, нынче на него и матроса-первогодка не подцепишь».

Чиркнув зажигалкой, Еськов смачно затянулся и выдохнул голубоватое облачко.

— Переволновались мы все за вас. Радиомолчание, запроса не сделаешь. Мироныч места себе не находил...

— Чему научил, то и получил, — сдерзил Юрий. — Меньше надо было водить, как бычков на веревочке.

— Самостоятельности подразделениям действительно мало давали, — не обращая внимания на колкость Юрия,

согласился замполит. — Только в этом не один Миронов виноват.

— Но у нас с ним, положим, особые отношения. Я не кадровый офицер и в его глазах — случайный в армии человек.

— Вы не правы, Русаков. Никто так на вас не смотрит. Теперь-то, сами чувствуете, все по-другому поворачивается.

— И новая метла быстро обтреплется, — усмехнулся Юрий.

— Не думаю. Гвардии майор Родионов не из теоретиков. Он нам с вами в казарме засидеться не даст...

После обеда всем, кроме дозорных, разрешили отдых. Юрий прилег на траву возле бронетранспортера. Жаркое июльское солнце выпарило дождевые лужи, но земля отдавала застойной сыростью. Серо-зеленой плесенью подернулись корявые и разбухшие комли кустарников. Родионов прав, влаги в здешних краях с избытком. Летом она гонит в рост буйную зелень, хлеба вымахивают по грудь, травы дают два укуса. Зато весной и осенью, куда ни глянь, пузырятся хляби. Мокнут в лужах деревья и придорожные столбы, сыреют фундаменты домов на хуторах и лесных кордонах. Нелегко в это время года путнику на бездорожье, даже крепчайшие яловые сапоги раскисают и пропускают воду.

Знала бы про теперешний образ жизни Юрия мать, которая в детстве берегла его и укутывала! Послушала бы шутливое кредо морского пехотинца: уметь шилом побриться, обогреться дымом и выспаться даже на бороне! Глянула бы на то, как растирают парни друг другу снегом спины до розового румянца, как, держа над головами оружие, прыгают с бронетранспортеров в жгучую волну и вместе с прибоем выбрасываются на берег. И не цепляются к добрым молодцам никакие хвори...

На замаскированный пулеметный ствол бэтэара уселась шустрая пичуга. Прихорошила клювом пестрые крылышки, вытянула белую шейку, звонко защебетала. Под ее пение Русаков задремал, а затем и вовсе забылся в глубоком освежающем сне.

ГЛАВА 2

В металлических шкафах у кадровиков, по строгому ранжиру от «а» до «я», выстроены папки личных дел. Офицерские дела посOLIDнее, матросские — всего несколько листков между картонными обложками. Главный документ в тех и других — анкета. Узнаешь из нее, когда родился, где учился, в каких городах жил человек до того, как встал в армейский строй. Но анкетные графы — лишь отдельные вехи на жизненном пути. Все остальное — в незаписанном дополнении...

Дополнение к анкете Русакова

— Послушай, Старков, до каких пор ты будешь на уроки опаздывать? Тащить класс назад по дисциплине?! Как староста, должен предупредить тебя...

— А ты не предупреждай, лучше обязуйся подвозить меня к школе на машине отчима.

— Отчима? Какого отчима?!

— Будто сам не знаешь. Небось и сегодня на директорской «Волге» подкатил!

Приход учителя вынудил спорщиков разойтись по своим местам. Юрий расслабленно плюхнулся на скамью.

— Зря ты на Старкова напустился... — пропентал сосед по парте. — Он каждый день чуть свет подымается матери помочь. Она у него дворничиха... — но Юрий не слушал соседа. Реплика Старкова ошеломила его. В памяти всплыли прежние мучительные подозрения. Слишком уж внешне не походил Юрий на отца. Тот коренастый и рыхловатый, с мелкими чертами лица, седеющие волосы,

едва закрывающие проплешину на затылке, были когда-то иссиня-черными. Юрий же к пятнадцати годам перерос отца на голову. «Акселерация!» — добродушно посмеивался тот. Возможно, но, кроме того, Юрий был светлорус, носат, с резко очерченными надбровными дугами. «Мое наследство!» — утверждала мать. Только если и улавливалось в облике парня что-то материнское, то отцовского не обнаруживалось совсем. Разве лишь манера говорить у них была схожей: уверенной, не допускающей возражений.

Отец не был на фронте. Имел бронь, как нужный специалист эвакуированного за Урал военного завода. Зато очень гордился орденом «Знак Почета», которым его наградили в сорок втором году. В праздники он прикалывал орден к выходному пиджаку рядом с двумя медалями.

— Победа, сынок, ковалась не только на передовой, — говорил он. — Мы тоже отдавали для нее свое здоровье и нервы... Вспомнить страшно, как выгружались мы из эшелона в ноябрьские холода. Станки таскали на себе, складывали под временные навесы. Вот следы тех дней, — показывал отец лиловые шрамы на ладонях, — от рукавиц одни лохмотья оставались, руки примерзали к железу. А через пять месяцев мы отправили на фронт первые минометы...

В пятидесятых годах отца перевели сюда, в Ишим, главным инженером завода автоприцепов, позднее он стал его директором. В небольшом городке, где каждый десятый являлся заводским рабочим, отец был заметной фигурой — членом горкома партии, бессменным депутатом городского совета. Юрий сберег несколько предвыборных листовок, отпечатанных в типографии заводской многотиражки. Отца называли в них передовым инженером, видным организатором производства. Слово «инженер» нравилось Юрию гораздо больше, чем «директор».

Шпилька Старкова, чего греха таить, попала в цель. Юрий любил иногда лихо подкатить к школьному подъ-

езду на отцовской персональной машине. Шофера ее, немолодого уже человека, он называл запросто Колей. И все-таки почему Старков сказал «на машине отчима»?

Юрию льстило то, что отец держался с ним на равных. Советовался о семейных денежных делах, никогда не проверял домашних заданий, только регулярно расписывался в его дневнике. Но, увидев четверку, спрашивал как бы невзначай:

— А кто-нибудь в вашем классе получил отлично?

— Ага, две девчонки...

— Они что, способнее тебя?

И Юрий отворачивался, чтобы скрыть зардевшееся от уязвленного самолюбия лицо.

Поддержал его отец и в одном серьезном конфликте, возникшем у Юрия с одноклассниками. Узнал тогда Юрий, что проживал в их городке друг Александра Сергеевича Пушкина ссыльный поэт-декабрист Александр Одоевский. Любой школьник знает наизусть мятежные строки его ответа на послание в Сибирь знаменитого тезки:

Но будь спокоен, бард, цепями,
Своей судьбой гордимся мы.
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Одоевский провел в Ишиме чуть больше года, и об этом периоде его жизни мало что известно. Юрия бросило в жар от мысли, что, может, именно ему суждено расшифровать белое пятно в биографии декабриста.

Юрий потерял покой. В школе сторонился друзей. А вечерами, бродя по истертым булыжникам старинной мостовой, думал о том, что по этим же самым камням ступала нога худощавого, светловолосого человека с умными, но погасшими от лишений глазами.

Втайне ото всех он послал запрос в Тобольский краеведческий музей, располагающий наиболее полными сведениями о ссыльных революционерах. Полученный им

ответ содержал всего несколько строк: «Поэт А. Одоевский проживал в доме мещанина Селезнева на улице Благовещенской, ему был отведен земельный надел возле села Жиликовского, который он не успел разработать, потому что был отправлен на Кавказ под пули горцев...»

Справочного бюро в городе не существовало, и Юрию пришлось популярно объяснять начальнику паспортного стола причины своего любопытства. Но все три семьи Селезневых, проживающих в городе, наотрез отказались от родства с каким-то стародавним мещанином. Из осторожности про декабриста Одоевского Юрий в разговоре с ними умалчивал.

Оставалась последняя ниточка — село Жиликовское, или попросту — Жилияки, ставшие уже близким пригородом Ишима. Юрию удалось отыскать там столетнего старца, сохранившего слух и внятную речь. На радостях Юрий не сообразил того, что Одоевский умер по крайней мере за четверть века до рождения жиликовского старожилы.

— Чегой-то ты, паря, толкуешь? Какой такой ссыльный барин? — удивленно глянул дед на гостя белесыми, без ресниц глазами.

Юрий стал терпеливо растолковывать ему, кто такие были декабристы, за что так жестоко расправился с ними царь Николай Первый.

— Я-то, паря, при Ляксандре Втором хрещен, — вздохнул старик, — но и при нем ссыльно-поселенцев пригоняли сюда немало. Только больше не из бар, а из студентов... И после, при Третьем Ляксандре, и при последнем Миколае они не переводились. Я-тко уже подростком был, когда встрет одного такого государева преступника. Григорием Санычем его звали, а вот фамилию вонюю запомнил. Вить сколько лет с той поры ушло! Ох-хо-хо... Был он, знакомец мой, молодой и безбожник, а бородищу носил прямо тебе архиерейскую. На рыбалке мы с ним сошлись. Я ему все добычливые омота показал

на Ишиме, уж больно охоч был он на зорьке с удочкой посидеть. Песни играть любил, все боле грустные... Знамо, не с чего было ему веселиться. Одну евоную я и после слыхивал от этапных колодников...

Замученный злою неволе-ею,—

дребезжащим тенорком вдруг затянул старик, —

Ты сме-ертоньку лю-у-ту принял,
В борьбе за свяшшен-ное дело-о
Головушку честно поклял...

Говаривали, что Григорий Саныч эту песню самолично сложил, — продолжал рассказывать дед. — После, когда прощение ему вышло, он на память мне бергет свой подарил. Часы такие луковицей, серебряные, с музыкой. Отколупнешь ногтем крышку, а оттедова молоточки вы-званивают: тинь-тон-тон. Подарок евоный я почти-шлось сорок лет бергет. А в девятнадцатом годе выказал облыжно, и колчаки его у меня фисковали...

Расстроенный крахом честолюбивых своих надежд, Юрий мимо ушей пропустил рассказ говорливого деда. Кому интересен какой-то бородатый ссыльный, любитель песен и рыбной ловли.

Месяца два спустя Юрий случайно проговорился о встрече со столетним дедом старосте исторического кружка Лене Огневу.

— Подожди, подожди! — нетерпеливо перебил его тот. — Какую песню старик пел? «Замучен тяжелой неволей»? Да известно ли тебе, горе-следопыт, что это любимая песня Владимира Ильича Ленина? А написал ее поэт и революционер Григорий Мачтет! Неужто и он в нашем городе бывал? Эх ты, тюрю, едва не прошляпил такой замечательный исторический эпизод! А ну, веди нас к своему дедусе!

Нас — означало всех остальных членов кружка. В Жилилки отправилась его полномочная делегация, но, увы,

возвратилась ни с чем. Старик уже лежал под березовым крестом на сельском погосте, приказав долго жить незадачливым следопытам.

Вот тогда-то на открытом комсомольском собрании услышал Юрий немало обидных слов в свой адрес. Товарищи, не стесняясь, называли его индивидуалистом и честолюбцем.

— Будь готов, Юра, к любым превратностям судьбы,— выслушав его, сказал отец. — И вот тебе мой совет: никогда не стремись выделиться, но и подмять себя никому не давай...

Неужто он не отец ему, а отчим?

С трудом высидел Юрий до звонка на перемену. Догнал в коридоре попытавшегося улизнуть Старкова. Взял за плечо, повернул лицом к себе:

— А ну договаривай!

— Ничего я не знаю. Чест-слово, Юра! Брякнул сгоряча.

— Не ври. Сказал «а», имей мужество сказать и «б».

— Ну правда же...

— Если ты жалеешь меня, то я не красна девица.

— Чест-слово я не знал, что ты не знаешь!

— Знаю — не знаю, какая разница. Хочу услышать от тебя.

— Да нет же...

— Вот тебе мое последнее слово, Сергей: или ты расскажешь, или ты мне больше не товарищ. Решай!

— Зачем же так! Я не хотел...

— Решай, я тебе говорю!

— Хорошо... Ну понимаешь, одна тетка к нам приехала. Родственница какая-то. Так вот она когда-то с твоей матерью в одной больнице работала. Давно еще... Она сказала, что отец твой не этот... ну, Валериан Дмитриевич, а шофер был. Он в день твоего рождения вместе с машиной под лед провалился. И еще тетка говорила, что матери твоей повезло. Отчима твоего, ну... Валериана

Дмитриевича, с тем... с шофером, и сравнивать нельзя. Тот без образования, ну... и выпить любил... Зачем я это все тебе рассказал? Подлец я, выходит...

— Ты тут ни при чем, Сергей. Спасибо, что не утаил. Я знал кое-что, но не все. Все нормально, Сергей.

Дома Юрий не прикоснулся к оставленному для него обеду. Вздрагивал от звона больших настенных часов, которые отбивали каждую четверть часа. Ждал мать, она работала участковым врачом городской поликлиники, вела прием, ходила по вызовам, однако возвращалась домой раньше отца.

Мать пришла вечером.

— Ты дома, Юра? — удивилась она. В это время сын, сделав уроки, обычно шел к друзьям. — Ох, как я умаялась сегодня! Гриппуют люди, столько вызовов. Кстати, вам в школе не велели еще носить марлевые повязки?

— Нет!

— Что с тобой? — забеспокоилась мать, увидев его посеревшее лицо. — Ты заболел? У тебя температура?

— Я совершенно здоров.

— Что случилось, сынок? Неприятности в школе?

— Нет... Мама, скажи, кто мой настоящий отец?

— Юра-а, — растерянно протянула она, обняв сына и прижимаясь щекой к его щеке. — Неужели ты сам не чувствуешь по отношению отца к тебе...

— А ведь вы оба обманывали меня...

— Юра! Опомнись, что такое ты говоришь?

— Я знаю, мама! Мой отец — шофер. Он утонул. Только знаю я очень мало. А мне уже шестнадцать лет, я имею право знать всю правду! Вы с отцом всегда внушали мне, что честность — одно из главных достоинств человека. А сами?

Руки матери соскользнули с его шеи, обессиленно упали вниз. Полными страха и слез глазами она смотрела на сына, не находя, что ответить.

— Я всю жизнь этого боялась... — наконец всхлипну-

да она. — Все эти годы боялась... — Она закрыла лицо ладонями, плечи ее вздрогнули от рыданий.

— Мама, прости, если сделал тебе больно, — попытался обнять ее Юрий. — Прости меня. Только я ведь тоже человек, я могу... я хочу знать правду! Даже если мой настоящий отец был самым плохим человеком, я все равно должен знать это! И не чужие люди, а вы обязаны были мне сказать. Вы! Ты и... он!

— Да, ты уже взрослый, Юра, — стараясь взять себя в руки, заговорила мать, — и ты должен понять, что отец — это не тот, кто просто дал жизнь, а тот, кто вырастил, воспитал, на ноги поставил. Только тот настоящий отец... Ты знаешь, кто он у тебя... И я... и он... Ох, откуда только берутся злые люди! — снова зарыдала она.

— Успокойся, мама. Я больше ни о чем не буду тебя спрашивать. Потом, когда ты сама захочешь, ты мне расскажешь. Хорошо? А теперь не плачь, не надо... прости меня.

— Спасибо, Юра. И ты ему, отцу, ничего не говори. Я сама.

— Да, мама.

Утром следующего дня, едва только протрещал будильник на тумбочке возле кровати Юрия, отчим вошел в его комнату.

— Доброе утро, сын, — сказал он.

— Здравствуй, — ответил ему Юрий. Увидел набрякшие мешки под глазами, понял: в родительской комнате не спали всю ночь. И стало стыдно за то, что сам дрыхнул как убитый.

— Мать мне все рассказала. Ты извини ее, она — женщина, и давай поговорим как мужчина с женщиной.

— Давай поговорим.

— Ты разрешишь мне закурить? Спасибо... Так вот, тебе сказали правду. Я женился на твоей матери, когда тебе был год с небольшим. Я усыновил тебя. По настоянию матери мы уехали сюда, в этот город, где нас никто

не знал. Все считали, что ты наш общий ребенок. Такова формальная сторона дела, только я давно забыл о ней. Я любил тебя, как свою плоть и кровь. Может быть, тебе кажется, что это не так...

— Нет, почему же, — перебил его Юрий, — и я глубоко уважаю тебя, спасибо тебе за все.

— Уважаешь? — грустно усмехнулся отчим. — А мне всегда думалось, что любишь.

— Не надо придирааться к словам...

— Ты затрудняешься, как меня теперь называть? Зови по имени-отчеству.

— Скажи мне, отец, ты знал его?

— Нет. Только со слов матери.

— А как его звали?

— Егором Ивановичем.

— А фамилия?

— Русаков.

«Русаков и Вельяминов, — невольно сравнил Юрий, — пожалуй, наша фамилия более звучная...» — и мысленно споткнулся на слове «наша».

— А есть у матери хоть одна его фотография?

— Не знаю. По крайней мере, я не видел.

— У него были родственники?

— Родственники? Мать говорила, что на похороны приезжала его сестра. А вот с каких краев, право, затрудняюсь вспомнить.

Торопливым движением пальцев отчим скрутил в катышек окурочек, провел ладонью по небритой щеке.

— Я тебя очень попрошу, Юра, — сказал он после паузы, — не делай из всего этого трагедии. Прошлого не вернешь, жить надо настоящим и думать о будущем... И еще — побереги мать, не заставляй ее переживать. Ты же знаешь — у нее большое сердце. Договорились?

— Договорились, отец.

Похоже было, что этот разговор вернул Юрию душевное равновесие. В школе он внимательно слушал препо-

давателей, шутил с товарищами, выступал на заседаниях комсомольского бюро. Все было, как прежде, разве только Сергей Старков неловко прятал от него взгляд. И все-таки, встречая на улице знакомых, Юрий ловил себя на мысли: «Они здороваются с директорским сыном, не зная, что на самом деле перед ними отпрыск безвестного шофера». Ему казалось, что, окликни его кто фамилией Русаков, он обязательно обернется на зов.

Терпеливо ждал Юрий, когда мать более подробно расскажет ему о человеке, чья кровь струится в его жилах, но она вела себя примерно так же, как Старков.

ГЛАВА 3

Разбор итогов марш-броска проходил на следующий день. Юрий Русаков ждал обидных и язвительных слов в свой адрес, но командир батальона, водя указкой по карте с вычерченными маршрутами взводных колонн, говорил не о допущенных просчетах, а о том, как следовало поступить на каждом из отрезков пути.

«Будто лекцию читает, — язвительно думал Русаков, которого почему-то не обрадовал характер разбора. — Нет, не прав Еськов, новый комбат, — типичный представитель кабинетных знатоков. Долго он в здешних краях не задержится...»

Невольно вспомнилась первая встреча с Балтикой. Это было буквально на следующий день после прибытия Юрия в часть. Начальник штаба взял молодого офицера с собой на рекогносцировку побережья. Решил, видимо, сразу же приобщить командира взвода к повседневным хлопотливым делам. Оставив машину на опушке соснового леса, пошли дальше пешком по спрессованному песку, на котором даже следов не оставалось. Перевалили через двугорбую поздреватую дюну, укрепленную на гребнях полусгнившим плетнем, по крутому ее склону спустились к морю.

Поверхность его рябилась мелкими пенистыми барашками, которые сверкали на солнце, словно обсыпанные битым стеклом. Прибойные волны с шипением выбрасывались на отлогий плес, принося с собой плавник, бурые груды водорослей и шершавые камни. Один подвернулся Юрию под носок сапога, и он отфутболил камень в сторону.

— А ведь это янтарь! — воскликнул шедший следом офицер, подбирая находку. — Гляньте, какой кусман, из него можно наточить сережек для половины гарнизонных модниц!

Но Юрий даже не обернулся. Его взгляд приковало и заворожило море. Что-то необычное и захватывающее было и в густом рокоте прибоя, и в расчерченной волнами белесой беспредельности, и в изломанном силуэте корабля — далеко-далеко, там, где смыкался с водою серовато-голубой купол неба.

Позже, во время ночного перехода на борту десантного корабля, довелось Юрию познать и суровую изнанку морской романтики. На полпути к месту высадки десанта разыгрался шторм. Море вздулось крутыми хрипящими валами, которые, словно щепку, шарахали из стороны в сторону стальную многотонную громаду. От изнурительной болтанки трещала и раскалывалась голова, налились свинцовой тяжестью ноги, и от горячего липкого пота взмокла рубаха. Хотелось упасть на подвесную койку, отключиться, забыв обо всем на свете.

— Крепись, сынок, — сказал ему сосед по каюте мичман Седов, бессменный боцман десантного корабля со дня его постройки. — Коли заляжешь — пиши пропало. А ты — командир, по тебе подчиненные равняются...

Немалым усилием воли стоило ему тогда взять себя в руки. И он благодарен был старому морскому волку за тот грубоватый совет. Показалось даже, что не посторонний человек, а родной отец приободрил и не дал раскиснуть. Спустившись в кубрик и подняв всех укачавшихся

морских пехотинцев своего взвода, Русаков увел их в твиндек и стал вместе с ними проверять и подтягивать крепежное устройство боевых машин. За работой почувствовал желанное облегчение. Высадка в тот раз не состоялась, но Юрий тогда одержал не менее важную первую победу над самим собой...

— Вывод из всего сказанного напрашивается один, — дошел до сознания Юрия голос комбата. — Необходимо ужесточать тактический фон каждого боевого упражнения, приучить всех командиров к размышлению над вариантами выполнения задачи, выработать умение находить самый оптимальный.

«И слова-то у него: «ужесточать», «приучить», «выработать», — усмехнулся Юрий. — Слово он не командир батальона, а профессор тактики».

Назавтра по составленному еще до прибытия нового комбата месячному плану взвод гвардии лейтенанта Русакова выполнял зачетные пулеметные стрельбы с бронетранспортеров на ходу.

— Будьте готовы к тому, что Родионов может приехать на полигон, — предупредил Юрия командир роты. — Самое главное — доложите как следует. В армии все начинается с толкового доклада...

Русаков хотя и привык уже к подобным поучениям своего ротного, но не мог сдержать горькой усмешки. Полтора года слышал он от Миронова: «в армии то, в армии это», а подспудный смысл фраз означал: «не то, что у вас на гражданке!» И хотя первый взвод уже завоевал переходящий вымпел, командир роты упорно продолжал считать Русакова полуштатским человеком.

«Сегодня будет случай убедить и тебя, и «академика» в обратном», — самолюбиво подумал Юрий.

К огневому рубежу перед мишенным полем выдвинулась очередная боевая машина. Выметывая песок из-под

скатов, бронетранспортер набрал скорость и помчался вперед, то скрываясь в овражках, то снова появляясь на взлобках. Воздух распарывали короткие очереди крупнокалиберного пулемета.

— Четыре попадания, — сообщили мишенные контролеры.

«Не ахти», — сердито поморщился Юрий, хотя за такой результат полагалась хорошая оценка. Но в планы Русакова входило продемонстрировать отличную стрельбу всех пулеметчиков взвода. И вот первая досадная осечка. «Надо приостановить стрельбы и выяснить причину промаха», — решил он и дал команду выключить двигатели.

По наторенной колее бэтэр возвращался обратно. Остановился, скрипнув тормозами. Пулеметчик выпрыгнул из машины, следом за ним выбрался водитель, отирая рукавом комбинезона вспотевшее лицо.

— Скорость подвела, товарищ гвардии лейтенант... — словно предугадав вопрос Юрия, выпалил пулеметчик. — Перед второй линией мишенной уклон размыло, надо было заранее снизить обороты...

Юрий хотел было собрать экипажи и тут увидел вынырнувший из пыльного облака штабной газик.

— Товарищ гвардии майор, личный состав первого взвода выполняет огневую задачу. Командир взвода гвардии лейтенант Русаков! — четко доложил он. Мионов остался бы доволен: Юрий и пять уставных строевых шагов сделал, и под козырек взял руку безукоризненно.

— Вольно, — скомандовал комбат. — Попрошу, гвардии лейтенант, ваше тактическое задание.

Как назло, прикипела застежка планшетки. Юрий едва ноготь не сломал, открывая ее. «Подумает еще, что мандраж напал...» — злился он.

— И вы всегда стреляете в таких элементарных условиях? — возвращая документ, спросил Родионов.

— Как в элементарных? — не понял вопроса Юрий.

— Атакуете по накатанным колеям, заходите со стороны солнца, поражаете стационарные мишени?

— Этот вопрос не ко мне, товарищ гвардии майор. Я сам себе заданий не составляю...

— Вы действительно ни при чем, зато полигон похож на макет в тактическом кабинете... Приостановите занятия и сообщите на мишенное поле, чтобы ждали меня.

Родионов хлопнул дверцей, и юркая машина рванула с места. Озадаченные морские пехотинцы долго глядели ей вслед.

— Разрешаю перекур!— скомандовал взводу Юрий. — Оружие привести в исходное положение, от машин далеко не отходить.

— Гвардии майор чем-то недоволен? — осторожно осведомился заместитель командира взвода Тимофеев.

— Кажется, задание его не устраивает...

А командирский газик уже мчался обратно.

— Тактический фон я вам изменяю, — распорядился комбат. — Исходная позиция будет вот здесь, — ткнул он пальцем в карту. — Каждая машина подходит к огневому рубежу поочередно со своего направления. Мишени будут подниматься на предельной дальности стрельбы всего на несколько секунд. Вы все поняли, гвардии лейтенант?

— Не совсем, товарищ гвардии майор... — растерянно проговорил Юрий.

— Хорошо. Объясняю снова: вот здесь исходная позиция...

Юрий слушал и, сдерживая раздражение, нервно покусывал губы. Комбат, видимо, забыл, что у взвода зачетная стрельба, а не тренировочное занятие.

— Теперь поняли?

— Упражнение остается зачетным? — задал вопрос Юрий.

— Безусловно.

— Разрешите выполнять?

— Командуйте.

Бэтэары запустили моторы... ну а потом сблизь самые худшие предположения Юрия. Пулеметчики не успевали как следует прицелиться, судорожно жали на гашетки и очереди «уходили за молоком». Один только гвардии матрос Филипеня сумел поразить две мишени, остальные не уложились даже в посредственный норматив.

Доклады с мишенного поля заставляли Юрия вспыхивать, как от пощечин, а комбат цедил сквозь зубы:

— Неважные дела, гвардии лейтенант.

«А что вы хотели от полуштатского человека? — косясь на него, сконфуженно думал Юрий. — Я ведь академии не кончал...»

— Надеюсь, вы убедились, что такое шаблон, — спросил Родионов, когда отстрелялся последний расчет, — и какой вред приносит он боевой подготовке? Стоит отступить от него хоть на йоту, как все рассыпается в прах.

Он приказал Юрию построить взвод. Подойдя к недлинным шеренгам, внимательно посмотрел на потные и расстроенные лица морских пехотинцев.

— Гвардии матрос Филипеня, выйти из строя! — скомандовал он.

Высокий и узкоплечий, похожий на переодетую девушку Филипеня сделал два шага вперед, повернулся лицом к строю и замер, прижав к бокам длинные вздрагивающие руки.

— За хорошие результаты стрельбы объявляю вам благодарность.

Пулеметчик удивленно вскинул голову и ответил ломающимся баском:

— Я стрелял плохо, товарищ гвардии майор...

— Встаньте в строй! — приказал комбат и, уже обращаясь к Юрию, добавил: — Ваши подчиненные плохо знают устав, гвардии лейтенант Русаков. Примите от них зачеты и доложите мне по команде.

— Есть принять зачеты и доложить, — не подымая глаз, повторил Юрий. Машинально скомандовал «Смир-

но!» и не глядел, а только слушал, как затихает вдали шум автомобильного мотора.

Весть о провале первого взвода взбудоражила весь батальон.

— Что там у вас стряслось? — раздраженно спросил Миронов.

— Ничего особенного. Просто вышла всеобщая мазь, товарищ гвардии капитан, — невесело усмехнулся Юрий.

— Вы мне бросьте эти штатские штучки! — повысил голос Миронов. — Доложите все, как положено.

Взяв себя в руки, Русаков рассказал о том, что произошло на полигоне.

— В итоге выяснилось, что мой взвод не умеет стрелять, товарищ гвардии капитан, — закончил свой рассказ Юрий, — да к тому же уставов не знает. Выходит, что приз за огневую подготовку нам по ошибке достался...

— Ну зачем такие поспешные выводы, Юрий Егорович? — подал голос Еськов. А Миронов, узнав, что Родионов переключил его тактическое задание, подобрел и даже попытался улыбнуться:

— Новый командир и новые порядки... Ну что ж, будем перестраиваться.

Его позвали к телефону. Когда командир роты отошел, Еськов ободрил лейтенанта:

— Да вы не огорчайтесь так. Вспомните, что за битого двух небитых дают!.. И на ротного тоже не сердчайте. Миронов зла на вас не держит. А его понять тоже можно: четыре года в одной должности и последний шанс поступить в академию у него остался. Со дня на день вызова на экзамены ждет, вот и боится, как бы чего не вышло.

— А чего мне расстраиваться? — вскинул голову Юрий. — У меня срок службы скоро заканчивается. Пусть другие волнуются.

Он знал, как не хотелось Миронову, чтобы первый

взвод подчинили «годичнику», который и портянок толком перемотать не умеет. Гвардии капитан добивался штатной перестановки, предлагал назначить командиром первого взвода кадрового офицера гвардии лейтенанта Ермоленко, а призванному из запаса Русакову дать третий взвод. Но Миронову почему-то отказали. Когда же назначение Юрия состоялось, командир роты буквально стоял за спиной новичка, опекая его даже в мелочах. Первые полгода во взводе было форменное двоевластие. Но однажды, когда во время занятий Миронов решил поправить Юрия, тот заявил:

— Товарищ гвардии капитан, либо отстраняйте меня от командования, либо не мешайте мне работать!

Обескураженный такой дерзостью, Миронов хотел было подать рапорт по команде с требованием сурово наказать Русакова, но передумал. Остерегся выказать самого себя в невыгодном свете. Зато стал реже бывать в подразделении Юрия. И хотя дела здесь явно шли в гору, Миронов не относил это на счет способностей командира взвода.

— С такими ребятами любому сержанту можно одевать эполеты, — съязвил он как-то.

В принципе Юрий считал, что командир роты прав. Люди в первом взводе действительно подобались толковые и старательные.

ГЛАВА 4

Дополнение к анкете Русакова

За лениво текущим меж поросшими осоком и тальником берегами Ишимом с незапамятных времен копали огороды. В рыхлой песчаной почве картофель родился вкусный и разваристый. После войны, когда наладилась жизнь, стали мельчать делянки. Многие вообще перестали заниматься огородничеством, только Вельяминовы

продолжали арендовать несколько соток. Инициатором была мать, да и отец любил взять в руки лопату.

— Человеку необходим активный отдых! — говорил он. — Будь моя власть, я бы всех своих инженеров раз в году переводил в разнорабочие!

Только этой весной огородом занимались Юрий с матерью вдвоем. Отца пригласили в область на какое-то совещание. Воскресенье выдалось по-летнему теплым. Мать была в хорошем настроении, работая, напевала вполголоса. Повязанная ситцевым платком, она выглядела моложе, чем в модной шляпке, которую носила обычно.

— К труду у меня сызмальства привычка, — рассказывала она сыну. — Когда отец наш, а твой дед, на фронте погиб, нас у матери пятеро осталось. Все девки, и мала малой меньше. Старшая сестра на завод работать пошла, а мне все хлопоты по дому достались. Накормить младших, обстирать и обшить. Вернусь из школы, сумку на гвоздь и примусь за дела...

— Извини, мама, что перебиваю... — сказал Юрий. — Я давно уже жду, когда ты заговоришь со мной о нем...

— О ком? — сразу как-то насторожилась мать.

— Сама знаешь...

— Ох, нелегко мне затевать такой разговор, сынок. Боюсь, что не поймешь ты меня.

— А ты не бойся, мама. Мне семнадцатый год, паспорт имею.

— Мне двадцать было тогда, и то не сумела как следует разобратся...

— Но я должен знать. Понимаешь, должен! Мне жить без этого трудно, мама!

— Ох, этот ваш теперешний эгоизм: я, меня, мое! А когда мы росли, мы знали только одно слово — наше. Живется вам слишком легко за нашими плечами... Ну хорошо, Юра, я попытаюсь рассказать тебе о нем и о себе. — От сына не ускользнула тень, промелькнувшая на ее лице. — В общем, когда в пятидесятом году закончила

я школу медсестер, то получила распределение на работу в районную больницу...

Юрий слушал знакомый до полутонов голос и пытался представить мать такой, какой была она восемнадцать лет назад. Она и теперь была очень привлекательна. Поглядев вслед на ее стройную фигуру, высокую прическу, не скажешь, что ей уже под сорок. Одевалась мать просто, но продуманно до мелочей. А рядом с полнеющим и лысоватым мужем выглядела еще моложе.

— Стала я дежурить на посту хирургического отделения. Палаты мне попали веселые — сплошная травматология. Большинство пациентов молодые мужчины: кому руку в станке защемило, кого строительные леса подвели, а некоторым и просто бока намяли по пьяному делу. Все они в принципе были здоровыми людьми, спали, ели и наперебой навязывали дежурным сестрам свои ухаживания. Надоедало нам их от поста прогонять. Только вечерами, когда не было врачей, позволяли себе поболтать с кем-либо из них часок-другой...

Юрий видел фотографию матери тех времен. Тоненькая, как рябинка, девчушка в белом ситцевом халатике с косой, переброшенной на грудь. Портили снимок лишь скованная поза и напряженный взгляд: заставил, видимо, горе-фотограф долго смотреть в объектив.

— Я самой молоденькой была из сестер, потому и свиту самую большую имела. За первые полгода работы получила я кучу замечаний от строгого начальства, а еще больше признаний в пламенной любви от больных. Всерьез я, конечно, ничего не принимала, просто веселая болтовня больничных ухажеров скрашивала дежурство. А потом в одной из палат появился он...

Она неловко замаялась, и Юрий почувствовал, что ей не хочется произносить «твой отец».

— Он не был говоруном, как другие, больше даже на молчуна походил, но обладал каким-то непонятным свойством влиять на людей. Приходил на пост, заставлял там

очередного красная, бросал ему коротко: «Слушай, друг, тебя в палате заждались», и тот покорно отправлялся восвояси. А он садился на освобожденное место и начинал смотреть на меня таким взглядом, от которого шприцы из рук моих валялись. В несколько дней он всех других отвадил и остался возле меня один...

— Какой он был из себя, мама? — перебил ее Юрий.

— Самый обыкновенный. Ни буйных кудрей, ни румянца во всю щеку, ни распрекрасных глаз. Просто высокий и осанистый...

— Я на него похож?

— Может, забыла я его, но мне кажется — ничего ты не взял от него, кровь моя взяла верх...

Она снова замолчала, а Юрий старался представить высокого молчаливого человека, который сидит возле медицинского столика, положив на его край большие руки. Такие, как у отцовского, вернее, у отчимовского шофера Николая.

— А почему он в больницу попал?

— После дорожной аварии. Видно, под хмельком ехал. Мне и позже говорили, что все шофера останавливаются возле придорожных чайных. Автоинспекторов в ту пору не густо было, да и на многое они тогда сквозь пальцы смотрели. За баранками сидели отчаянные ребята — фронтовики. Рука у него была сломана, гипс мы ему наложили...

Вышло, что ошибочную картину нарисовал мысленно Юрий. Не мог тот человек скрестить обеих рук на краешке стола. Зато теперь видел его Юрий в кабине бешено несущегося по большаку грузовика, слышал пугливый скрежет тормозов на крутых поворотах.

— Я и сама не заметила, как подпала под его влияние. Соглашалась с ним во всем, не посмела отказать, когда предложил он выйти за него замуж. Попросила только несколько денечков, чтобы подумать. Но он и этого мне не дал. Уговорил в два счета маму, безо всякого

заявления организовал регистрацию брака, в тот же день подогнал к нашему дому машину и погрузил в кузов немудрящее мое приданое...

Может, сама того не желая, мать внушала сыну симпатию к человеку, которого называла местоимением Он. Юрий всегда уважал волевых, решительных людей, настойчиво стремившихся к поставленной цели. В глубине души он и себя считал таким, а к рефлектирующим по каждому пустяку нытикам относился с долей скрытого превосходства.

— Вот так стала я мужней женой, хозяйкой в маленькой комнатухе, которую выделила нам автоколонна. А через неделю после свадьбы он не пришел с работы домой. Запиской через рассыльную сообщил, что поехал в какой-то срочный рейс. Обидел меня кровно, я до сих пор не знаю, ездил ли он куда-нибудь или просто загулял с дружками. Во всяком случае, сомнительно, чтобы в таком большом коллективе не нашлось кого вместо него в рейс послать. Чем дольше я с ним жила, тем больше он меня удивлял. Вскоре выяснилось, что он не приносит мне всей зарплаты. Правда, себе он не оставлял, на выпивку ему хватало левых заработков, — оказывается, посылал деньги своей сестре в деревню. А та жила одна-одинешенька, работала в колхозе, дом собственный имела, приусадебное хозяйство. Она больше нуждалась или мы, у которых и табуретки собственной не было? Когда я пыталась ему выговаривать, он лишь отделивался глупой фразой о том, что не в деньгах счастье...

Мать знала цену вещам и деньгам. «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи», — любила повторять она. Квартира Вельяминовых была обставлена громоздкой импортной мебелью, в гостиной было даже пианино, хотя никто в семье не играл. На полках серванта радужно переливались наборы дорогого хрусталя. Юрию подчас было неловко приводить домой товарищей, таких, к примеру, как Сережка Старков, который носил лицо

ваный и заштопанный на локтях пиджак. Когда отчим пытался возразить против очередной дорогой покупки, мать находила столько доводов в пользу нового приобретения, что он шутливо поднимал вверх руки. Авторитетный и, по мнению некоторых, даже своевольный директор завода дома становился мягким и уступчивым человеком.

— Упреки мои он по-своему истолковал, — продолжала рассказывать мать. — Чаще стал подряжаться в дальние рейсы, они были выгоднее. Отдежуривав в больнице, я целыми днями сидела одна...

В голосе матери звучали грустные нотки. Чувствовалось, что даже теперь, через много лет, она жалеет себя ту, прежнюю, одиноко сидящую возле полутемного окна. Но Юрий поймал себя на мысли о том, что ее рассказ не вызывает у него сочувствия. Ведь существует множество профессий, неизбежно связанных с расставаниями: моряки и зверобои, полярники и геологи, археологи и журналисты. Послушать мать, так людям этих профессий надо запретить обзаводиться семьями, чтобы не страдали их бедные жены.

— А он словно и не видел моих переживаний. На командировочные деньги привозил пустячные подарки и приводил в нашу комнатуху шумливых приятелей. Не доходило до него даже то, что я уже в таком положении, когда не очень хочется принимать гостей. Я уже собиралась в родильный дом, а он вдруг отправился в рейс куда-то на север, сослался на то, что вот-вот наступит распутица, надо обязательно доставить буровикам важный груз, а лучше его никто не знает маршрута...

Мать горестно вздохнула и покачала головой, словно подчеркивая этим неслыханную черствость своего первого мужа.

— Ты не думай, сын, — после паузы сказала она, — что я нарочно хочу очернить его... твоего отца. Я знаю, что еще древние говорили: «О мертвых или хорошо, или

ничего». Но ты сам просил рассказать всю правду, вот я и рассказываю тебе, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. Может, в чем-то я и ошибалась тогда; проживи мы с ним подольше, возможно, все бы и образовалось...

— Он много пил? — вновь перебил Юрий мать.

— Как тебе сказать... — замялась она. — Домой он пьяным не приходил, но мне говорили, что там, на севере, куда их автоколонна возила грузы, там шофера почти не просыхали...

— Что же было дальше?

— Дальше родился ты. Роды у меня были трудными. Врачи говорили потом, что серьезно опасались за мою жизнь. Чудом, Юра, ты не остался сразу круглым сиротой. В общем, несколько суток лежала я в тяжелом состоянии и мне не решались сообщить страшную весть о нем. Лишь когда я окрепла, то обо всем узнала. К тому времени его уже похоронили. В больнице меня навестила его сестра, та самая, которой он помогал. Утешала, в деревню к себе звала, говорила, что дом у нее большой, крестовый, места всем хватит, что работа у них в медпункте найдется...

— А как же с ним получилось, мама?

— Обыкновенно. Погнал машину напрямик через реку. А лед был уже плохой, вот и не выдержал. Наверное, под хмельком он ехал, иначе бы не сделал подобной глупости... Я же, когда из больницы выписалась, комнату нашу сдала, обратно к маме переселилась. С ней и жила до тех пор, пока не встретила Валериана Дмитриевича. Остальное все тебе известно. Скажу только, что, если бы не Валериан Дмитриевич, никогда не быть мне врачом. Он и кашу тебе варил, и штанишки твои стирал. В три годика ты заболел диспепсией, так у Валериана Дмитриевича брали кровь и тебе переливали. Так что с тех пор вы стали кровными родственниками...

— Эта женщина, сестра отца, она жива? — спросил Юрий.

— Его сестра? Прости меня, Юра, но я не знаю. Она еще однажды приезжала через год, а потом, когда Валериан Дмитриевич усыновил тебя, я попросила ее в письме оставить нас в покое. К ее чести, она оказалась умной женщиной, все поняла и больше нас не беспокоила.

— Это же жестоко и несправедливо, мама! Она ведь моя родная тетка, тем более одинокий человек!

— Пусть жестоко, но это было необходимо. Мы думали прежде всего о тебе. Постой... Ты говорил, что Старковым все рассказала какая-то женщина. Неужели это была она?

— Я же говорил, что та женщина работала вместе с тобой в больнице!

— Да, верно. Я запомнила. Медперсонал у нас часто менялся, трудно предположить, кто мог сделать такую подлость.

— Разве это подлость, мама?

— А что же еще, по-твоему?

— Это правда. Пусть горькая для меня, но правда.

— Это как раз тот случай, когда правда является настоящим злом.

— Значит, лучше сладкая ложь?

— Все это высокопарные слова, Юра!

— Пусть... Скажи, ты не забыла адреса моей тетки?

— Адрес я не забыла. Коли тебе так хочется, пиши...

ГЛАВА 5

У Федора Ермоленко душа, как говорится, нараспашку. Уже через несколько дней после знакомства Юрий знал всю его родословную. И про то, что дед Федора в гражданскую войну был рядовым бойцом у легендарного начдива Пархоменко, а в Великую Отечественную сам

командовал дивизией и погиб возле родного города Киева. И о том, что отец Ермоленко тоже кадровый военный, подполковник, сотрудник Киевского горвоенкомата.

— Понимаешь, Юрко, — откровенничал Федор, — передо мной никогда не стояло вопроса о выборе профессии. Все было заранее predetermined — продолжать семейную традицию. Но когда в училище поступил, тут и заело. Оказалось, что не приучен я к дисциплине. После домашних вольностей в казарме мне небо с овчинку показалось. Взысканий нахватал, как паршивая овца репьев. Да и способности мои оказались более чем скромными. Хвосты за собой с курса на курс тащил. А теперь не сладко приходится мне с таким теоретическим багажом...

Страшно огорчился Ермоленко, когда новый комбат временно поселился в общежитии. Гвардии майор Родионов вставал ровно в шесть и в любую погоду отправлялся на спортплощадку. Его примеру последовали другие офицеры. Федор же за лишние полчаса утреннего сна готов был пожертвовать завтраком. А теперь и ему приходилось, ворча, заводить с вечера будильник.

— Скоро на мне, как на весеннем зайце, жиринки не останется, — сокрушенно вздыхал он.

— Вот и хорошо, — подзадоривал товарища Юрий. — Десантнику лишние килограммы вовсе ни к чему.

Поначалу Русакова даже забавляло то, что Федор любил щегольнуть в разговоре броским сравнением. Неуклюжего человека называл слоном в посудной лавке, бережливого — скупым рыцарем, разговорчивого — ветряной мельницей. А однажды, когда гвардии капитан Мионов в присутствии других взводных отчитал Ермоленко за упущение по службе, тот постучал согнутым пальцем себе по лбу и буркнул:

— Omnia mea mecum porto...

— Чего? — резко обернулся к нему командир роты.

— Все мое ношу с собой, товарищ гвардии капитан! — тотчас перевел свою латынь Федор.

Все прыснули, и даже сам Миронов не смог сдержать улыбки.

Федор первым поздравил Юрия, когда тому присудили переходящий вымпел.

— Есть в тебе, Юрко, флотская косточка! — сказал он. — Я вот кадровый офицер, а третий год похвастать нечем. Числюсь хроническим середняком... Послушайся моего доброго совета, оставайся в армии насовсем. Не знаю, был ли ты хваленым инженером, только взводный из тебя мировой получается!

Сам того не ведая, Федор угадал тайное желание гвардии лейтенанта Русакова.

Совсем недавно Ермоленко заявился в общежитие необычно взбудораженным.

— Все! — радостно завопил он, швыряя портупею. — Хватит страдать, да здравствует наслаждение! — И запел, нещадно фальшивя:

На заре ты меня не буди,
На заре буду сладко я спа-а-ть!

Комбат изволил перебраться в личные апартаменты. Я со своими хлопцами вещички помогал грузить...

Судя по его лукавому, радостному виду, Федор чего-то недоговаривал. Но Юрий не стал выспрашивать. Все разъяснилось двумя днями спустя, в субботу.

— Чем ты занимаешься вечером, Юрко? — поинтересовался Федор.

— Книжку заполучил интересную, намерен почитать.

— Какую?

— Журнал «Иностранная литература» с повестью Франсуазы Саган.

— Клубнички, значит, захотелось?

— А ты уже прочел?

— Нет, но знаю, что за птичка эта сочинительница. Я люблю в критические разделы журналов заглядывать. Критики ведь лоцманы в книжном море!

— Зато я до всего дохожу своим умом,— насмешливо взглянул на приятеля Юрий.

— Ну ты у нас Сократ, а не свой брат!.. Слушай, отложи Франсуазу до завтра. Выручи меня, сходи обеспечивающим на танцплощадку.

— Еще чего! — насмешливо фыркнул Юрий.— Легкая музыка — твоя страсть.

— А про должок изволили забыть? Кто ваши капопиры рыл?

— Ты бы сперва объяснил, в чем дело,— сдался Юрий.

— Понимаешь, свидание у меня. С одной чудесной дивчиной.

— Тю-тю! — удивленно присвистнул Юрий. — Наш пострел и тут поспел.

Ему пришлось облачиться в выходной мундир, сменить сапоги на туфли, а берет на фуражку. Из большого настенного зеркала на него глянул пижонистый лейтенант с усмешливо поджатыми губами.

Что означает должность обеспечивающего, Юрий толком не представлял, хотя не раз уже обеспечивал и спортивные игры, и медицинские осмотры, и экскурсии. В уставе таковой не предусмотрено, а потому — прав никаких, обязанности тоже весьма смутные: гляди в оба, как бы чего не вышло. Остряки называли обеспечивающих дежурными пожарниками.

Танцплощадка находилась в старом тенистом парке, исполосованном многочисленными тропинками. В раковине открытой эстрады настраивал инструменты матросский оркестр, наполняя парк разноголосым пиликанием. В аллеях было пока малоллюдно, лишь на ближних скамейках скучали несколько девушек, ожидая, когда отпустят из казармы кавалеров.

Чтобы засвидетельствовать свое присутствие, Юрий подошел к руководителю оркестра, познакомился с танцевальной программой вечера. Потолковали о том о сем,

а затем его собеседник извинился, сел возле своего пюпитра, и оркестр заиграл вальс.

Танцплощадка мигом заполнилась. Среди матросских форменок кое-где мелькали тужурки прапорщиков и лейтенантов. И тут Юрий увидел Федора Ермоленко под руку со стройненькой девушкой в кожаной юбке, ее талия была затянута широким блестящим поясом.

— Познакомьтесь, пожалуйста, — смущенно, а оттого папыщенно изрек Федор. — Наталья Федоровна — работник культурного фронта. Мой друг и коллега Юрий Рукавов.

— Добрый вечер. — Девушка подняла на Юрия карие, опущенные длинными ресницами глаза. — Мы ведь, кажется, знакомы...

И Юрий сразу узнал ее.

Четыре года назад их, студентов-политехников, послали на лагерные сборы по военной подготовке.

Студенческими отделениями командовали кадровые сержанты, ограниченные, по мнению Юрия, люди, совершенно не понимавшие, кого им временно подчинили. Муштровали они будущих инженеров, словно обычных солдат-первогодков. Строевые занятия и бесконечные марш-броски с полной солдатской выкладкой вымотали студентов. Многие ждали не дождались того дня, когда снова вернутся к гражданской жизни.

Кто-то узнал, что неподалеку от лагеря в совхозе работает студенческий строительный отряд одного из московских институтов. Возникла идея провести вместе выходной день. Москвичи согласились, и в одно из воскресений знакомство состоялось.

Как водится, начали встречу со спортивных состязаний. Юрий играл за свою баскетбольную команду. Зрителей возле площадки было немного, тем заметнее выделялась пестрая стайка девчат, сидевших на вкопанной в землю скамейке. Они бурно радовались каждому мячу, заброшенному в корзину москвичами, и дружно освисты-

вали политехников. Особенно лихо, как заправский голубятник, свистела красивая пышноволосяя девушка. Судья даже замечание ей сделал.

Победила команда Юрия. И, проходя мимо шумной скамьи, он иронически бросил:

— Напрасно старались, мадамы тиффози!

На что пышноволосяя ответила:

— Может, вы пойдете к нам в институт тренером? Мы вам создадим приличные условия.

— Если вы подождете, пока я переоденусь, мы обсудим ваше предложение. — Юрия не на шутку заинтересовала экспансивная болельщица.

Она в самом деле подождала. Только не одна, а с подружкой, совсем еще девочкой.

— Меня зовут Ирина, — сказала пышноволосяя. — А это наша самая младшенькая в отряде — Наталья. Вы симпатичный солдатик, — улыбнулась она, бесцеремонно разглядывая Юрия, — только офицерская форма вам была бы больше к лицу.

Так до самого расставания они и проходили втроем. Юрий в душе досадовал на то, что пигалица никак не может понять, что она лишняя. Не удалось остаться вдвоем с Ириной и в следующий раз, когда политехники нанесли ответный визит москвичам. Вечер закончился тогда танцами в совхозном клубе, и, хотя в кавалерах не было недостатка, Ирина заставляла Юрия танцевать поочередно с ней и с ее подружкой. Словом, ничего путного из того знакомства не получилось. Юрий понял, что не впечатлил красивую москвичку, и даже адреса ее не стал брать... И вот теперь ему невольно пришла на ум андерсеновская сказка о гадком утенке. Пожалуй, сейчас, повторись тот давний эпизод, он бы еще подумал, кого из подруг предпочесть.

Извинившись, Федор повел девушку на круг. Бережно обняв за плечи, закружил в быстром танце. Юрий невольно следил за ними, стараясь не потерять из виду в

тесной сутолоке танцевальной площадки. Здесь не считалось зазорным, если матросы танцевали друг с другом, партнерш не хватало. Потому очень часто объявляли «дамские танцы».

Юрий отвлекся на момент и вдруг почувствовал, что кто-то тронул его за локоть.

— Разрешите? — сказала Наташа.

— Но я плохо танцую... — пробормотал он.

— Все равно неприлично отказывать девушке!

Наташа смотрела на него с каким-то затаенным любопытством, и от ее взгляда Юрию стало неловко, он сбился с ритма, смущенно буркнув извинение.

— А я вас сразу узнала, — улыбнулась девушка, — хотя вы очень изменились.

— Постарел?

— Ну что вы! Просто возмужали... — Она говорила с легкой картавинкой, которая, помнилось, так раздражала его тогда. Сейчас эта картавинка показалась Юрию даже приятной.

— Вы не хотите спросить меня об Ирине? Она вышла замуж за нашего институтского преподавателя, доцента, осталась в Москве.

— А вы какими судьбами здесь, если не секрет? — поинтересовался Юрий.

— Приехала со старшим братом. Моя фамилия Родионова.

— Вы сестра нашего комбата?

— Ага. Вы очень проникательны. А ваш друг Федор — мой добрый рыцарь, он мне помогает освоиться здесь.

Оркестр замолчал, и Юрий отвел девушку в угол к ревниво скусающему Федору.

— Не сочтите меня назойливой, — сказала Наташа, через некоторое время пригласив его снова. — Я возвращаю вам долг за тот вечер в совхозном клубе. Признайтесь, вам тогда не очень хотелось танцевать со мной?

— Отчего же, напротив...

— Не кривите душой! Женщин на этот счет не проведешь...

— Положим, в ту пору вы были существом среднего рода, — неловко пошутил Юрий и покраснел.

— Мне шел восемнадцатый. Ну а теперь? — кокетливо глянула она.

— Теперь вы Джаконда.

— О! Слишком смелый комплимент!

— Вы сами на него напросились... Вы, очевидно, занимаете крупную должность в системе культпросветработы?

— Огромную! Веду Домом культуры в Сосновке. Бывали там?

— Не приходилось.

Юрий простился с Федором и Наташей сразу после окончания танцев. Когда площадку прибрали, а парк опустел, он отправился домой со смешанным чувством досады и легкой грусти.

Федор явился за полночь.

— Чего не спишь, Юрко? — удивленно хохотнул он. — Или Франсуаза Саган нагнала на тебя бессонницу?

— Плоско остришь. Доложи лучше, зачем ты все это подстроил?

— Не надо дуться, Юрко, — попытался обнять его за плечи Федор. — Я хотел тебе сделать сюрприз. И потом Наташа сама меня об этом просила.

— Мало ли кто о чем тебя попросит.

— Ох и жгучий же ты, Юрко, навроде той крапивы. И откуда в тебе такое сердитое семя?

— Зато ты со всеми голубая душа! — отпарировал Юрий.

— Вот сложить бы наши характеры вместе и снова разделить на двоих — хорошие бы хлопцы получились! — прищелкнул языком Федор.

Он обладал счастливым свойством отключаться, едва

коснувшись головой подушки. Вскоре Федор сладко похрапывал, а Юрий ворочался в постели, думая о завтрашнем дне. Предстояло психологически очень сложное упражнение — отражение танковой атаки; которое в обиходе называли обкаткой танками. Все ли молодые матросы окажутся на высоте? «Хоть бы погода не подвела...» — вздохнул он, засыпая.

ГЛАВА 6

Дополнение к анкете Русакова

«Дорогой мой племянник Юрий Валерианович! Уж так я была рада получить весточку твою, что слов моих нет. Пишу вот сейчас, а слезы глазонькам смотреть не дают. Ведь не ждала, не чаяла, что разыщешь ты старую свою тетку. Чего тебе про себя написать? Живу безбедно, работаю, пока здоровье позволяет. Колхоз мне в запрошлом годе избу подправил. Венцы подгнившие заменили, крышу и пол перестелили наново. Огород у меня большой, только весь я его не обрабатываю. Половину соседям отдала, а мне и того, что осталось, вдосталь. Скотину не держу, без надобности мне она.

Как же ты узнал про меня, соколик мой ясный? Видно, мамка тебе рассказать решила. Я ведь так и знала, что расскажет она тебе все, когда подрастешь. Женщина она сурьезная, образованная. Ты ее слушай, Юронька, мать никогда дурному не научит. И отца своего чти теперешнего. А покойного отца помни без горечи. Так уж на земле ведется: мертвым лежать, а живым надо жить. В гости приезжай, коли родители не супротив того. Дорога не дальняя.

Крепко тебя целую, а родителям твоим кланяюсь.

Твоя тетка Таисья Архиповна Русакова».

Юрий еще раз перечитал письмо, начертанное старательным ученическим почерком на тетрадном листе в ли-

нейку, представил себе одинокую старую женщину в ситцевой кофте с ручкой-обмакушкой меж заскорузлых пальцев и со слезинками, застрявшими на морщинистых щеках. И этот созданный послушным воображением облик заставил тоскливо сжаться его сердце. Вмиг улетучилось радостное возбуждение после отлично сданных экзаменов за девятый класс — предпоследнего этапа на пути к золотой медали.

— Погоди, мама... — отстранил он мать, принявшуюся расцеловывать его в обе щеки. — Ты знаешь, туристскую путевку придется сдать. Я не поеду в Карпаты...

— Как? Почему? — недоуменно воскликнула она.

— Вот прочти, — протянул ей конверт Юрий. — Я поеду к ней, — добавил он, когда мать торопливо пробежала глазами тетрадный листок.

— Но у тебя же впереди два с половиной месяца каникул! Съездишь в Карпаты, а тогда уже к ней.

— Нет, мама. Она и так слишком долго ждала...

— Какой же ты еще ребенок, Юра! Ломаешь все свои планы из-за незнакомого, в сущности, человека. А что, если уже через несколько дней ты будешь чахнуть от тоски в этой захолустной деревушке? Не решай сторяча, подумай хорошенько!

— Ты меня знаешь, мама... И прошу тебя, не заставляй отца меня отговаривать. Я тебя очень прошу, мама!

— Хорошо. Поступай, как хочешь...

Валериян Дмитриевич действительно не стал его отговаривать. Он дал Юрию сторублевую купюру, сказав:

— Купи ей хороший подарок, — и одобряюще потрепал за плечо.

Юрий купил на эти деньги красивый электрический самовар и набор разных сортов чая в металлических коробочках. Ему думалось, что этот подарок поможет тетке коротать одинокие вечера.

Он вышел из вагона на небольшом полустанке с удивившим его названием Ласточка и, поджидая рейсовый

автобус, думал о том, почему так назвали ничем не примечательный разезд. Ведь ни одной ласточки над крышами одноэтажных домов Юрий не увидел. Может, они обитали в березовой роще, которая начиналась за околицей? Вряд ли, ибо эта шустрая птичка селится всегда возле людей.

Автобус пришел переполненным. Юрий с трудом втиснулся в переднюю дверь.

— Тебе куда, парень? — спросил водитель, который самолично продавал билеты. — В Бартедьевку? Туда я не захожу. Придется тебе выгрузиться возле Пустошкинского большака. Там машины с кирпичного завода на Бартедьевку ходят. Кто-нибудь подбросит.

Юрия даже обрадовала такая езда с приключениями. Не испортили ему настроения перспектива проторчать несколько часов на ногах в тряском автобусе и даже клубы пыли, ворвавшиеся в открытые окна, едва только кончился асфальт.

— Давай, парень, свой уклунок, — предложила ему пожилая женщина, за спинку сиденья которой он приживался. — Я его тут возле ног примощу.

Юрий не сразу понял, что уклунком она называет громоздкую картонку с самоваром.

— Тебе теперь посвободнее будет, — продолжила она разговор. — Ты, знать, из городских? А в Бартедьевку-то к кому направляешься? Я что-то тамошняя, все про всех до седьмого колена знаю.

— Еду в гости к тетке своей Таисье Архиповне Русаковой.

— К кому, говоришь? — Женщина даже приподнялась с сиденья. — Неужто к Тосе? Это же подруженька моя закадычная! Всю войну в одной тракторной бригаде работали... Только погоди! Стало быть, ты племяшом ей доводишься? Неужели ты Юра, брательника ее, Егорушки, сын?

— Я и есть.

— Ты? И не врешь? Дай-ка я пригляжусь к тебе... И верно! Вылитый Егорушка! — воскликнула она на весь автобус. — Как же я это сразу не догадалась, дура старая! Вот обрадуется подруженька, вот счастье-то ей привалило!

Волнение ее не было притворным. В автобусе все притихли, и Юрий даже поежился под множеством любопытных взглядов.

— Выходит, рассказали тебе все отец с матерью? Тося верила, что, как войдешь ты в возраст, они тебе про настоящего-то родителя скажут. Как же иначе — люди они образованные... Двое вас с теткой осталось от всего корня-то русаковского. Деда твоего в коллективизацию кулачье убило, бабка за плугом надорвалась. Отец твой через всю войну в целости прошел, а после войны от несчастного случая сгинул...

Она пальцами смахнула слезу.

— Тетя здорова? — желая переменить тему разговора, спросил Юрий.

— Здоровье у нее нынче не то, что прежде. Бывало, заводную рукоятку так крутила, что трактор вздрагивал, а теперь вот прихварывает часто. Но вчера она на ногах была.

— Спасибо за добрую весть. Приходите в гости.

— Приду, касатик, обязательно прибегу. Радость-то какая подруженьке привалила, радость-то какая!

Вместе с Анной Кондратьевной, так звали женщину, и с Юрием на перекрестке сошли еще несколько пассажиров автобуса, и все они стали оказывать знаки внимания гостю.

— Вон в этих самых чащобах — в ту пору они погуще были — мы, стало быть, с Архимом Русаковым, дедом твоим, супротив Колчака партизанили, — показывая рукой на лес, заговорил сухонький старик, положив на траву увесистый рюкзак. — Архип вдвое могучнее меня

был; ты, видать, в его породу идешь... Так вот, в девятнадцатом осенью были мы как-то с Архипом в разъезде возле сибирки. Так тракт, что к Омску шел, тогда называли. Задание — раздобыть «языка». Поставили коней в ложок, сами в кустах на обочине залегли. И вдруг видим, как по тракту автомобиль катит. Смекнули, важные беляки едут, нижних чинов в машину не посадят. Договариваемся срезать из винтовок шофера, а остальных в сабли взять. Пальцы на спусковые крючки — и ждем золотопогонников.

Подкатили они ближе, замечаем: машина открытая, кабриолет, если по-теперешнему сказать. Киваю Архипу: давай, мол, — и сам водителя на мушку беру. Пальнули почти враз, но у обоих промашка вышла, только фуражку с беляка сшибли. А машина уже через мосток, да наутек поровит. Стрелять вдогонку — дело ненадежное. Тогда я, как старший, команду: «По коням!»

Вскочили мы на своих вороных, пришпорили их — и следом за беляками. Двое с заднего сиденья из револьверов по нас палят, слышно, как пули мимо голов цвенькают. Я скачу и думаю: «Лишь бы вороных наших не свалили, а так все одно достанем!»

Архипов конь порезвее моего был, вынес он седока под самые револьверные дула, но не берут Архипа пули, будто заговоренного. Полоснул он саблей шофера, машина сразу в кювет, а белячки оба — руки к небу. Связали мы их, планшетки, что с ними были, забрали. Хотели уже обоих через седла бросать, тут Архип и говорит:

— А ведь совсем целая машина. Вот бы ее к нашим уволочь! Пригодилась бы потом Советской власти.

Опрашиваем офицеров, умеет ли кто водить. Отказываются оба. Грешным делом, досаую на Архипа: зачем шофера насмерть порешил? А он уже достает из машины моток веревки.

— Давай, — предлагает, — коней в машину запрежем. Смастерили мы постромки, к седлам их привязали,

Я коней под уздцы взял, ну а Архип плечом в задок уперся. Двинулись! Проволокли мы эту чертову машину километра два, но в первой же приличной колдобине застряли.

Гляжу я на беляков, и злость меня разбирает: мы с Архипом уродуемся, а они барами в кабине прохлаждаются. Развязал обоих и говорю:

— А ну помогайте, господа хорошие!

Выдрались из ямы, двинули потихоньку дальше, а там вскоре свои нас встретили. Всем отрядом обступили наш трофей, нас с Архипом подхваляют. Нашелся среди партизан один парнишка, который раньше шоферским делом занимался. Повозился чуток в моторе, потом взял железную рукоятку, крутанул разок-другой — и завелась машина. Сел парнишка за руль и покатил. Мы со злости даже плюнули вслед: ведь целых два часа коней надсажали и сами рвали пупы.

После, как смазали колчаковцы пятки из наших мест, машину эту закрепили за райкомом партии. И Архипу и мне не раз доводилось в ней езживать...

— Федул Филиппович у нас геройский мужчина, — ласково глянула на старика Анна Кондратьевна. — Был в войну начальником нашей эмтэс, почитай из одного утиля трактора собирал. Пыхтели они, коптели, но работали.

— А кто был трактористами? — хитро прищурился Федул Филиппович. — Бабы одни, молодые да ядреные. Своего жару-пару тракторам подбавляли!

Из-за поворота вывернул нагруженный кирпичами ЗИЛ, привычно затормозил возле перекрестка. В его кабине оказалось всего одно свободное место. Юрий поднял было с земли тяжелый рюкзак Федула Филипповича, но тот отрицательно затряс головой:

— Нет-нет! Почет и внимание гостю!

Другие его поддержали, и Юрию пришлось подчиниться общему приговору. Он уселся рядом с шофером,

поставив на колени картонку и дорожный свой чемоданчик.

Машина неторопливо шла по пыльному большаку меж зеленеющих посевов. Юрий смотрел на них и со стыдом думал о том, что не может определить, какой злак тянет к солнцу бархатистые свои усы: пшеница, рожь или ячмень. Невольно вспомнился есенинский упрек горожанам, знающим только вкус печеного хлеба.

— Чего присмирел? — повернул к нему голову шофер. — Или места наши тебе не нравятся? Это они на первый взгляд такие неприметные, а на самом деле красивее их поискать надо. Леса, озера, луга заливные — раздолье! Останешься насовсем — за полгода душой к ним прикипишь. Я вот тоже не сибиряк, в Подмосковье вырос, а приехал после службы к корешу своему погостить, да и загостился вот уже шестой год! Правда, еще Маруся одна помогла здешние края полюбить. — Шофер застенчиво улыбнулся.

Бартењевка оказалась деревней с единственной улицей, вытянувшейся вдоль берега небольшой речушки.

— Бартей речка называется, — сообщил Юрию шофер. — Пескарей и гольянов — прорва. Ты к кому приехал?

— К Русаковой Таисье Архиповне.

— А, к доярке нашей! Дом ее на дальнем краю. Придется тебе пешочком драпануть. Хотя ладно, — глянул он на часы, — все одно последняя ходка у меня. Подвезу тебя к самым воротам.

На высоком тесовом крыльце стояла дородная русоволосая женщина в праздничном цветастом сарафане. Увидев Юрия, она совсем не по-старушечьи сбежала вниз, молча уткнулась лицом ему в плечо, грудь ее вздрогнула от рыданий.

— Что вы, Таисья Архиповна... — растерянно бормотал Юрий, — не надо плакать... — Он даже мысленно выбранил себя за то, что дал телеграмму. Наверное, с того

самого часа, как получила ее, простояла тетка на крыльце. Лучше было бы заявиться неожиданно-негаданно.

— Прости меня, Юронька, — наконец заговорила тетка. — Бабья натура, глаза на мокром месте. — Она даже попыталась улыбнуться сквозь слезы, но улыбка получилась вымученной. — Ну проходи, проходи, родненький, в горницу...

Она торопливо распахнула перед ним двери сначала в темные сени, а затем в избу. Первое, что бросилось Юрию в глаза, был начищенный медный самовар на столе. Из конфорки его выходили струйки пара, фарфоровый чайник наверху был окутан ими, словно вершина горы облаком. И такой нелепой показалась Юрию громоздкая картонка, которая скрывала модернизированного электрического собрата этого сверкающего золотым отливом красавца.

Стены горницы не были оштукатурены, просто гладко стесаны бока бревен, и между ними темнели прослойки мха. В переднем углу на шелковой тесьме подвешен большой кусок картона с наклеенными в несколько рядов фотографиями.

Не выпуская ноши из рук, почти инстинктивно направился Юрий в этот угол. Взгляд его заметался между пожелтевшими от времени одиночными и групповыми снимками, пока не остановился на одном из них. С фотооткрытки на него оценивающе смотрел матрос в бескозырке, сдвинутой набекрень, с орденами и медалями.

— Это отец? — не оборачиваясь, спросил Юрий.

— Он, Юронька, он... — всхлинула тетка.

ГЛАВА 7

Словно оправдывая наихудшие опасения Юрия, утро наступило пасмурное и туманное. Обложной дождь, заравдивший еще с ночи, не унимался.

«Представляю, что творится на полигоне, — беспокойно поглядывал в окно лейтенант, — танковую колею развезло, в окопах по колено воды...»

Он надеялся на то, что суточный план изменят, однако этого не случилось.

На стоянку первого взвода пришел насупленный командир роты.

— Не сумел я убедить комбата отменить занятия, — сказал Юрию Миронов, — придется вам ехать на полигон. Главное — смотрите, чтобы кто-нибудь из новичков оружие на бруствере не бросил. Советую всех молодых собрать в свой окоп, так надежнее будет.

— Но им положено быть в своих отделениях... — не понял совета Юрий.

— Мало ли что положено! — сердито мотнул головой капитан. — Сегодня, к примеру, воскресенье, отдыхать положено... Никто вас проверять не станет. Зато береженого, как говорится, сам бог бережет. Если сдадут нервы у какого-нибудь салажонка, вы его за штаны удержите... — И помолчав, спросил: — Сами-то не дрейфите?

— За мои нервы не беспокойтесь, товарищ гвардии капитан, — обиделся Юрий.

— Очень хорошо. С вами поедет замполит. Мне приказано быть на батальонном командном пункте.

Гвардии старший лейтенант Еськов пришел в каске, с плащ-палаткой, свернутой и подвешенной на ремешке через плечо.

— В окопе она вас не спасет, — усмехнулся Юрий.

— Нам не привыкать к водным процедурам! — ответил Еськов. — Один армейский начальник назвал нас не морскими, а мокрыми пехотинцами. Кстати, — многозначительно глянул он на командира взвода, — хочу напомнить, что вашему Файзулаеву нынче двадцать стукнуло. Может, поздравим его перед строем? Думаю, это не повредит выполнению поставленной задачи.

«Тыфу ты, девичья память! — разозлился на себя Юрий. — Специально выписал на листок дни рождения и положил под стекло. А когда последний раз заглядывал?»

— Давайте поздравим Файзулаева прямо на полигоне, товарищ гвардии старший лейтенант, — предложил он вслух.

— Хорошо, — согласился Еськов.

Вытянувшись цепочкой, бронетранспортеры юзили по глинистой земле, сползая на виражах к обочине дороги.

«А на полигоне еще хуже, там песок, брустверы окопов размыло. Пойдут танки, шуранут гусеницами — и окопа будет на голове...» — невесело раздумывал Юрий, косясь на сидящего рядом замполита. На лице у Еськова не было даже тени беспокойства. Зато не забыл Русаков, как в первый раз у самого екало сердечко, когда, закрывая небо, скрежетали над головой танковые траки. Казалось, сейчас осядет окоп под тяжестью стальной громадины — и готова братская могила. Да и танкисты сознавались, что чувствуют себя во время обкатки не очень здорово. Сверлит головы навязчивая мысль, что уютжат их машины вовсе не передний край противника, а траншеи своих же товарищей. А вдруг кто-то зазевается...

— Как вам нравится сегодняшний марш? — обратил к Юрию Еськов. — Это я к нашему разговору о новом комбате. Полгода назад никто бы не рискнул проводить обкатку танками в такую погоду. Как считаете, хорошо это или плохо?

— Время покажет, — неопределенно ответил Юрий. — Поживем — увидим.

— А по-моему, отлично! — продолжал Еськов. — Совсем по доброму суворовскому принципу: «Тяжело в ученье, легко в бою». Между прочим, сам комбат сегодня у танкистов. Видимо, будет в одной из атакующих машин. Не знаю, как вам, а мне он положительно нравится!

«А кому и когда из политработников не нравился старший начальник!» — с усмешкой подумал Юрий.

Оставив свои бэтэры в укрытии, взвод пешим строем отправился к оборонительному рубежу. Головки сапог увязали в мокром песке, ноги приходилось выдирать с большим усилием.

Перед самой линией окопов Русаков провел заключительный инструктаж:

— Гранатометчикам открывать огонь, когда танки мнут надолбы. Автоматчикам пропустить машины и огнем отсечь пехоту... Колея очень ненадежная, потому истребителей танков сегодня выдвигать не будем.

— Товарищ гвардии лейтенант, а если залечь возле бетонного мостика? — подал голос гвардии матрос Файзулаев.

— Там тоже опасно: колея сильно подмыта.

— Разрешите мне выдвинуться вперед, товарищ гвардии лейтенант! — настаивал Файзулаев. — Меня не придавит, я занимаюсь по системе йогов!

— Сейчас не до шуток, Файзулаев, — строго одернул его Юрий.

— А может, вправду разрешить ему залечь? — вполголоса посоветовал Еськов. — Ведь без истребителей танков картина боя будет неполной. Надо показать новичкам...

«Под вашу ответственность!» — хотелось ответить Юрию, но вслух он сказал:

— Гвардии матросу Файзулаеву разрешаю выдвинуться в колею. Только будьте предельно осторожны.

— Есть! — весело откликнулся тот.

В командирском окопе замкомвзвода Тимофеев вычерпывал воду котелком, скрежеща металлом по галечному дну.

— Это мартышкин труд, сержант, — сказал ему Юрий. — Тут хорошая мотопомпа нужна.

— По корабельному уставу, товарищ гвардии лейтенант, с водой надо бороться любыми подручными средствами! — ответил находчивый Тимофеев.

— Но только после заделки пробойны. А тут попробуй ее заделай! — глянул на небо лейтенант...

Словно в подтверждение его слов, дождь опять припустил, крупные капли горошинами застучали по каске. И тут же раскатами грома послышалось гудение танковых моторов.

— Приготовиться к отражению танковой атаки! — подал по цепи команду Юрий.

— Я пойду к гранатометчикам, — сказал Еськов, чувствуя, видимо, что будет стеснять своим присутствием командира взвода.

— Истребителям занять позицию! — скомандовал Юрий.

На бруствер выбрался Файзулаев и пригибаясь побежал вперед. Метрах в двухстах перед окопами его темная фигурка скрылась в колее. «Напрасно я поддался на уговоры...» — терзался сомнением Юрий, разглядывая в бинокль место, где залег матрос.

А через высоту уже переваливали танки. Перед ними замелькали язычки пламени, и воздух разорвали резкие хлопки пушечных выстрелов. Внушительной была та картина: лавиной накатывающийся рев моторов, лязг металла и пушечная канонада. Думалось, нет силы, способной остановить эти огнедышащие крепости на колесах.

— Гранатометчики, к бою! Прицел по гусеницам! Огонь!

Теперь уже хлопки выстрелов раздались рядом, в соседних с командирским окопах.

Танки были уже совсем близко.

— Оружие с брустверов! Ложись!

Юрий и сам плюхнулся на дно окопа в холодную лужу, рядом с громко дышавшим Тимофеевым. И сразу

почувствовал, как жадно впитывает влагу одежда и струйки воды просачиваются за голенища сапог.

От лязга и грохота заложило уши. Обдало песком и вонью выхлопных газов. И уже в следующий момент лейтенант с сержантом были на ногах.

— По пехоте очередями, огонь!

Сердито застрекотали автоматы. Оттого, что магазины снаряжены были холостыми патронами, треск очереди был еще более резким.

— Дробь! Оружие разрядить!

По ходу сообщения Юрий прошелся вдоль линии окопов. Мокрые, выпачканные в песке матросы и сержанты улыбались, шутили, подначивали друг друга:

— Кто это маму звал, товарищ гвардии сержант? Не Егоркин ли?

— У самого небось душа в пятки ушла...

Файзулаева Юрий нашел в окопе Еськова. Старший лейтенант и матрос мирно покуривали, затягиваясь так смачно, что Юрию самому захотелось закурить.

— Кажется, угодил ему по двигателю, товарищ гвардии лейтенант, — доложил Файзулаев. — В последний момент углядели они меня, газанули резко, но бутылку я все-таки добросил.

— Знатный получился салют в честь вашего дня рождения, Файзулаев! — улыбнулся замполит.

— Навсегда запомнится, товарищ гвардии старший лейтенант. Аксакалом стану, внукам своим буду рассказывать.

— Слушайте, Файзулаев, давно я хочу вас спросить. Отчего вас зовут по-русски Иваном? Иван Уразович, так кажется?

— Так, товарищ гвардии старший лейтенант. Это наша семейная традиция старшего сына называть Иваном. Дед Алишер ее завел. Если хотите, расскажу...

— Это интересно. Послушаем, Юрий Егорович?

— С удовольствием!

— Давно все было. Еще в двадцатые годы. Дедушка Алишер чуть постарше, чем я теперь, был. Пришли к нам красные отряды унять банды Джунаид-хана. В дедов кишлак пришел эскадрон, командовал которым Иван Иванович Иванов. Уже не молодой командир. В царской тюрьме сидел, врангелевцы его расстреливали, но выжил. Добрые люди из братской могилы вытащили. Был он высокий, грузный, лошадь под ним быстро из сил выбивалась, так рядом запасную водили. На гимнастерке красного командира боевой орден. Заслуженный был человек. Деда он Алешей называл. «Ты не представляешь, — говорил, — дорогой Алеша, какой будет ваша земля лет через двадцать! Каналы проведем, вместо пустынь будут сады цвести. Большевики потому так называются, что большие дела задумали. Всю бывшую Российскую империю от края до края заново переделаем!»

Эскадрон Иванова басмачей в страхе держал. Иванова они Большим батыром прозвали. Деньги обещали за его голову. Только не от басмаческой пули он умер. Большое сердце подвело. Но это после того, как наголову разбили Джунаидово войско. Похоронили Иванова неподалеку от бывшего дедова кишлака. На могиле памятник стоит. Надпись на нем на двух языках — русском и узбекском.

Дед Алишер в эскадроне Иванова проводником был. Выследили деда басмачи. Схватили и к своему курбаши привели. Тот желтые зубы оскалил.

«Попался, — говорит, — красный пес, который Аллаха за дырявый халат продал! Хочешь жить, говори, собака, где кавалеристы Большого батыра стоят. Сколько у него сабель, какие караулы?»

Молчит дед. Чтобы не подвел язык, зубами его прикусил. Курбаши рукой махнул, двое его людей рубаху на спине деда разорвали, засвистели плети. Били, пока сознание не потерял. Когда в себя пришел, курбаши сказал:

«Слушай, большевистский ублюдок! До утра будешь в яме лежать. Подумай хорошенько. Молчать будешь, утром тебе одно ухо отрежут, в полдень другое, вечером нос. А если и после того молчать будешь, к полуночи головы лишишься. Понял меня?»

Утром деда снова к нему привели.

«Молчишь, отродье скорпиона? — спрашивает курбаши. — Режьте ему ухо и всыпьте пятьдесят плетей!»

Очнулся дед после того, как водой его отлили. Глаза открыл и видит — стоит над ним комэск Иванов. Думал дед, перед смертью померещилось, а тот улыбается:

«Выжил, Алеша, значит, долгий век тебе сужден! Внуков будешь на коленях качать!»

Вот тогда и поклялся дед назвать первого сына Ивановом. Мулла его за такое проклясть грозился, но слова своего дед не нарушил. Дядя мой Иван холостым на фронт ушел. Храбро воевал, командир написал, что одним из лучших бойцов был. Спины врагу не показывал и пулю фашистскую в грудь принял.

Потому отец мой меня Ивановом назвал, а так как я старший в семье, то быть моему сыну Ивановом Ивановичем!

— Отличная у вас в семье традиция, Файзулаев, — сказал замполит. — И знаете, о чем я вас попрошу? Повторите как-нибудь свой рассказ для всей нашей роты.

От берега на малых оборотах подходил один из танков. Остановился чуть поодаль, из открытого люка вылез одетый в комбинезон комбат.

— Взвод, смирно! — гаркнул лейтенант, спеша навстречу начальству.

— Вольно! — разминая спину, откликнулся Родионов.

— Товарищ гвардии майор... — подошел было к нему с рапортом Юрий.

— Нету больше гвардии майора, — многозначительно хмыкнул комбат. — Его кто-то из ваших молодцов вместе с танком спалил. Вот полюбуйтесь!

Он подвел Юрия к кормовой части машины и указал на выхлопные решетки, где красовалось оранжевое пятно, след от имитации зажигательной смеси.

— Кого вы посылали в колею, гвардии лейтенант Русаков?

— Матроса Файзулаева, товарищ гвардии майор.

— А вы подумали о том, что подвергали человека неоправданному риску?

— Так точно, подумал.

— Чем тогда объяснить ваше решение?

— На войне как на войне, товарищ гвардии майор!

— Хорошие командиры и на войне не посылали солдат гибнуть понапрасну.

— Товарищ гвардии майор, Русакову сделать это посоветовал я, — вмешался в разговор подошедший Еськов.

— Вы? Ну что ж, на разборе мы еще поговорим об этом. А матросу... как его фамилия?

— Файзулаев.

— Матросу Файзулаеву от моего имени объявите благодарность.

ГЛАВА 8

Дополнение к анкете Русакова

Проснулся Юрий раним-рано. Возможно, с непривычки: на улице мычали коровы, голосили петухи, один из них упражнялся под самым окном, возле которого спал Юрий. А может, под впечатлением долгого вечернего разговора с Таисьей Архиповной. Рассказчицей тетка оказалась превосходной, не перескакивала с одного на другое, голос ее был необычайно выразителен. Невольно подумалось Юрию о том, что был у нее от рождения артистический талант, да пропал среди стойл и подошников.

За один вечер узнал он многое о своем русаковском корне. Он так и подумал «о своем русаковском», совсем

забыв, что в паспорте у него стоит другая фамилия. Почти зримо представил Юрий своего деда Архипа Савельевича Русакова — вожака бартеньевской комсомолки и первого председателя здешнего колхоза. Был дед, по рассказам тетки Таисьи, необычайно силен. Опоясывал себя одним концом веревки, за другой брались пятеро дюжих парней и не могли сдвинуть деда с места. Были у него деревянные вилы-тройчатки, так поднимал он ими и взметывал на скирду сразу полвоза соломы. И забавно выглядела возле него жена — бабушка Юрия — Василиса. Росточком маленькая, худенькая. Шутили тогда односельчане, что Архип, для того чтобы поцеловать женушку, на колени перед ней становится.

От такого богатыря должна была нарожать Василиса дюжину детей, но успела родить только дочь и сына. Подкараулил председателя в лесу сын сельского богатея Веретепникова Тимоха и почти в упор всадил ему в живот заряд картечи. И все-таки хватило у деда сил заломать и связать своего убийцу. Так и нашли их рядышком — мертвого Архипа и спеленатого уздечкой Тимоху.

Тяжелая доля легла на хрупкие плечи Василисы. И колхоз мало чем мог ей помочь: времена были трудные, неустроенные и неурожайные. Еле перебивались крестьяне от осени до осени. Может, до глубокой старости прожила бы Василиса за могучей спиной своего Архипа, только без него и четырех десятков не успела разменять. Схоронили ее дети — семнадцатилетняя Таисья и четырнадцатилетний Егор...

Юрий повернулся на постели и улыбнулся, почувствовав, что мысленно повторяет рассказ тетки, — так запала ему в душу спокойная и раздумчивая теткинa речь. Да и сама Таисья Архиповна быстро расположила его к себе. Было в ней что-то такое, чего не хватало просвещенной и молодящейся матери Юрия. А вот что именно — ему пока не удалось уловить.

Если деда Юрий представил совершенно отчетливо, то

образ отца, особенно в юные годы, никак у него не складывался. Может, оттого, что рано ушел Егорка Русаков из села: сначала учиться в сельскохозяйственный техникум, а потом прямо со студенческой скамьи на фронт...

— Глянь-ка, гостенек дорогой уже на ногах! — удивленно воскликнула вернувшаяся домой Таисья Архиповна. — Чего тебе не отдыхается, Юронька? Или беспокоил кто? — засуетилась она. — Клопов и блох в моей избе отродясь не бывало.

— Да никто не кусал меня, тетя. Выспался я превосходно.

— Каво там выспался! Легли мы с тобой затемно, а сейчас еще семи нет.

— А сами-то вы когда поднялись?

— Мне не привыкать. Девятнадцатый годок уже за коровушками хожу. На зорьке надо подоить, в стадо проводить. В полдень на вторую дойку в луга сбегать, вечером в третьярьдь дойка. А первотелок и почаще приходится раздаивать. Буренки у меня молочные. На круг полтора ведра с головы надаиваю.

— Вы же сначала трактористкой работали? Мне подруга ваша Анна Кондратьевна рассказывала. В автобусе мы вместе ехали.

— Зови меня на ты, Юронька. Чать не чужие мы. С трактора я после войны ушла. С той поры в животноводстве работаю. Я-то с виду только баба пышная, а здоровья квелого, в маму, видать, пошла. Работа на ферме мне по душе, хотя всякое бывало. Вот в пятьдесят втором годе четыре телка моих пали, и присудили мне за них тыщу рублей выплаты. И заплатила. Хорошо еще, что Егор подсобил деньгами. Он, отец-то твой, ко мне всегда очень внимательным был. Да и я его любила без памяти. Ох, рано он в землю лег, сердешный. Всю войну наскрозь прошел, жив остался, а потом такое получилось... — Глаза ее заслезились, она утерлась косицей головного платка.

— Он тогда пьяным ехал? — негромко спросил Юрий.

— Кто сказал тебе такое? Да он за рулем маковой росинки в рот никогда не брал! Нетерпеливость его сгубила. Когда ты родился, он в Бирентае был. Геологической партии груз привез. Друзья ему по телефону туда позвонили, поздравили. А он в кабину — и ходу. Летом там по грейдеру через мосты ездят, а зимой напрямик через реки. Почти на триста километров короче. На дворе апрель, лед-то ноздреватым стал. Ему не надо было напрямик, очень уж рискованно, но захотелось тебя побыстрее увидеть. Вот и не увидел совсем... — Она всхлипнула и отвернула лицо.

— Не надо, тетя, — ласково сказал ей Юрий.

— Не буду, не буду, Юронька, — попыталась улыбнуться она. — А про отца тебе другие лучше меня расскажут. Погостишь вот у меня, и мы с тобой в город съездим. На могилу к нему ходим, в автоколонну, где он работал заглянем. Там его многие помнят.

— А вы часто там бываете?

— Редкий год не удается вырваться. Председатель у нас человек душевный, горю чужому сочувствует. Сознаюсь тебе, Юронька, я ведь и к вам в город наезжала. Два раза. Видела тебя издали возле школы...

— Вы были в Ишиме? И не зашли к нам? Как же вы могли, Таисья Архиповна?

— Мне и незачем было заходить. Видела: ты жив, здоров, ухожен.

— И мама знала, что вы приезжали?

— Откуда ей было знать? Писем мы друг дружке не писали... Однако ранние гости к нам жалуют, — глянула она в окно. — Анютка шествует.

— Утро доброе, подруженька! — распевно сказала Анна Кондратьевна, входя в горницу. — Доброе утро и тебе, племянничек! Я вот тут медку майского свеженького прихватила тебя попотчевать. В городе небось такого не лизнешь,

— Спасибо, только я не сладкоежка, — усмехнулся Юрий.

— Мед-то не для баловства, а для здоровья. Это только конфеты зубы портят, а медок пчелиный их наоборот укрепляет. Я каждый день ем, а глянь — все до единого целы, — провела она пальцем по крепким белым зубам.

— Муж ее, Андрей, лучший пасечник во всей округе, — вмешалась в разговор тетка. — Улы свои в Москву на выставку возил.

— Что верно, то верно, специалист он знатный, — горделиво произнесла Анна Кондратьевна.

— Ну что ж, будем пить чаек с медом, — сказала тетка, — новый самовар поставим. Быстрый, электрический, Юронькин подарок.

Вскоре обе неторопливо прихлебывали из блюдца дымящийся чай.

— Нет, все ж таки угольный чай вкуснее электрического, — приговаривала Анна Кондратьевна. — Духмянее он и забористей.

— Зато хлопот-то с ним полон рот, — возразила ей тетка. — Углей надо нажечь, поставить самовар, раздуть. А тут — вилку в розетку, чуток обождал и пей себе на здоровье.

Юрий с благодарностью поглядел на нее. У него было такое впечатление, словно он не вчера познакомился со своей родственницей, а знал ее всю жизнь.

— Спеть чегой-то захотелось, Тося, — сказала гостья. — Уж какие мы с ней певуны были в девках, — умильно прижмурясь, похвалилась Анна Кондратьевна. — Бывало, на одном конце деревни песню заведем, а на другом люди слушают. Тося вверх забирает, а я ее подголоском вширь веду:

Ох вы, сени мои, сени,
Сени новые мои!..

— Да ну тебя, Анютка, — махнула на нее рукой тетка, — разве такие песни нынче в городе поют.

— А что толку в новых-то? Ни тебе душевности, ни мудрых слов. Ты вот до сей поры как со сцены запоешь, весь наш клуб дыхание затаит...

— Тоже мне нашла артистку!

— А чем ты плоха? Будь моя воля, непременно дала бы тебе звание народной артистки за то, что более тридцати годков односельчан своих радуешь.

— Ой, перестань ты, Анютка!

— Ты небось грамотами своими перед племянником не похвалилась? Их полсундука у нее. И с районных смотров и с областного есть. Она у нас, почитай, всю жизнь на виду. В сельсовет ее который раз подряд выбираем...

— Мой отец тоже депутат... — начал было Юрий и осекся, встретившись взглядом с матросом на фотографии. Неловко закашлялся, поднеся ко рту ладонь.

— А ты не стесняйся его так называть, — пришла ему на выручку тетка, — он отцовское звание вполне заслужил. Я спрашивала, и люди мне говорили, что не всякий родной отец так к детям относится, как он к тебе. Хоть ни разу не видела я его, а уважаю.

— У Тоси ум цепкий, плохого человека не возвелчит.

— Ну хватит тебе меня подхваливать, Анютка. Тебе пора на работу собираться, а я хочу Юроньке Бартедьевку нашу показать. Вечор приходи чай допивать.

— Спасибо, подруженька. Прощевайте пока, Юрий Егорович!

— Избу эту наш отец в тридцатом году построил, — оглянувшись, сказала тетка, когда они вышли за ворота. — На прежнем пепелище. Зимой среди ночи кулаки нас подожгли. Завалины соломой обложили, стены керосином полили. А засов входной двери зубом от бороны заклинили. Занялось все разом с четырех сторон. И не собрать бы наших косточек, если бы не сила отцовская. Вышиб он двойную раму, нас с Егорушкой прямо в снег выкинул, маму за нами следом, а уж последним сам вы-

брался. Волосы себе спалил, рубаха на нем затлела. До сей поры забыть не могу, как он на снегу катался, огонь на себе гасил. А добро наше все дотла сгорело, ложки одной на всех не осталось.

— Схватили поджигателей?

— Кто их видел? Рукí-ногí не оставили. Подозревали братьев Веретенниковых, да попробуй докажи! Только после коллективизации вражье свое обличье они выдали. А теперь поведу я тебя к самому святому нашему месту...

В центре села, на взлобке, посреди обнесенного железной оградкой скверика, белел четырехгранный обелиск.

— Раньше тут часовня была, а после войны поставили мы памятник всем сельчанам, которые жизнь свою за счастье народное отдали. В два столбца тридцать три фамилии. Левый столбец с деда твоего начинается...

«РУСАКОВ АРХИП САВЕЛЬЕВИЧ.

1899—1931 гг.»—

прочитал Юрий сразу же под словами «ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ». Ниже шли другие, незнакомые ему имена. Даты смерти сначала с семнадцатого по двадцатый год, затем с сорок первого по сорок пятый. Этих было больше всего. Невольно подумалось Юрию о том, что хотя за две тысячи верст от этих мест шла Великая Отечественная война, но и здесь оставила она скорбный свой след.

Он прошелся сверху вниз взглядом по второму столбцу и даже вздрогнул, прочитав последнюю фамилию:

«РУСАКОВ ЕГОР АРХИПОВИЧ.

1925—1952 гг.»

— Как же так? — спросил он у тетки. — Он ведь не на фронте погиб?

— Имя отца твоего занесли сюда по решению общего колхозного собрания. Во-первых, было у него два ордена солдатской Славы, а, во-вторых, погиб он, совершив тру-

довой подвиг. Я не буду тебе об этом говорить, вот поедem в город, там тебе отцовы друзья лучше меня расскажут. Потерпишь, Юронька?

— Хорошо, Таисья Архиповна.

— Тетей меня зови. Ладно?

— Да, тетя.

— А вот в этом доме помещается наше руководство, — кивнула она на двухэтажное каменное здание. — Председатель наш, Хлопов Сергей Данилович, они с Егорушкой в один день на войну уходили...

Взор Юрия невольно застыл на железной вывеске над парадным крыльцом:

ПРАВЛЕНИЕ

колхоза имени Архипа Русакова

«Вот каков ты, русаковский корень, — смятенно думал он, — сумею ли я стать достойным твоим продолжателем?»

— Так еще в тридцать втором году нашу сельхозартель назвали, — угадав его мысли, сказала Таисья Архиповна. — После районные власти несколько раз пытались переименовать, только колхозники не согласились. Добрую память твой дед по себе оставил. И когда мы укрупнились, четыре колхоза в один слились, общее собрание за наше название проголосовало... А там, напротив, школа наша. Давай заглянем?

— Давайте.

Школа была одноэтажной, но просторной. Уже в вестибюле запахло краской и свежей стружкой.

— Ремонт идет, — сказала тетка, — каждый год подновляем. А построили пятнадцать годов назад. Мы-то с Егорушкой в старой школе учились. Размещалась она в доме, отобранном у богатеев Веретенниковых. В шести комнатах восемь групп занималось.

— А кто-нибудь из этих самых Веретенниковых в живых остался?

— Все сгинули. У Кузьмы Веретенникова трое сыновей было. Старший в колчаковию погиб, у белых служил. Двух младших за поджоги и убийства к высшей мере приговорили. Сам же Кузьма где-то на высылке помер...

Они подошли к учительской комнате. Их встретила пожилая женщина в синем рабочем халате.

— День добрый, Серафима Ивановна, — поздоровалась с ней тетка. — Вот племянника своего Юроньку привела.

— Добрый день, Таисья Архиповна. Здравствуйте, молодой человек, — приветливо обратилась к ним учительница. — А ведь похож на Егора, очень даже похож!

— Серафима Ивановна более тридцати лет в нашей школе историю преподает, — сказала тетка, — еще нас с Егоружкой учила.

— Вы нам не позволите поглядеть школьный музей? — попросила тетка.

— Отчего же нет? — сказала учительница. — Правда, не очень хорошо у нас там. Перед побелкой все со стен снимали. Пойдемте, я сама вас туда провожу.

Музей занимал всего одну небольшую комнату. Столы в ней были сдвинуты на середину, на них громоздилась какая-то кладь, укрытая листами оберточной бумаги.

— Отсюда, пожалуй, начнем осмотр, — подошла к одному из столов Серафима Ивановна. — Тут у нас тридцатые годы. — Она вынула из стопки небольшой портрет в багетовой рамке. — Вот твой дед, Архип Савельевич. Фотографов в ту пору в наших краях не было, так его какой-то заезжий художник нарисовал. По просьбе комсомольской ячейки. Не шибко он на самого себя похож: не Репин, видать, в наше село забредал, но ничего другого нет...

Слово «дед» странно звучало по отношению к молодому мужчине, изображенному на холсте. У него был широкий, чуть раздвоенный подбородок, толстые добродушные губы, глаза неопределенного цвета — или полиняла

краска, или у живописца просто не нашлось подходящей, — большой лоб наискось перечеркивала неровная челка. В правом углу возле рамки неразборчивая роспись и дата: 1925 год.

— Есть у нас, правда, один фотоснимок, на нем тоже Архип Савельевич. Вот он, — подала она Юрию небольшую картонку с наклеенной пожелтевшей фотографией, — только лица очень мелкие, трудно разобрать, кто есть кто.

На снимке видна была старинная автомашина, а в ее открытом кузове четверо людей. Наверное, это был тот самый трофейный кабриолет, о котором рассказал Юрию попутчик Федул Филиппович.

— Здесь наш первый трактор «фордзон». Колхоз его в тридцать третьем году получил. А на нем самый первый бареньевский механизатор Федул Филиппович Суздальцев.

— Я с ним уже познакомился, интересный человек.

— Да, Федул Филиппович — живая история нашего села... Вот это — грамота за досрочную сдачу хлебопоставки... Дальше уже сороковые годы. Можете полюбоваться: женская тракторная бригада со своим вожаком Тосей Русаковой! А вот первый выпуск нашей семилетки. Во втором ряду, с краю, твой отец, тогда еще просто Егорушка Русаков. Ох и доставлял же он выдумками своими нам, учителям, хлопот!

Юрий даже вздрогнул, глянув на хорошо сохранившуюся фотокартонку отца. Ему показалось, что он видит себя самого, снятого года два тому назад. Только непривычная рубашка-косоворотка снижала эффект абсолютного сходства.

— Есть у нас еще два военных снимка, но ты их, очевидно, знаешь. Мы с тех, что у Таисьи Архиповны на стенке висят, копии сделали...

— Ты извирай меня, Юронька, — сказала тетка, когда они вышли из школы, — мне на дойку пора. Избу-то

найдешь? Отобедай сам. В печи чугунок со щами, сковородка картошницы возле загнеты. Каравай на полке.

Таисья Архиповна управилась с делами быстро.

— Федька Логинов, пастух наш, на мотоцикле с поскотины меня привез. С ветерком домчал! Ты уже подкрепился? Не простыл обед?

— Спасибо. Уминал так, что за ушами пицало.

— Вот и ладно. Сейчас я сама маленько перекушу.

— Тетя Тося, — спросил Юрий после того, как она перемыла и вытерла холщовым полотенцем посуду. — Можно мне на отцовы награды взглянуть?

— Пожалуйста, Юрочка, можешь совсем их себе взять, я для тебя берегла. Просили в школьный музей — не отдала. — Она достала из сундука картонную коробочку из-под конфет, протянула Юрию. — Тут они.

Юрий снял крышку, вынул и разложил награды на столе перед собой. Их было семь. Три ордена и четыре медали. Алой эмалью блеснула Красная Звезда, рядом легли еще две звезды, только прикрепленные к пестрым лентам, — ордена Славы, потом медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Юрий смотрел на них и думал о том, что за каждой из этих наград скрыт кусочек героической и совсем неведомой для него жизни отца. Как бы было здорово, если бы ордена и медали заговорили! Увы, это невозможно, но ведь живут где-то боевые товарищи отца, свидетели его подвигов, не полегли же они все до единого! Вот они-то могут рассказать.

Когда он стал укладывать награды обратно в коробку, под руку ему попала серенькая сберегательная книжка. Почти бессознательно Юрий открыл ее, и на первой страничке, в графе «Завещательное распоряжение», прочел: «Завещаю вклад Вельяминову Юрию Валериановичу...»

— Тетя Тося, — растерянно спросил он, держа в руке раскрытый документ, — это еще зачем?

— Так... просто... А кому мне еще? Да там сущий пустяк... — залепетала не менее его обескураженная тетка.

ГЛАВА 9

Первому взводу снова не повезло, попали в суточную рапортничку. За мятое обмундирование матроса Филиппо отстранили от дежурства.

Юрия вызвал к себе разозленный Миронов.

— Что там у вас происходит?! — хмуро выкрикнул командир роты.

— Ничего особенного, — пожал плечами Юрий.

— Его подчиненного выгоняют с батальонного развода, а он не видит в этом ничего особенного! Вот это строевой командир!

— Я разберусь и приму меры, товарищ гвардии капитан.

— Неужто?! Не по хвостам надо бить, товарищ гвардии лейтенант, а предупреждать нарушения дисциплины. Работать надо с людьми, а не отбивать номер!

— Если вам так кажется...

— Не кажется, а так и есть! С каждым днем вы все хуже относитесь к своим обязанностям. Рано у вас, Русаков, появилось демобилизационное настроение!

— А кто вам сказал, что я собираюсь в запас, товарищ гвардии капитан?

— Неужто в кадрах думаете остаться? Вот будет кому-то подарочек!

— Надеюсь, что не вам, — не удержался от колкости Юрий. Миронов ничего не сказал в ответ, только чуть взбугрились желваки на скуластом лице.

— За упущения на службе объявляю вам замечание, гвардии лейтенант Русаков. Требую в кратчайший срок навести в подразделении уставной порядок!

— Есть навести...

Возвратясь в казарму, Юрий вызвал пулеметчика.

— Вы почему не подготовились к заступлению в наряд? — спросил он запыхавшегося матроса.

— Не успел, товарищ гвардии лейтенант. Утюг в гладильне перегорел.

— Лишаю вас очередного увольнения! — в сердцах отмерил ему Юрий.

— Есть неувольнение, — хмуро повторил Филипеня.

А Юрий продолжал разматывать клубок.

— Вы проверяли заступающих на дежурство? — задал он вопрос сержанту Тимофееву.

— Так точно, товарищ гвардии лейтенант!

— И Филипеню?

— Этот пришел в казарму перед самым разводом.

— Где же он был?

— Не знаю.

— А кто должен знать? Кто отвечает за подготовку точного наряда?

— Я, товарищ гвардии лейтенант.

— За халатное отношение к своим обязанностям объявляю вам выговор!

Цепная реакция на этом не остановилась. Под горячую руку Юрию подвернулся еще и старший матрос Маринич, опоздавший на построение.

Остыл командир взвода лишь вечером, отутюжившись в четырех стенах своей комнаты в общежитии. И, только поразмыслив в одиночестве, понял, что натворил. С призом теперь наверняка придется распоститься. Но это не самое страшное. Как ему теперь глядеть в глаза тому же Тимофееву?

Заявившийся поздно Ермоленко тихонько разделся в своем углу, но, сообразив, что сосед не спит, деликатно кашлянул.

— Чего тебе? — буркнул Юрий.

— Хочу пересказать тебе слова нашего училищного

преподавателя психологии. Дисциплинарные права, говорил он, в умелых руках служат дирижерской палочкой, в неумелых являются разбойничьей дубиной. Образно сказано?

В ответ Юрий только скрипнул коечными пружинами.

— Молчишь? Так вот, товарищ новоявленный громила, знаешь ли ты, зачем твой белобрысый в мой взвод повадился?

— Какой еще белобрысый?

— Ну тот, которого ты сегодня приголубил.

— Филипеня, что ли? У тебя его земляк служит.

— Шуманович? — хитро цыкнул языком Федор. — Промежду прочим, Шуманович не только земляк твоего Филипени, но и лучший в роте пулеметчик, и твой белобрысый не фиглями-миглями развлекаться к нему приходит, а учиться боевому мастерству. Вот и нынче они до самого ужина были в огневом классе. Смекаешь?

— Смекаю, — машинально ответил Юрий.

— Семь раз отмерь, прежде чем отрезать, — так учат нас мудрые предки. А ты той самой дубиной сплеча! А еще Франсуазу Саган читаешь...

Ночью поднялся ураганный ветер. Неприятно погромыхивала железная крыша дома, нервно дрожали оконные рамы, стекла звенели под ударами песка и мелкой гальки. Песчаная пыль проникла в комнату и противно скрипела на зубах.

Проснулся даже Федор, и теперь они с Юрием вполголоса переговаривались, лежа в постелях.

— Баллов двенадцать, не меньше, — сказал Федор. — Суточный план наверняка изменят. Плакала наша тренировочная погрузка.

— Да, пожалуй, — согласился Юрий.

К свисту и грохоту ветра примешивался отдаленный гул. Это в трех километрах отсюда шумело море. Юрий

мысленно представил, как беснуются прибойные волны, размывая и осаживая дюны.

Где-то со звоном рассыпалось выбитое стекло, и, словно продолжение этого звона, по коридорам разнесся сигнал боевой тревоги.

Когда Юрий прибежал в технический парк, там уже тускло светили синие ночные фонари, слышался топот множества ног, отрывистые слова команд. Возле боксов металась длинная тень. На контрольно-пропускном пункте Юрий глянул на электрочасы: они показывали половину третьего.

— Товарищ гвардии лейтенант, — негромко доложил сержант Тимофеев, — боевые машины технически исправны, нагрузка полная... — И он сообщил количество боезапаса, бортового пайка и медикаментов.

Юрий слушал Тимофеева, испытывая постыдную неловкость. Он знал, что сержант получил от него первое за всю службу взыскание. Стараясь понять подчиненного, Юрий обычно ставил себя на его место. Сейчас командир взвода одет в форменную рубаху с тремя сержантскими лычками, а перед ним стоит некто с лейтенантскими погонами. Этот самый некто еще год назад охотно принимал деликатные подсказки сержанта. Фактически в ту пору сержант, а не лейтенант командовал взводом. Но, едва оперившись, некто забыл недавнее прошлое и при первой возможности показал коготки...

Юрий почувствовал, как горячо зарделись его щеки. Отозвав Тимофеева в сторонку, сказал вполголоса:

— Погорячился я вчера, Анатолий Кузьмич. Извините меня, и будем считать, что ничего не было.

— Что вы, товарищ гвардии лейтенант! — растерянно возразил сержант. — Наказан я совершенно справедливо. Моя оплошность — всему взводу неприятность.

Их разговор неожиданно прервался. Щелкнув, включилась станция оповещения. Офицеров приглашали на командный пункт. Юрий поспешил туда.

— К сведению всех, — сказал командир батальона, подходя к крупномасштабной карте района, — штормом повреждена дамба в районе бухты Круглой. Затопляется большой участок местности. В зоне затопления оказались несколько населенных пунктов...

Зазвонил один из телефонов, занимавших правый угол стола в кабинете комбата.

— Да, слушаю. Гвардии майор Родионов. Здравствуй-те, товарищ секретарь обкома. Конечно. Наши люди готовы. Саперов высылаю к дамбе, руководить ими буду сам. Бронетранспортеры высылаю в Мысовое, Рябиновку и Пореченское. Сделаем все, что в наших силах, товарищ секретарь обкома.

Положив трубку, он несколько секунд прислушивался к шуму урагана за окнами, затем вновь обратился к собравшимся офицерам:

— Положение серьезное. В Мысовом вода поднялась больше чем на полметра. Уже заливает подвалы и нижние этажи домов. Туда пойдут машины первого взвода первой роты. Старший — гвардии лейтенант Русаков. Бронетранспортеры освободить от боезапаса, оружия и всего лишнего. Взять в каждый по три человека кроме водителя. Необходимо эвакуировать людей и вывезти ценное имущество.

— Есть идти в Мысовое! — сказал, поднимаясь, Юрий.

— Главное, Русаков, — напутствовал его комбат, — хорошо проинструктируйте старших машин и водителей. Надо соблюдать предельную осторожность. Среди женщин и детей возможна паника, будьте внимательны. Прихватите запасные канистры с топливом. Задача ясна?

— Так точно.

— Выполняйте. Да, — остановил он Юрия возле самой двери, — возьмите группу медицинского обеспечения. Пошлите за нею бронетранспортер к санитарной части.

— Есть!

— В Рябиновку пойдет взвод гвардии лейтенанта Ермоленко... — услышал Юрий, уже захлопывая дверь.

Дорога на Мысовое шла через старый лесной массив. Едва колонна углубилась в него, как пришлось остановиться. Проезжую часть перегородила рухнувшая липа. Ветер сломил ее почти под самый комель, на обочине торчал лишь расщепленный пенёк. Дерево зацепили буксирным тросом и оттащили в сторону. Ураган не ослабевал. Деревья вдоль дороги качались и скрежетали, ударяясь ветвями друг о друга. То и дело слышался надсадный треск — рушился еще один лесной исполин. В придорожной канаве громко журчала вода, пенные ее языки выплескивались на асфальт, лизали колеса машин, хотя за всю ночь с затканного тучами неба не выпало ни капли дождя. Вода была морской.

Ближе к Мысовому навстречу бэтэрам понесся уже сплошной поток. Деревья стояли в бурлящем озере, покрытом пучками травы, щепой и водорослями.

— Земля здесь ниже уровня моря, — объяснил Юрий сидящим возле него матросам. — Натиск волн сдерживают береговые дамбы. Одна из них не устояла — и сами видите, что из этого получилось.

— Как в Голландии! — сказал Файзулаев.

Жилье было уже близко. На это указывали плывущие заборы, старые корзины, солома.

Вода прибывала. Бронетранспортеры переключили трансмиссии и двинулись дальше на плаву. Возле околицы села Юрий остановил колонну и на своей машине пошел выяснять обстановку.

Улицы Мысового превратились в мутные реки. Растерзанные дома, зияя распахнутыми настежь окнами, стояли наполовину затопленными. Жители, в большинстве женщины и дети, выбрались на веранды вторых этажей и даже на крутоверхие черепичные крыши. Там же пестрели груды разнообразного домашнего скарба.

— Товарищи, приготовьтесь к эвакуации! — в электромегафон прокричал Юрий. — Просим соблюдать спокойствие — все до единого будут вывезены! Нуждающимся окажем медицинскую помощь!

Обойдя улицы и проулки, Юрий направил машину к совхозному рыбозаводу.

— Прибыли в ваше распоряжение, — сообщил лейтенант бритоголовому, одетому в рыбацкую штормовку мужчине.

— Сейчас я директора совхоза кликну, — ответил тот. — Он в цеху.

— Спасибо, что вовремя прибыли, товарищи моряки! — громко сказал директор, поднявшись во весь рост в оконном проеме. — Помогите сперва заводское оборудование вывезти. Мы его уже демонтируем!

— Понял вас! Сейчас приведу сюда другие машины. Людская помощь не требуется?

— Если можно, подкиньте несколько нарней, умеющих ключами орудовать!

— Ну это у нас каждый умеет!

Возвратясь к околице, Юрий разделил колонну на двое. Несколько машин под началом сержанта Тимофеева направил для эвакуации жителей села, остальные сам повел к рыбозаводу. Еще на подходе к нему увидел — на заводском дворе творится что-то неладное. Из правого крыла центрального здания валил густой дым, люди, громко перекликаясь, суетились у входа.

— Что случилось, товарищи? — спросил в электромегафон лейтенант.

— Распределительный щит замкнул, проводка горит!

— Подстанция ваша далеко? Надо немедленно обесточить линию.

— Послали уже человека, только не близко она, километра полтора отсюда.

— Филипеня, Котов, со мной, вы, Файзулаев, к окнам под погрузку! Быстро!

Он выпрыгнул из машины и, по пояс в воде, побежал к горящему крылу. Матросы бросились следом за лейтенантом.

— Где у вас находится распределитель? Я инженер-электрик! Изолированные инструменты есть? — быстро спрашивал Юрий.

— Кто их готовил, эти инструменты? — расстроено махнул рукой один из рыбаков.

— Тогда быстро давайте топор и простые кусачки!

Цех уже заполнился едким, вонючим дымом. Мучительный кашель разрывал легкие Юрия. За спиной у него надсадно кашлял Филипеня. «Эх, поспешишь — людей насмешишь, — с досадой подумал лейтенант, — противогазы в машине остались».

Угол помещения, там, где проходил электрический силовой кабель, лизали желтые язычки огня.

— Кто додумался обшить кабель деревом?! — возмущенно воскликнул Юрий. — Филипеня, вы где?

— Здесь, товарищ гвардии лейтенант.

— Идите сюда! Надо оторвать доски. Я буду поддевать топором, а вы попробуйте ухватить руками. Так! Держите? Сейчас мы вдвоем!

С треском отлетела доска, за ней вторая. Падая в воду, они издавали змеиный шип.

— Так, готово! Теперь отойдите в сторонку, Филипеня, я буду рубить кабель!

Слепящий сноп искр взметнулся из-под топора, еще один, еще...

— Все! Давайте сюда огнетушитель! Быстро! — И, подхватив тяжелый бачок, Юрий рванул рукоятку на себя. Из раструба гейзером вырвалась пеногасительная смесь.

— Всем быстро на воздух! — скомандовал Юрий, швырнув прочь опорожненный огнетушитель.

Выбравшись наружу, Юрий так раскашлялся, что даже слезы выступили. Обессиленно привалился он спиной

к стене и тут только почувствовал, как больно саднят руки. Он недоуменно поглядел на прожженные рукава комбинезона, на темные волдыри, вспухающие на тыльных сторонах ладоней. Чуть поодаль от него, тоже с обожженными руками, стоял посеревший от боли Филипеня.

— Брусков! — позвал Юрий младшего сержанта. — Остаетесь здесь за меня. Выполняйте все указания совхозного руководства. Мы с Филипеней получили ожоги, поедем на медпункт.

— Понял, товарищ гвардии лейтенант! — откликнулся тот.

Холм около птицефермы начинал походить на цыганский табор. Женщины покрикивали на шустрых ребятишек, везде совавших свои любопытные носы. Особенно притягивали босоногую команду полевые кухни, от которых разносился аппетитный дух. Возле зеленых армейских палаток, в одной из которых находился медпункт, тоже появились груды скарба.

— Ну и ну! — хмыкнул батальонный врач, осмотрев первых своих пациентов. — Ожоги второй степени. Окажем вам сейчас помощь, а потом придется госпитализировать.

— Я вас попрошу сделать все побыстрее, товарищ гвардии капитан. Мне нужно руководить работами, — сказал ему Юрий.

— В таком состоянии? Да вы же скоро вззоете от боли!

— Постараюсь вытерпеть.

— Хорошо. Только учтите, госпитализировать вас позже все равно придется.

— Потом делайте со мной что хотите!

Сестра намазала Юрию руки какой-то охлаждающей мазью, забинтовала почти до самых локтей.

— Вам можно только руководить, а не работать! —

предупредил его врач. — Старайтесь ни к чему не прикасаться.

— Буду работать одной головой, товарищ гвардии капитан, — пообещал Юрий.

— Товарищ гвардии лейтенант, и я с вами!

— Нет, Филипеня, вам придется остаться. Справимся без вас.

К полудню жители и ценное имущество были полностью вывезены. Лишь на всякий случай Юрий назначил в патрулирование по пустынным улицам один бронетранспортер. Несколько раз лейтенант связывался по радио с командованием, докладывал о своих действиях, уточнял обстановку. Радист держал микрофон возле его рта и сам нажимал переключающую тангенту.

Юрий понимал, что главные события этого дня разворачивались не здесь, а на берегу возле размытой дамбы. Он узнал, что саперам с большим трудом удалось заделать прораны временными перемычками и значительно уменьшить напор воды. Позже на помощь к ним подошла передвижная ремонтная колонна гидростроя, оснащенная специальной техникой.

Здесь, в Мысовом, вода заметно убывала.

На стоянку военных машин пришло совхозное руководство.

— Впопыхах мы даже не познакомились, товарищ лейтенант, — сказал директор совхоза. — Моя фамилия Воронов, зовут Иваном Антоновичем. Главный старшина запаса, воевал в морской пехоте, в некотором роде, ваш коллега.

— Командир взвода гвардии лейтенант Русаков. Простите, руки, как видите, подать не могу.

— Это уж простите нас, немножко растерялись, — виновато улыбнулся директор. — И огромное вам спасибо от всего нашего совхоза! Без вас туго бы нам пришлось. Как говорится, единство армии и народа в действии!

— Все это правильно, а вот инспекторы по технике безопасности к вам, видимо, редко заглядывали, — сказал Юрий.

— Все собирались модернизировать завод, — вставил словечко парторг, тот самый бритоголовый рыбак, которого Юрий первым встретил на заводском дворе, — потому до многого руки не доходили... А вот теперь несчастье заставит.

— Убытки большими будут? — спросил лейтенант.

— В четырехзначное число не уложишь, — вздохнул директор. — Не знаю, как выкарабкаться начнем...

— Государство нас в беде не оставит, Иван Антопович, — сказал парторг.

— Верно, Кузьмич, не оставит, да ведь и у государства денежки тоже считанные. На те средства, что в ремонт дамбы устуканы, можно было новую отгрохать, из чистого гранита. Бесхозяйственности у нас еще немало, спохватываемся, когда жареный петух в одно место клюнет.

— Вы — депутат районного совета, вам и карты в руки, воюйте с бесхозяйственностью.

— Воюю, Кузьмич, да не всегда мой верх бывает. Вы нам поможете обратно перетащиться? — обратился директор к Юрию.

— Мы в полном вашем распоряжении до тех пор, пока нужны.

— Большое спасибо... Пошли, Кузьмич, дел у нас с тобой еще по горло.

Работа в Мысовом закончилась поздно вечером. Юрий хотел лично доложить обо всем командиру батальона, но капитан медслужбы проявил волю и прямо с марша завез его вместе с матросом Филиппеней в санитарную часть.

— Я отвечаю за ваше здоровье, — безапелляционно заявил он. — А если комбату потребуются дополнительные подробности, он сам вас навестит. От штаба до санчасти пять минут хода.

Обоих разместили в небольшой палате на две койки. Юрий чувствовал, что матрос смущен необычностью положения, и решил подбодрить его.

— Вы не стесняйтесь, Женья. Здесь у нас с вами одинаковое звание — больные. В больнице и в общей бане все люди равны, — нарочито грубовато пошутил лейтенант. Матрос благодарно улыбнулся.

— Болят? — спросил Юрий, кивнув на его забинтованные руки.

— Ноют немного, но я уже свыкся.

— Вот и я тоже. Но ничего, успокоются. Доктор сказал — через неделю все заживет. — Юрий смотрел на бледное, с проступившими веснушками, очень юное лицо матроса и думал о том, что, в сущности, кроме анкетных данных, ничего не знает о своем подчиненном. Видел, тот часто получает письма, а вот от кого — было ему неизвестно. Замечал, что иногда грустил матрос, и все не находил повода поговорить по душам.

— Родители у вас еще молодые, Женья? — помолчав, спросил он.

— Отцу пятьдесят восемь, маме пятьдесят.

— Оба здоровы?

— Батя у меня еще трактор на спине может поднять, — улыбнулся Филипеня. — Мама тоже шустрая женщина, и в колхозе и дома все делать успевает.

— А девушка у вас есть, если не секрет?

— Знаете, товарищ гвардии лейтенант... — приподнялся на локте Филипеня.

— Юрий Егорович! — подсказал ему командир взвода.

— ...Девушки у меня никакой нет, а вот глупая история со мной была... Влюбился в чужую жену. Если вам интересно, расскажу.

— Пожалуйста, если можно, — даже растерялся от неожиданной его откровенности Юрий.

— Есть у меня старший брат, Петром зовут. В армии он несколько лет назад отслужил. Только не на флоте, а

в строительных частях. Так вот, после демобилизации присмотрел Петр себе невесту в соседнем селе. Когда я ее первый раз увидел, она мне не приглянулась. Невысокая, худенькая, совсем девчонка на вид, хотя ей девятнадцать лет было. Семья наша в достатке жила. Три мужика работали, да еще мама. Потому на свадьбу не скупались. Со всего околотка собрали на свой двор столы и скамьи, угощение все соседи помогали готовить...

Молодых привезли из сельсовета на рессорной коляске, тройкой запряженной. В гривы конские цветы вплели, дугу шелковыми лентами украсили. Любят у нас свадьбы по старым обычаям справлять. Меня, к примеру, возле ворот с лукошком поставили. А в лукошке — жито с мелочью смешанное: молодых обсыпать, чтобы жили безбедно. Девушки наши песни венчальные пели... И вот тут-то увидел я Настю в белом платье, с венком и фатой на голове — очам своим не поверил. Словно в живой воде ее искупали, такая она стала красивая да счастливая. И первый раз я отчаянно позавидовал брату.

Петру с Настей отвели дальнюю, не проходную комнату в нашей избе, и стала невестка помощницей нашей матери. Вставала вместе с ней чуть свет, доила и отгопяла на пастбище корову, кормила поросенка, гусей, кур. Два раза в месяц затевали они с матерью большую стирку, полдня копошились в предбаннике в жару и в пару. А еще работала Настя учетчицей на молочно-товарной ферме. Смотрел я на нее и думал, что сделали из девушки служанку. И еще казалось, Петр мало внимателен к молодой своей жене.

«Разве так бы она жила, — размышлял я, — если бы за меня вышла. Первым делом выделился бы я из семьи, снял у кого-нибудь флигель и ничего делать ей не дал...»

Хотелось мне невнимание братово исправить. Пробирался я тайком в дальнюю комнату и ставил на подоконник букеты цветов полевых, будто от мужа они ей. Но однажды подошел ко мне батя, глянул хмуро и сказал:

— Выдь-ка во двор, Женька. Разговор есть.

Сели мы рядом на скамью возле забора, отец свернул самокрутку — папирос и сигарет он не признает, — чиркнул спичкой, закурил и спросил:

— Почто ты, байстрюк, бузу в доме заводишь?

— Какую бузу? — говорю.

— Не прикидывайся голубем. Зачем ты к Насте ластисься? Хошь, чтобы измордовал тебя Петька? Он не смотри, что чурбан доверчивый, настанет час — доглядит!

— Вот именно он чурбан, — озлился я. — Жену свою служанкой сделал.

— Не тебе о том судить, — отрезал отец, — молоко на губах не просохло. Чтоб с нынешнего дня на их половину ни ногой! И глаза на нее пялить прекрати. Понял?

— Давно уж понял, — отвечаю. И в этот же день ушел я из дому. Поехал в районный центр, устроился почтальоном и жил в маленькой комнатке при почте... Так вот и кончилась моя первая любовь...

— И вы ее больше не видели? — спросил Юрий.

— Настю-то? Почему же, видел. Когда мне повестку из военкомата принесли, ездил я домой прощаться. Три дня у своих прожил. Только Настя тогда уже беременной была. Стеснялась мне на глаза показываться...

— Не огорчайтесь, Женья, то не любовь у вас была, а детское увлечение, — смущенно и не очень ловко попытался утешить матроса Русаков.

— Теперь-то я и сам это понимаю, — вздохнул Филипеня.

ГЛАВА 10

Дополнение к анкете Русакова

Председатель колхоза жил на самом берегу Барти в небольшом пятистенном доме. Во дворе Юрий увидел потрепанный легковой газик.

— Серега наш... Сергей Данилович... скромно начальствует, шофера на личной машине не держит, — пояснила тетка. — И помощников своих: агронома, экономиста, зоотехника — заставил на водительские права сдать. А у бригадиров у всех — мотоциклы с коляской. — И, увидев на крыльце хозяев дома, приветливо заулыбалась: — Добрый вечер, Сергей Данилович! Поклон тебе, Гликерья Петровна! Вот на огонек к вам заглянули.

— Входите, входите! Милости просим.

— Давай знакомиться, парень, — сказал Юрию широкоплечий, с могучей шеей мужчина. — Моя мать деду твоему Архипу сестрой доводилась, стало быть, в родстве мы с тобой. Сколько тебе стукнуло?

— Шестнадцать.

— На вид можно больше дать. Взгляни, мать, как он на Васятку нашего смахивает! Сын это мой, — сказал он Юрию, — постарше тебя, нынче в армию взяли. В противовоздушные войска попал... Ну давайте к столу, повечерем вместе.

Так вот, — начал он, когда все отужинали. — Батя твой, Егор, на год моложе меня был. Потому я в техникум раньше поступил. Но тут вскоре война. Егор смекнул, что по годам еще долго его на фронт не возьмут, — паспорт свой в печь, заявление подал: пропали, мол, все документы. Его на медицинскую комиссию. Парень он был рослый, там поверили ему на слово и год прибавили. Потому мы в сорок втором вместе повестки получили...

Сергей Данилович помолчал задумчиво, вытащил из пачки и прикурил папиросу, потом снова продолжил рассказ:

— Отвезли нас в Омск, стали распределять. Меня на офицерские курсы направили, а Егора включили в маршевую роту — и на Северо-Западный фронт. Так и потерял я брата из виду на целых два года. О себе рассказывать не буду, обычная история взводного командира: фронт, госпиталь, снова фронт... Но верно говорят, что

только гора с горой не сходится. Зимой сорок четвертого прострелили мне ногу, попал я с госпиталем в Великие Луки. Бреду как-то с костылем в столовую, а навстречу мне Егор. Светла-таки нас военная судьба. И ранения у нас схожими оказались, ему разрывная пуля в лодыжку угодила. Только он уже без палочки ходил, чуть прихрамывал.

Перетащил он меня в свою палату. Разговорились... кто, где, когда... У меня две звездочки на погоне, а он — флотский старшина с двумя звездами — Красной и Славы — на груди. Нога его уже не беспокоила, и очень он обратно на фронт рвался. Лечащий врач у нас женщина была, грузинка. Не молодая уже, но красивая — глаз не отвести. Так вот, едва появлялась она в палате, как Егор пускался в пляс с припевкой:

Здравствуй, милая моя,
Я тебя дождался!

— Что это значит? — спросила она, когда Егор в первый раз коленце выкинул.

— А то, доктор, — ответил он, — что я здоров, как бугай, и зря госпитальную койку занимаю.

— Позвольте нам судить, зря или не зря! — отвечает Мариам Вахтанговна. — И не забывайте, старшина, что я не просто баба, а майор медицинской службы!

— Прошу вас, — говорит Егор, — товарищ майор, срочно выписать старшину первой статьи Русакова! Иначе он и к победе не успеет. Наши-то уже в Восточной Пруссии!

— Понимаю ваше стремление, дорогой, — говорит она, — но ничего не могу сделать. Рана у вас едва-едва затянулась, а вы тут плясы устраиваете. Потерпите немного, успеете повоювать. До Берлина еще далеко.

— Берлин не по моей части, — Егор отвечает. — Я же морской пехотинец. Моя задача Пиллау взять и Данциг,

а до них уже рукой подать. Выпишите, доктор, не доводите до греха!

Словом, допек он врачей и выписали его досрочно. Простился он со мной и укатил к Балтийскому морю. Сумел еще до конца войны Славу второй степени отхватить. Немножко до полного кавалера не дотянул...

— Заговорил ты, старый, гостя, — вмешалась хозяйка. — Чайку не даешь ему отхлебнуть.

— Крепче спать будет, — отшутился председатель. — Небось не байки слушает, а про жизнь отцову рассказ.

— Да-да, мне очень интересно, я слушаю вас, Сергей Данилович, — сказал Юрий.

— Ну вот, в сорок седьмом году уволился я в запас. Вернулся домой, снова подался в техникум доучиваться. На войну я с последнего курса уходил. Получил диплом, приехал в нашу эмтээс: сначала бригадиром, затем главным механиком. А в пятьдесят седьмом выбрали меня колхозники своим председателем. Вот с тех пор и тружусь на этом посту. Это о себе. А отец твой, Егор, из армии на год позже моего пришел. Но в техникуме восстапавливаться не стал, были у него другие соображения. Тапсю хотел поддержать, в те годы прибаливала она здорово, — кивнул он головой в сторону молча слушающей тетки. — Сел за баранку единственного старого грузовика, который имел тогда колхоз имени Архипа Русакова. Почти два года с этим драндулетом маялся, сам и за слесаря и за аккумуляторщика. А потом не взял их совет с тогдашним председателем Елистратом Бочкаревым. Елистрат недостаток образования апломбом восполнял. Возражений ни от кого не терпел. Покритиковал его как-то Егор на общем собрании, а председатель тут же ультиматум правлению: или я, или Русаков! Выбирайте, мол... А у отца твоего тоже самолюбие выиграло. Взял и махнул в город. Ну а остальное ты все сам знаешь.

— А где теперь Елистрат Бочкарев? — спросил Юрий.

— А, этот! Когда в пятьдесят седьмом прокатили его

па выборах, он избу продал и вместе с семьей завербовался в Якутию. С тех пор в Бартеньевке ни разу не появлялся. Родственникам пишет, что хорошо живет. Мастером на драге работает. Золото, стало быть, промышляет.

— Марья Долгушина в заπροшлом годе на курорте Елистрата встретила, в Ессентуках. Одет, рассказывала, как артист, на пальце перстень с дорогим камнем. В ресторан ее приглашал, но не пошла Марья, — вставила словечко тетка.

— Не завидууй, сестра. В чужих руках оглобля всегда толще кажется. Сами теперь подходяще живем. Шестеро вон в очередь на автомашину записались: мотоциклы уже не устраивают. Ребята после службы домой возвращаться стали, редко кто в город завьется...

— Скажите, Сергей Данилович, есть кто-нибудь еще в колхозе, кто с отцом вместе воевал? — перебил его Юрий.

— Нету, Юра. Фронт, он вон какой огромный был — от южного до северного моря! Двум людям не легче было встретиться, чем двум песчинкам в озере...

— Понимаете, хочу я товарищей его фронтовых разыскать, чтобы узнать побольше.

— Похвальное дело, племяш! Одобрю. Я тебе вот что посоветую: обратись-ка ты в тот военкомат, где Егор на учете стоял. Напиши все по-порядку, так и так, мол. Они тебя научат, что предпринять следует.

— Да, Юронька! — воскликнула тетка. — Я же несколько писем его фронтовых сберегла. Там фамилии товарищей его упоминаются. Егор мне часто писал, по недомумком я была, в одно место складывать не догадалась. Затерялись почти все...

— Ну ладно, о многом мы переговорили. Ты о себе чего-нибудь расскажи. Поступать-то после десятилетки куда собираешься?

— В политехнический институт хочу попробовать попать.

— А может, выберешь сельскохозяйственный? Стал

бы потом нашим главным агрономом. Невесту тебе подыщем, у нас в колхозе красивых девчат много. Верно, Таисья?

— Невесту себе он и сам найдет. А учиться надо тому делу, к которому душа лежит, Сергей Данилович! У нас с тобой — к земле, у него — к станкам заводским.

— И то правильно, Таисья Архиповна!

— Посидели, пора и честь знать, — поднялась из-за стола тетка. — Вставать-то с петухами.

— Заходите еще, рады будем, — приветливо улыбнулась хозяйка.

— Вы тоже нашу избу стороной не обходите.

На улице была уже ночь. От порывов ветерка побрякивали на столбах жестяные светильники, над крышами домов теплилась четвертушка луны. Но деревня еще не спала. Откуда-то доносились переливы гармонии, звонкие девичьи голоса. На мосточке через излучину Барти Юрий остановился, склонился над перилами, слушая журчание воды возле деревянных свай. Ночные эти звуки были непривычными и в то же время казались ему давно знакомыми, только забытыми. Невольно вспомнились чьи-то стихи:

К земле отцов ладонью прикоснусь,
И стиснет сердце трепетная грусть...

Конечно, в агрономы ему идти не с руки, однако приезжать в эти места он будет по возможности часто, до конца своих дней...

— Ты чего замешкался, Юронька? — окликнула его ушедшая вперед тетка.

— Да-да, я сейчас! — отозвался он.

Дома тетка Таисья снова подняла крышку окованного медными полосками старого сундука и достала тоненькую пачечку солдатских треугольников, перевязанную шпагатом.

— Вот, Юронька, все, что сумела сохранить, — сказала она.

Юрий взял из ее рук письма, долго глядел на пожелтевшую бумагу, на выцветший химический карандаш, которым был выведен адрес; даже запах, исходивший от конвертов, был каким-то необычно кисловатым, словно хранили они горький дым сгоревшего пороха.

Писем было шесть, все датированные последним годом войны. В одном из них рассказывалось о встрече в госпитале с двоюродным братом Сергеем Хлоповым.

«...Ты знаешь, сеструха, как он заматерел, плечищи стали почти как у бати нашего, на шее ни одна рубаша не сходится! Долго не могли Сереге халата подобрать, нашли с трудом мало-мальски подходящий, а Серега нагнулся, чтобы шлепанцы поправить, и видим — дырища в халате между лопаток! Дали другой, и этот тем же манером напололам. «Ты меня с работы снимешь!» — ругается кастаньяша. Тогда Мариам Вахтанговна, наш лечащий врач, принесла из дому богатющий ворсовый халат с кистями, бухарским его зовут. Вот и ходит теперь наш Серега, что тебе персидский шах с костылем!»

Другие письма были тоже веселыми, ободряющими, нигде ни полсловечка о боях, о смертельной опасности, ежечасно подстерегавшей отца. Будто не с фронта писал он, а откуда-то с мирной дальней стороны.

«...Дружок мой закадычный Петро Шамшурин посылочку получил с кедровыми орехами. Поделил на все отделение, два дня щелкали, пока челюсти судорогой сводить не стало. А одну очень красивую шишку я лущить не стал, оставил на память...»

«...Недавно новый пулеметчик к нам пришел, Поваляев его фамилия. Разговорились мы с ним, и оказалось — почти что земляки. Он тоже из нашей, из Омской, области, только из Русскополянского района. Мировой мужик, в бою страха не знает... А войне-то, милая моя сеструха, по всему видно, очень скоро конец придет!..»

Этот последний треугольник был обозначен апрелем сорок пятого года. До победы оставалось чуть больше месяца. Но сколько раз за эти оставшиеся недели и дни довелось, быть может, отцу рисковать своей жизнью...

— Тетя Тося, вы людей этих, что в письмах отца упоминаются, Шамшурина и Поваляева, не знаете? — спросил Юрий.

— Не знаю, Юронька. О Шамшурине я, правда, слышала от Егора. Они и после войны друг с другом переписывались. Брат все в гости к нему съездить, поохотиться в тайге, собирался. Только не успел, сердешный...

ГЛАВА 11

В санитарную часть рано утром первым заглянул гвардии капитан Миронов.

— Здравствуйте, Русаков. Серьезно это у вас? — глянул он на забинтованные руки лейтенанта.

— Начмед грозитя дней семь продержатъ, — ответил Юрий, косясь на вытянувшегося по стойке «смирно» Филипеню.

— Товарищ гвардии матрос, оставьте нас на минуту одних, — сказал тому командир роты. — Удивляете вы меня, Русаков, — продолжил он, когда Филипеня вышел. — Ну разве командирское это дело — самому лезть в огонь? Ваша обязанность подчиненными руководить.

— Но тут был особый случай, товарищ гвардии капитан. Линия под напряжением, кого попало не пошлешь. А сам я все-таки инженер.

— Инженером вы были на заводе, а здесь вы прежде всего командир. Могли проинструктировать толкового сержанта.

— Да не было же времени для этого! Завод горел!

— Ну хорошо, не будем сейчас об этом. Неужели вас продержат здесь целую неделю? А мне ведь нужно срочно сдать вам дела.

— Какие дела? — не попял Юрий.

— Дела и обязанности командира роты. Пришел вызов из академии, в следующий понедельник мне надо выехать.

— А почему именно я должен принимать роту?

— Так распорядилось командование. Вы же по штату числитесь моим первым заместителем, вот и замещайте... Кстати, есть и другая приятная для вас новость: мне сообщили, что вас и Филипеню будут представлять к медали «За отвагу на пожаре». Не зря пострадали, — усмехнулся Миронов.

— Какая там отвага! — махнул забинтованной рукой Юрий.

— Не скромничайте, Русаков. Излишняя скромность так же вредна, как и нахальство. Если позволите, я буду просить врача, чтобы он выписал вас побыстрее.

— Пожалуйста, я готов уйти отсюда хоть сегодня.

После завтрака в санчасть прибыли новые посетители. Вместе с Родионовым в палату вошел человек в гражданском костюме. Брюки из дорогой ткани были у него заправлены в порыжелые сапоги, явно с чужой ноги.

— Командир взвода, ходившего в Мысовое, товарищ секретарь обкома, — представил Юрия гвардии майор Родионов.

— Сердечно вас благодарю, лейтенант! — сказал гость, и глаза его на усталом, наспех побритом лице молодо заблестели. — Директор мысовского совхоза Воронов расказывал о вас буквально с восхищением...

— Разве только про меня, а не про них? — указал Юрий взглядом на Филипеню.

— Разумеется, о них тоже, — понимающе улыбнулся секретарь обкома, откидывая с высокого лба прядь начинающих сесть волос. — Буду докладывать обо всем на бюро обкома, — повернулся он к Родионову, — особенно подчеркну участие ваших гвардейцев.

— Мы выполняли свой долг, — смущенно сказал ком-

бат. — Любая воинская часть на нашем месте поступила бы точно так же.

— В этом я не сомневаюсь! — воскликнул гость.

— Я извиняюсь, — обратился к нему Родионов. — Мне надо по службе сказать несколько слов лейтенанту.

— Пожалуйста, будьте добры!

— Миронов вас ввел в курс дела? — спросил Юрий комбат. — Приказ мною подписан. Как только позволит врач, приступайте к исполнению новых обязанностей. Но должен предупредить вас, Русаков, что скоро нам предстоит принять участие в крупном флотском учении во взаимодействии с нашими польскими товарищами. В таком, какого вам, пожалуй, еще не приходилось видеть. Не исключено, что за его ходом будет наблюдать сам министр обороны... Вот потому, — внимательно глянул он на Юрия, — я и хочу, чтобы вы осознали всю ответственность, которая на вас ложится.

— Постараюсь, товарищ гвардии майор.

— Выздоровливайте побыстрей.

— Спасибо.

Весь день Юрий испытывал странную раздвоенность чувств. Неожиданное повышение радовало, но в то же время не было полной уверенности в том, что новая должность окажется ему по плечу. Не представлял он пока и того, как теперь ему надлежит вести себя с вчерашними приятелями — командирами взводов, с замполитом Еськовым, для которого он из подчиненного сразу превратился в начальника.

— Где же тут герои мирных дней? — услышал он из коридора голос со знакомой картавинкой. — Можно к вам? — поскреблась Наташа в полуприкрытую дверь палаты.

— Пожалуйста! — вскочил Юрий, торопливо одернув примятую постель.

— Здравствуйте. А у вас тут очень даже уютно.

— Добрый вечер.

— Здравия желаю, — сказал Филипеня, бочком пробираясь к выходу.

— Куда же вы? — попыталась остановить его де-вушка.

— Вы знаете... Мне обязательно надо... — смущенно забормотал Филипеня. — Я скоро вернусь.

— Он что у вас, из робкого десятка? — спросила у Юрия Наташа.

— Как сказать, — усмехнулся тот.

— Куда вам поставить цветы?

— Сейчас я раздобуду у сестрички какую-нибудь посудину... Вот дали поллитровую кружку, — сказал Юрий, возвращаясь. — Хрустальные вазы здесь не предусмотрены.

— Ничего, обойдемся без хрусталя. Федор мне сообщил, что вас положили в санчасть, вот я и решила навестить. Может, я некстати?

— Нет, что вы! Совсем наоборот. Я вам очень благодарен за внимание.

— Это уже хорошо. А то я сценария не приготовила, все — сплошная импровизация, — улыбнулась Наташа.

— И надо сказать — очень удачная.

— Вы так считаете?.. Что-то я чересчур разболталась. А вам, наверно, не до шуток. Очень руки болят? — участливо спросила она.

— Уже перестали. Одно плохо — ложку неудобно держать.

— Вы уже поужинали? Жаль. Лишили меня удовольствия покормить вас с ложечки.

— Если бы я мог знать, что вы придете...

— А вы бы пришли в больницу, если бы слегла я? — пегромко спросила она после паузы.

— Если бы знал, что вам это будет приятно, навещал бы по несколько раз на день.

— Это было бы для меня самым лучшим лекарством... — прошептала Наташа и отвернулась, чтобы спрятать зардевшиеся щеки. — Только, как назло, у меня завидное здоровье! — справившись со смущением, сказала она.

— Тогда разрешите мне как-нибудь навестить вас в вашем сельском клубе.

— Чтобы вы вскружили головы всем моим артистам? Им тогда репетиции на ум не пойдут.

— Опасность грозит только вашим ухажерам... — удивляясь собственной смелости, произнес Юрий, чувствуя, как горячая волна приливает к его голове.

Филипеня вернулся в палату перед самым отбоем.

— Чего вы так застеснялись, Женья? — спросил его Юрий. — И девушку поставили в неловкое положение.

— Извините меня, товарищ гвардии лейтенант, но ведь она не ко мне приходила...

— С чего это вы взяли?

— Она же вам нравится, товарищ гвардии лейтенант! Вот и женитесь на ней.

— Так сразу и жениться? А если она не пойдет за меня?

— Непременно пойдет. А по годам вам уже пора семьей обзаводиться.

— Ну и мудрец вы, Женья! Ну и рассудили! — искренне развеселился Юрий.

— Послушайте моего совета, сделайте побыстрее предложение! Иначе отобьет ее у вас гвардии лейтенант Ермоленко. Наши ребята ее с ним видели.

— В том-то вся сложность, дорогой сват, что не только мы выбираем, но и нас тоже выбирают...

Начмед выписал их лишь через пять суток. Филипеня дал освобождение на полмесяца от дежурств и нарядов, а Юрию долго втолковывал:

— Поменьше занимайтесь канцелярией, не утруждайте руку. Возьмите писаря и диктуйте ему все ваши приказы и распоряжения. На бэтэрах пока не раскатывайте, пусть занятия проводят ваши помощники...

— Будет сделано, товарищ гвардии капитан медицинской службы! — нарочито серьезно отрапортовал Юрий и уже тремя днями спустя, приняв обязанности командира роты, отправился на полигон руководить водительской подготовкой.

В подразделения пришли молодые механики пока еще с ученическим опытом вождения боевых машин. Их следовало в короткий срок ввести в строй.

Один из стажеров сидел в командирском бэтэре на месте Файзулаева, который выполнял теперь роль инструктора.

— Заводи, — скомандовал Файзулаев новичку.

Взревел двигатель, сразу же взяв высокую ноту.

— Не газуй! Плавно повышай обороты. Марш!

Выметая колесами песок, бронетранспортер двинулся вперед по петляющей между рывтинами и клыкастыми надолбами колее. Вот она резко нырнула в овраг.

— Сбрось газ! Плавнее веди, — предупредил стажера Файзулаев. Он был настолько увлечен своей новой ролью, что совсем забыл про старшего в машине. Юрий понимал это и не вмешивался в его распоряжения.

Бэтэр прошел наискосок пологий каменистый склон. Серdito басил двигатель. Новичок явно перегазовывал, по вел машину довольно уверенно. Юрий смотрел на его стриженный затылок и размышлял о том, каким совершенно другим человеком станет этот робкий паренек буквально через несколько месяцев. Появится у него расчетливая сметка, а главное, решительность — одно из неперемennых качеств молодого пехотинца. Без нее не сведешь машину с аппарели десантного корабля в кипящие волны, не ринешься через огненную преграду. «Смелость, быстрота, натиск!» — эта суворовская заповедь

словно обращена к морской пехоте. Только не сразу и не само по себе придет все это к новичку. Будут помогать ему многие — начиная от Файзулаева и кончая им — командиром роты. Ибо «один за всех и все за одного» — гласит флотская заповедь.

Бронетранспортер миновал эскарп, и колея вновь скрылась в залитой водой широкой воронке.

— Жалюзи! Газ! — напомнил Файзулаев.

Плеснула в смотровую щель затхлая жижа, фонтаном обдав лица сидевших в кузове. Водителю некогда было даже вытереться: дальше шла притопленная бревенчатая гать, а за нею динный колеяный мост.

Обычно опытные механики не рисковали въезжать на мост сходу. Притормаживали, выравнивали машину, а потом уже форсировали это трудное препятствие. Но новичок не выжал тормоза, и шины зашуршали по бетонным лежакам.

— Куда ты прешь? — успел крикнуть Файзулаев, но было поздно: бэтээр резко дернулся и осел на один бок.

Юрий инстинктивно уперся рукой в борт, острая боль пронзила все его существо, с трудом удалось сдерживать стон. По бинту расплывалось алое пятно.

— Ишь какой прыткий нашелся! — бранил растеряного водителя сконфуженный Файзулаев. — Научись сначала, а потом лихачь. Неумелого ездока и верблюдов сбрасывает, как говорил мой дедушка...

Заведя мотор, Файзулаев медленными рывками согнал машину с бетонного лежака, вывел на косогор, где, придерживая забинтованную руку, стоял Юрий.

— Сильно зашибли, товарищ гвардии лейтенант? — спросил матрос.

— Ничего, пройдет. Сейчас поедем...

— Ну и абрек попался, — повернулся Файзулаев в сторону стоящего возле бэтэера новичка. Тот понурил голову.

— Ничего, на ошибках учатся! — ободрил матроса

Юрий. — Вы думаете, Файзулаев поначалу нигде не застревал?

— Было, товарищ гвардии лейтенант, чего скрывать! — сверкнул раскосыми глазами инструктор.

— А ну-ка заводите, и вернемся на исходную позицию. Еще раз пройдем трассу.

— Есть! — обрадованно вскинулся новичок.

ГЛАВА 12

Дополнение к анкете Русакова

— Города-то я и сама как следует не знаю, — созналась тетка, когда они вышли из автобуса. — Бывала в нем несколько раз наездами. Да и разросся он теперь на все четыре стороны. Автобазу давно уже куда-то на окраину перевели. Но ничего, дорогу у людей спросить — не за милостыней руку протянуть...

Остаповились они в квартире бывшей бартеньевской жительницы — давней знакомой Таисьи Архиповны. Хозяйка еще не утратила деревенского гостеприимства и выметала на стол все съестное, что было в доме.

— Кушайте досыта, гости дорогие, — приговаривала она.

— Угомонись, Нюра, — пыталась сдержать ее хлебосольство тетка, — чай, не с голодного острова парня привезла.

— Баской, ох баской у тебя, Тося, племянничек, — бесцеремонно рассматривая Юрия, восхищенно трясла головой хозяйка. — Засушит он не одно девичье сердечко!

— Перестань его смущать, неугомонная!

— А чего? Он небось как свеженький огурец — сам себе цену знает!

— Да ему семнадцатый годок всего минул.

— Молодость дело поправимое! Ты извини меня, Юра, я ведь характером проста, чего очи бачут, про то и язык мечет.

— Вот именно, мелет, — усмехнулась тетка.

— Из пословицы слова не выкинешь, подружка!

— Ты нам расскажи лучше, как автобазу найти.

— А чего вам ее искать? Сегодня отдыхайте, а завтра вместе с моим Никифोरычем пойдете. Он в гараже слесарем работает, кого надо покажет и к любому начальству сведет.

— Недосуг нам прохладиться, времени мало, надо еще на кладбище побывать.

— Тогда ладно. Садитесь на первый маршрут и ежайте до улицы Героев Даманского. Пройдете чуток пешком, увидите большие железные ворота. Это и есть автобаза. А контора за проходной направо, в трехэтажном доме.

— Спасибо, Нюра. Мы пошли.

Вскоре они уже сидели в кабинете директора автопредприятия — молодого мужчины с институтским значком на лацкане пиджака.

— Сам я, как вы понимаете, товарища Русакова не знал. Но у нас работают несколько человек, которые его хорошо помнят. Кстати, у нас с той поры и по сей день существует вымпел имени Егора Русакова за самый большой километраж. За прошлый месяц мы присудили его старейшему нашему водителю Петру Николаевичу Киселеву. Вот к нему вы сейчас и адресуйтесь. Машина его на профилактике стоит. Они с вашим отцом были, насколько мне известно, добрыми приятелями.

— Ты погляди, какой богатырь вымахал! Ты погляди! — долго восклицал Киселев, обтирая ветошью испачканные маслом руки. — Я же тебя вот такусеньким видел, — отмерил он ладолями. — А теперь плечи шире бабкиных. Молодец, что заглянул, молодец!

Он был еще не стар, невысокого роста, но коренаст и подборист.

— Он хочет вас об отце расспросить, — сказала тетка.

— Догадываюсь, догадываюсь. Только разговор будет долгим, да и не с руки тут нам беседовать. Погодите маленько, скоро заканчивается моя смена, и махнем ко мне домой.

— Стоит ли вас стеснять... — заколебалась было Таисья Архиповна.

— Какое там стеснение! Старуха моя — хлебосольница, а тут еще и гость такой неожиданный! Егора-то она шибко жаловала. Он, пока холостым был, у нас дневал и ночевал.

Киселев вернулся быстро, одетый в полотняный костюм спортивного покроя.

— Директор нам свою «Волгу» дал. Сей минут возле моей хаты будем.

Жена Киселева, худенькая, с девичьей фигурой жепщина, даже расплакалась, когда увидела Юрия.

— Как две росиночки вы с отцом своим покойным похожи. И лоб, и брови, и губы у тебя его, — говорила она, смахивая мизинцем слезы. — Как бы он гордился теперь, как радовался...

— Не расстраивай парня, старуха. Слезами горю не поможешь. Давай-ка отряжай меня в магазин, командуй, чего покупать.

— Водки не надо, не пьет еще Юронька, — сказала тетка.

— Мы с тобой, Архиповна, выпьем. За добрую память брата твоего, а моего друга сердечного.

— Вы не подумайте про него худого, — смущенно улыбнулась Киселева, когда муж, взяв хозяйственную сумку, вышел. — Он у меня не часто к рюмочке-то прикладывается. Всю жизнь за рулем.

Рюмку Петр Николаевич за здоровье гостей выпил. Понюхал хлебную корочку и подмигнул Юрию:

— Хлебный дух для организма лучший друг. Так вот, — начал он свой рассказ, утерев губы салфеткой. —

Пришел Егор Русаков к нам в колонну с правами второго класса. Машину ему дали новенькую, только что полученную. А он все одно ее главные узлы перебрал, все заново отрегулировал. Мотор у него как зверь работал. Стал он наших ребят, некоторых и с первым классом, обставлять. И груза больше перевезет, и быстрее обернется. Талант у него к нашему, шоферскому, делу был. Ездил расчетливо: не пилил на третьей скорости и не лихачил. За год была у него одна-единственная авария, да и то не по его вине. Борт ему на перекрестке какой-то растяпа подставил, а тормозного пути не хватило, чтобы остановиться.

Со сломанной рукой в больницу его положили. Вот тогда он и познакомился с матерью твоей. Влюбился в нее без памяти. Ничего удивительного — девка она была красивая, а у Егора годы подошли, пора было семьей обзаводиться. Я его на десять лет постарше, и то, когда первый раз невесту его увидел, заныло у меня под ложечкой. Ты, старуха, глаз на меня не пяль! Дело прошлое, неподсудное, — глянул он на жену.

— Нужен ты мне больно, — фыркнула та. — Я тебя и в молодые-то годы не больно ревновала.

— Вот-вот, такая, значит, была твоя любовь!.. Свадьбу он вот в этом самом доме у нас сыграл. В тециной квартире негде было повернуться. Старуха моя его теще жарить-парить помогала.

— Старухе в ту пору тридцать два года было, — задиристо глянула на него жена.

— Ну-ну, не хорохорься, ты для меня и сейчас самая красивая и молодая!.. Потом мы через местком комнату для молодых выбрали. С жильем тогда нелегко было, но лучшему шоферу пошло начальство навстречу. Поселились они в двухэтажном деревянном доме на улице Красной. Дом этот до сих пор цел. Бывал я у него в гостях несколько раз, только, сказать по справедливости, супру-

га его молодая нашего брата, шофера, не очень жаловала. Я не в обиду ей говорю, а так просто вспоминаю...

— Что было, то сплыло, — одернула его жена. — Нечего теперь старое ворошить.

— Хорошо, не буду. Вообще-то она молодец баба, характера твердого. В техникуме Егора восстановиться заставила, на заочном отделении. Он еще до войны учиться начал, да не успел закончить. Она до сих пор в больнице работает? — спросил Киселев у Юрия.

— В поликлинике, участковым врачом.

— Врачом? Значит, тоже выучилась? Настоячивая женщина. А отчим по-прежнему главный инженер?

— Нет, он директор завода.

— Должность солидная. Только и Егор голову имел светлую. Неизвестно, кем бы теперь был. В ту пору на севере нашей области нефть начали искать. Нашу автоколонну к буровикам подключили. Ездить приходилось большей частью по бездорожью. Не всем удавалось пробиваться через снега. А вот Егор ни разу обратно с грузом не вернулся. Надо перевезти что-либо важное и срочное — ему поручали, знали: доставит в любой буран... Тогда ведь еще вертолетов не было. Все оборудование летом на баржах по рекам, зимой только на автомашинах доставляли. Хлебнули мы, шофера, всякого лиха досыта. И простывали, и обмороживались.

— А тот рейс, в который отец последний раз ездил, тоже срочным был? — спросил Юрий.

— Тот и вовсе чрезвычайный. Поломка на буровой случилась. Надо было любым путем запчасти послать, иначе пришлось бы буровикам загорать в простое до самого ледохода. Что делать? Дороги уже прокисать начали, пробиться на север — один шанс из сотни. И тут-то Егор сам вызвался ехать. Совестно его посылать — жена па сносях, но другого выхода не было. Как удалось ему добраться — один бог знает. Выручил буровиков. А вот обратно не следовало ему ехать, потерпел бы недельки

две до ледохода и с первым караваном на барже машину приволок. Только не сиделось ему там, в те дни ты на белый свет заявился. Первенец, да еще сынище! Рискнул Егор, да и сгинул...

— У меня будто сердце чувствовало, — вздохнула жена Киселева. — Перед самым рейсом заскочил он к нам на минутку. «Вы уж, — говорит, — за родненькой моей присмотрите», хотя у той и мать, и сестры были. Глянула я ему вслед, и душа у меня от тоски сомлела. Мужу-то ничего не сказала, а сама все эти дни как на иголках жила.

— Когда вскрылась река, тело его в тридцати верстах ниже по течению обнаружили. Успел он дверцу кабины распахнуть, выскочил, но головой об лед зашибся... Хоронили его с большими почестями. Все городское начальство присутствовало, представители нефтеразведки тоже венки принесли. А вот мамка твоя так с ним и не простилась. Видать, брякнул кто-то не подумавши, и горячка с ней приключилась. Долго еще после похорон в больнице лежала. Вышла чуть жива, грудишки пустые. Удивительно, как она выходить-то тебя сумела...

— На первых порах мы ее частенько навещали, — продолжила за него жена. — А после, когда она к своим жить перебралась, реже стали видеться. Года через полтора вышла она замуж за отчима твоего теперешнего, уехала из города. С той поры мы о семье вашей только от Архиповны узнавали, делилась она с нами тем, что самой удавалось выведать.

— Сама-то не больно много знала. — Таисья Архиповна невесело улыбнулась. — Уговор блюла... Лпшь в кои годы, когда душа не выдерживала разлуки, ездила, чтобы хоть издали увидеть своего Юропьку. — Она ласково взглянула на племянника. Юрий опустил глаза, так стало стыдно и за себя самого, и особенно за бессердечие матери.

— Спасибо, хозяйева дорогие, и за ужин, и за добрые

слова, — поднялась из-за стола тетка. — Отправимся мы теперь к Егорушке.

— И мы с вами, если позволите, — заторопилась жена Киселева.

— Нет, старуха, мы в следующий раз. Пусть сегодня они наедине с ним побудут, — остановил жену Петр Николаевич.

Городское кладбище находилось в тенистой березовой роще, наполненной птичьим гомоном. Подражая то щеглам, то зябликам, самозабвенно заливались скворцы, с верхушек деревьев доносилось картавое воронье карканье. А внизу побрякивали железные венки о надгробия. Вечер выдался ветреным.

Юрий с теткой подошли к обнесенной металлической оградкой могиле, над которой возвышалась четырехугольная пирамидка со звездой. Могильный холмик был обнесен бетонным буртиком и засажен цветами, оградка совсем недавно покрашена. Чувствовалось, что за могилой постоянно присматривают.

Таисья Архиповна отворила тихонько дверцу ограды, вошла и расслабленно опустилась на колени.

— Братец мой любимый, — негромко запричитала она. — Сына я к тебе привела, кровиночку твою единственную, а ты не встанешь нам навстречу, не откроешь свои глазоньки...

— Тетя, милая, успокойтесь, — тронул ее за плечо Юрий, сам не в силах сдержать слез. В этот момент он не осознавал, были ли это слезы жалости или обиды за то, что уже шестнадцать лет лежит под этими березами родной ему человек, а он только впервые пришел навестить его. Нет, не имела права мать поступить так жестоко, трудно будет простить ей это...

— Помни о нем, Юронька, — повернула к нему скорбное лицо тетка. — Щедрое сердце и большая любовь погубили его...

— Да, тетя, теперь я никогда не забуду отца, — сказал Юрий, — никогда не забуду.

Именно сейчас созрело в нем окончательное решение восстановить справедливость. Как это сделать, он еще не знал, но слышал, что даже настоящие фамилию, имя и отчество можно сменить на любые другие. У него же совсем наоборот: он будет менять чужое на свое собственное, законное.

ГЛАВА 13

Ермоленко воспринял повышение Юрия как что-то само собой разумеющееся.

— Как прикажешь к тебе обращаться? — с простодушной улыбкой спросил он Юрия. — На «ты» или на «вы»?

— А ты сам как считаешь?

— Придется выкать. Тыканье подрывает командирский авторитет.

— Смотря где. На службе — да, а здесь, в общежитии, мы с тобой как были, так и остались товарищами.

— Сложно это очень, там — одно, здесь — другое. Боюсь запутаюсь.

— Поменьше говори, побольше делай — не запутаешься! — рассмеялся Юрий. — Кстати, как твои новички?

— Роют землю носом, — пошутил Ермоленко.

— Какие они, в сущности, еще мальчишки, — сказал Юрий. — Ты знаешь, дублер Файзулаева застрял сегодня на колейном мосту и чуть не заревел от досады.

— Маленький сынок, наверное?

— Да нет, рабочий паренек, профтехучилище закончил, на заводе немножко поработать успел.

— Тогда, значит, самолюбивый очень. Это хорошо, такой на шкентеле тянуться не будет.

— Видно, да. А с хорошим почерком среди твоих

никого нет? Мне временно писарь нужен, пока вот эти пленки не сниму, — кивнул Юрий на свои бинты.

— Почерка я не проверял, но один у меня художественное училище закончил. Коль рисовать умеет, писать красиво тоже, наверное, может.

— Пришли его на пару дней в канцелярию.

— Есть прислать! — приложил руку к непокрытой голове Ермоленко, и оба снова прыснули от смеха.

— Что-то я в библиотеку дорогу забыл, — вздохнул Ермоленко, — текучка заела. Так и заскорузнешь, как кирзовый сапог. Ты еще Франсуазу свою не сдал? Дашь почитать?

— Хватилась кума... Я после нее еще дюжину книг прочел. Если хочешь, возьми у меня в тумбочке свежие журналы.

— Как ты высыпаться умудряешься? Ложишься, когда я уже второй сон вижу, встаешь раньше меня.

— Не хочу проспать все царство небесное. И тебе не советую.

— Тебе легко говорить, а тут едва примешь горизонтальное положение, так глаза автоматически и закрываются.

— А ты побольше в вертикальном находишься.

— Сам небось в постели читаешь.

— Что положено Юпитеру, то не положено быку.

— Сам ты бык! Ну давай какой-нибудь журнал, — проворчал Ермоленко, устраиваясь за столом.

В сущности, он был вовсе не лентяй, целыми днями крутился на технической позиции и в учебных классах, имел права на вождение бронетранспортеров и танков, пазубок знал уставы и наставления. Стремление соснуть лишний часок было, пожалуй, его единственной слабостью.

С полчаса он молча перелистывал страницы, склонясь возле настольной лампы, потом вдруг вместе со стулом повернулся к товарищу.

— Слушай, Юрко, зачем ты скрывал, что давно знаком с Наташей?

— Скрывал? От кого?

— От меня, к примеру.

— Разве ты когда-нибудь спрашивал меня об этом?

— От друзей не ждут расспросов, с друзьями делятся даже самым сокровенным...

— А сам ты разве посвящал меня в свои отношения с ней?

— Да нет у нас с Наташей никаких отношений! — резко вскинулся Федор. — Ты сам не хуже меня это знаешь, — добавил он тихо.

— С чего ты взял, что я знаю?

— Да с того самого... Скажи мне, Юрко, — произнес он после паузы, — она на самом деле тебе нравится или...

— Что или?

— Или ты просто так ей голову морочишь? — холодно прищурился Федор.

— Хотя мы и друзья, но позволю не отвечать на этот вопрос, — сказал Юрий, отворачиваясь к стене и давая понять, что хочет спать.

Юрий припомнил весь этот разговор спустя несколько дней, возвращаясь в гарнизон из части десантных кораблей, куда ездил для согласования вопросов взаимодействия. Задумчиво смотрел через лобовое стекло газика на низко стоящее над лесом солнце, опущенное багровыми перьями облаков.

— На следующем перекрестке сверните направо, — сказал Юрий водителю. — Мне надо заехать в Сосновку. Вы там бывали?

— Подвозил однажды сестру нашего комбата, товарищ гвардии лейтенант.

— Значит, знаете, где сельский клуб. Мне как раз туда и надо.

Машина затормозила возле здания необычной архитектуры, в котором угадывались контуры бывшей кирхи.

— Добрый вечер, — поздоровался Юрий со стоящей возле дверей клуба женщиной. — Как мне найти товарища Родионову?

— Наталью Федоровну? Поднимитесь на второй этаж, последняя дверь налево.

На потемневшей дубовой филенке резко выделялась новенькая пластмассовая табличка с надписью «Завклубом».

— Можно войти? — постучав согнутым пальцем по косяку, спросил Юрий.

— Пожалуйста! — откликнулась Наташа и, быстро справившись с замешательством, добавила: — Никак, товарищи шефы пожаловали? Милости просим!

— Ну я пошла, Наталья Федоровна, — заторопилась совсем юная девчужка.

— Не забудьте, Танечка, репетиция завтра ровно в восемь. Предупредите всех остальных.

— Хорошо, Наталья Федоровна.

— Ваши сотрудницы сообразительны, не хуже моих матросов, — улыбнулся Юрий и, помявшись, добавил: Я воспользовался вашим приглашением. Может, не вовремя пожаловал?

— Отчего же? Я вам очень рада.

— А домой вы не собираетесь? Я на автомашине, могу подвезти.

— Домой? Честно говоря, я собиралась поработать до восьмичасового автобуса, но ради такого гостя готова отложить все дела. Только, Юра, знаете что? Если не торопитесь, то отпустите свою машину и давайте махнем пешком по лесным тропинкам! Пошуршим листьями. Хорошо?

Шофер удивленно глянул на лейтенанта, когда тот велел ему ехать в часть одному, но, заметив в окне клуба Наташу, понимающе улыбнулся и завел мотор.

«Нынче же поделится новостью с корешами, — посмотрев ему вслед, подумал Юрий, — а через пару деньков казарменный телеграф сообщит ее Федору Ермоленко».

— Вот я и готова! — сказала Наташа и лукаво улыбнулась: — Вы не опасаетесь брать меня в проводники?

— Надеюсь, вы не заведете меня в болото.

— Непременно, чтобы вы меня потом вытащили из трясины! Кстати, как ваши руки?

— Все зажило, шрамы вот только остались.

— Шрамы украшают мужчину.

За околицей они пересекли небольшой выкопанный лужок, вышли на опушку леса, пламеневшую от усыпанных оранжевыми ягодами кустарников.

— Это дафничка, — пояснила Наташа, — или в просторечье волчья ягода. Каждую осень стоит она такая красивая и никому не нужная. Обидно, правда?

— Да. А вы знаете, у нас в Сибири об этом кустарнике существует легенда.

— Какая? Расскажите, пожалуйста!

— Было это, говорят, очень давно, еще в языческие времена. Росла у одного жреца бога Ярилы красавица дочь. Глаза у нее — словно голубые звезды, на щеках отблеск утренней зари, а коса — будто пучок солнечных лучей. Придет на посиделки, парни забывают своих суженых, а молодые мужья жен, сбиваясь, как зачарованные, в безмолвный кружок и с дочери жрецовою глаз не сводят. А та даже бровью не поведет, улыбкой никого не одарит. Каждый день возле ее подворья женихи в очередь стоят. На крыльцо восходят добрыми молодцами, а обратно идут плечи опустив и головы понутив, на старцев похожие. Всем отказывает красавица: один статью нехорош, у другого кудри плохо выются, третий носом не вышел... Только далеко не уходят неудачники, бросаются вниз с крутого обрыва на острые камни. А по ночам пирует их останками волчья стая... Во многих домах стон гудит — оплакивают сыновей своих неутешные ро-

дители, красу привередницу проклинают. Долго терпели люди, а потом собрались всем миром и пошли к старому жрецу.

— Уйми, — говорят ему, — дочь свою, пока весь наш род она не сгубила.

— Будь по-вашему, — отвечает жрец, — вижу сам, что не в добрый час я на свет ее породил. Только о том, как с нею поступить, буду я держать совет с богом нашим лучезарным Ярилою...

Развел он жертвенный костер полночью глухой и после громового раската со звездного неба услышал вещей глас:

— Пусть умрет она той же смертью, на которую других обрекла!

Заплакал жрец, взял на руки спящую дочь свою, отпес на утес и вниз бросил. Радостно взвыли волки, разорвали на клочки ее тело и бросились в разные стороны. С тех пор их в этих местах никто не видел. А там, где упали на землю капли красавицыной крови, вырос кустарник, покрытый яркими ядовитыми ягодами. И прозвали их люди волчьими...

— Какая мрачная легенда, — вздохнула Наташа. — И носит явно антифеминистичный характер! Надеюсь, вы не считаете всех женщин такими бездушными?

— Легенду эту не я придумал.

— Что за прелесть лесной воздух! — переменяла разговор Наташа. — Как легко дышится! Я чувствую, как мои легкие очищаются от городского смрада. Нет, человечество просто-напросто обокрало своих потомков, веками варварски уничтожая природу... Смотрите, Юра, белый гриб, да какой большущий! Вот еще один! Жаль, что мы не взяли с собой корзины.

— Предлагаю свой берет взамен, с условием, что вы меня угостите грибной солянкой.

— А что? И угощу! Я умею готовить. Пока Саша был холост, я одна вела все хозяйство в доме. Я же с трина-

дцати лет скиталась вместе с ним по гарнизонам. Когда папы с мамой не стало, он только-только училище закончил...

— Что же случилось с вашими родителями?

— Они летели на маленьком самолете, неожиданно отказал мотор, и самолет разбился. Погибли все: и экипаж, и пассажиры.

— Грустная история... У меня тоже родной отец провалился с машиной под лед и утонул в реке.

— Давайте не будем об этом. Хотите, я расскажу, как меня делили?

— Кто делил?

— У нас с Сашей имеется один-единственный родственник, папин брат дядя Макар. Он всю жизнь в деревне живет, неподалеку от Краснодара. Он лет на пятнадцать старше папы, теперь совсем стареньким стал, но все еще работает. Все умеет: и чоботы подшить, и корзину сплести. Так уж получилось, что он папе помогал, пока тот в институте учился, детей своих у дяди Макара не было. Так вот, когда у нас несчастье это произошло, он первым к нам примчался.

— Видать, планида моя така, — мне говорит. — Федора в люди вывел, таперича тебя, девка, придется на ноги ставить. Санька-то сам еще птенец желторотый...

А Саша, как узнал про его намерение, воспротивился паотрез:

— Нет, дядя Макар, — заявил, — Наташу я возьму к себе.

— Ты чо, ополоумел? — взъерепенился дядя. — Куда это ты девку повезешь? В казарму свою? И кто ходить за ней будет? Или молодуху присмотрел?

Саша ему говорит:

— Жениться я не собираюсь, но создам для Наташи нормальные условия.

— Не-е, паря, — возражает дядя, — лучше, чем у нас в Каменке, ей условий не будет. Корова своя, огород

своей, опять же сбережения кое-каки имеются...

— Чего нам зря спорить, дядя Макар, — говорит Саша. — Давайте у самой Наташи спросим, с кем она хочет остаться. Ей тринадцатый год идет, свой разум имеет.

Я без слов обхватила брата руками за шею, головой в плечо ему уткнулась.

— Вижу, племянш, ты все заранее спроворил, — расстроился дядя Макар. — Ну ладно, будь по-твоему, живите вместе, а я вам иногда сотнягу лишнюю подброшу.

— Но я же прилично зарабатываю, — Саша ему в ответ. — Северную надбавку к окладу получаю. Нам с Наташей двоим за глаза хватит.

— А мне свои сбережения на тот свет, что ли, с собой тащить? — обиделся дядя. — Окромья вас, нажитое завещать некому.

— А вы, дядя Макар, — подала голос я, — в Фонд мира свои деньги передайте. Мы вот недавно металлолом всей школой собирали, так все, что-за него получили, в этот фонд перевели.

— Ишь ты, — усмехнулся дядя. — Горазда ты, девка, на умные советы...

Словом, пока я институт осиливала, дядя мне ежемесячно по пятьдесят рублей присылал. Я эти деньги называла макаровской стипендией. Так и проучилась все пять лет персональной стипендиаткой!..

— Вы так здорово в лицах разыграли эту сценку, — с улыбкой глянул на девушку Юрий, — что я даже представил этого вашего дядю Макара. Такой могучий старик с дремучей бородой!

— Бороды он как раз не носит, а вот усы у него настоящие — чумацкие. Он ведь из кубанских казаков!

Солнце уже закатывалось. В его холодных лучах клубилось вечернее марево, отчего в лесу стало еще причудливее и таинственней. Моховая полянка под ногами казалась зеленым бархатным ковром. Только мох вдруг заколебался, поверх его простушила вода.

— Все-таки я завела вас в болото! — озорно воскликнула Наташа. — Спасайте же мои туфли!

Юрий подхватил ее, поднял над землей, она обвила руками его шею, губы их встретились...

В часть Юрий вернулся затемно. Еще издали увидел синие огни на территории военного городка и почувствовал неладное. Сначала прибавил шагу, затем припустил бегом.

— Два часа назад был экстренный вызов, — сообщил ему дежурный по контрольно-пропускному пункту. — Объявлена повышенная готовность.

Не переведя дух, Юрий толкнулся в дверь комбатовского кабинета.

— Товарищ гвардии майор...

— Все указания получил Ермоленко, он вас введет в курс дела, — оборвал его Родионов. — Подробный инструктаж будет дан завтра в десять утра.

— Разрешите объяснить...

— После, гвардии лейтенант. Поторопитесь на позицию своей роты.

ГЛАВА 14

Дополнение к анкете Русакова

Поезд давно ушел, а Юрий все еще стоял на опустевшем дощатом перроне, держа в руках телеграмму. «Приезжай, буду рад, встречу на станции Таежной. Шамшурин» — гласил ее текст.

«Может, моя телеграмма не дошла до места? — размышлял Юрий. — Но ведь я послал ее четверо суток назад. За такой срок на быках можно доставить. Что же теперь делать? Брать обратный билет?»

Он был обескуражен и раздосадован. Напрасно он трясся такую даль на жесткой вагонной полке, зря первый раз в жизни стал должником, занял денег у тетки Таисьи, не хотелось письменно объясняться с отчимом и матерью. А что, если рискнуть и самостоятельно добраться в Соленый Ключ? Только ждут ли его там?

Юрий прошел в деревянное здание вокзала, остановился возле окошечка кассы.

— Вы мне не подскажите, как попасть в Сохатинский район? — спросил он.

— Это далеко в стороне от железной дороги, молодой человек, — ответила кассирша.

— А все-таки как туда ехать? Понимаете, я впервые в ваших краях.

— Обождите, сейчас я попробую узнать, — сказала женщина, снимая телефонную трубку. — Так вот, — сообщила она, с кем-то переговорив, — самый быстрый способ — лететь самолетом с нашего аэродрома. Погода стоит хорошая, часов через пять будете в Сохатинском. Места свободные имеются. Автобусом, конечно, дешевле, но, во-первых, ехать полсуток, а во-вторых, сегодняшний уже отправился, а следующего надо ждать до завтра.

Аэродром оказался обычной зеленой лужайкой, на краю которой примостился небольшой щитовой домик. Над ним был поднят на мачте похожий на детский сачок пестрый флюгер. Валетная полоса выложена легкими металлическими решетками. На ней стоял зеленый Ан-2. Едва Юрий успел купить билет, как пассажиров пригласили на посадку.

Вместе с Юрием летели еще четверо пожилых мужчин, но все они сходили раньше его: самолет имел три промежуточные посадки. Правда, один из попутчиков оказался работником Сохатинского лесхоза и бывал в Соленом Ключе.

— Шамшурин? Андрей Флегонтович? Знаком с ним. Толковый был лесничий, браконьерам спуску не давал.

Только он уже несколько лет как на пенсию оформился. Фронтовые раны его мучают. А вашу телеграмму должны были сохатинские телеграфисты дальше по телефону передать. Связь у нас четко работает, не обижаемся на почтовиков. Мой вам совет: справьтесь, прежде чем ехать в Ключ, в районной больнице. Шамшурин в ней частый гость.

Попутчик правильно сориентировал Юрия.

— Вчера утром доставили, — ответил дежурный врач. — Сильное кровотечение открылось. Он же с сорок пятого года с простреленным легким живет. А теперь у него в обоих обширные абсцессы. Кровь мы и на этот раз сумели остановить, но долго ему, увы, не протянуть... О вас он нам говорил, все переживал, что не сумел встретить, а послать кого-нибудь было поздно. Вы — сын его фронтового друга?

— Да.

— Ну что ж, сейчас он лучше себя чувствует. Возьмите халат и пройдите в палату, только не очень его утомляйте.

Шамшурин лежал на постели, вдавив в подушку коротко стриженную, с пепельно-серыми волосами голову. Впалые его щеки были покрыты неестественным румянцем, глаза прикрыты восковыми веками. Кажется, он дремал.

— Здравствуйте, Андрей Флегонтович, — негромко произнес Юрий. — Я Русаков.

— Неужто? — попытался привстать больной. — Добрался все-таки? Молодец, парень!.. А я, видишь вот, сплюшал.

— Ничего, скоро подниметесь на ноги. Я только что говорил с вашим врачом.

— Я сам себе самый лучший лекарь. И медвежатиной, и барсучьим жиром лечился — не помогло. Ну садись возле меня. Кто же тебя надоумил меня разыскивать?

— В письме отцовском с фронта о вас прочел. А потом в его блокноте нашел ваш адрес.

— Верно, на фронте мы с твоим отцом не только друзьями, побратимами стали. Он вот жизнь мою почти на четверть века продлил. Полуживого на руках из волн морских вынес. До сих пор казнюсь, что на похороны его не поехал.

— Извините, Андрей Флегонтович, что я к вам с пустыми руками явился, я сюда прямо с самолета.

— Выбрось из головы, сынок! К гостинцам я не привычен, не от кого мне их получать. Бобылем до старости прожил. Домой после войны с дырявой грудью вернулся, никакой бабе жизнь губить не стал, детей сиротами оставить боялся... Остановился-то где?

— Пока еще пигде.

— В лесхозовское общежитие пойдешь, я черкну записку — там примут. Помоги мне сесть поудобнее, подушку за спиной подоткни. Вот так, спасибо, сынок. Теперь слушай. С отцом твоим в сорок третьем свела меня военная судьба...

В этот вечер Шамшурин успел рассказать немного. Пришел дежурный врач и деликатно выпроводил посетителя. Не позволили им долго беседовать и в следующие разы. И все же за четыре дня, проведенных в Сохатино, Юрий узнал многое из того, чего не было в наградных листах, копии которых он позднее заполучил, обратиться через военкомат в Центральный архив.

По ночам Юрий беспокойно ворочался на скрипучей, расхлябанной койке леспромхозовского общежития, ему снились атаки и перестрелки, даже могучий храп дюжего соседа-промысловика казался ему пулеметными очередями.

Особенно запомнился ему рассказ Шамшурина о бое за косу Фриш-Нерунг возле блокированной крепости Пиллау, запечатлелся в его сознании так, словно он сам

участвовал в первом броске десанта на обгаренный кровью берег...

Егор Русаков тогда только что возвратился из госпиталя. Явился он в самую горячую пору.

— Принимай свое отделение, Архипыч,— сказал ему командир десантного взвода.— И не огорчайся, что всего четыре человека у тебя под началом, с часу на час пополнение прибудет. Жаль, что времени нет новичков поднатаскать...

Больше всех обрадовался возвращению отделенного командира старший краснофлотец Андрей Шамшурин.

— Шибко скучал я без тебя, Егор,— пожаловался он.— С тоски даже курить бросил, ни разу за все время к кисету не прикоснулся.

— Табачок-то сохранил? — спросил Егор.— Давай тогда закурим по одной... Жарко тут, видно, будет. Сильно немец косу эту укрепил. Танки в землю закопал на манер дотов, пулеметов понаставил.

— Разве нам впервой такое, Егор?

— Обидно помереть перед самой победой...

— Мы с тобой везучие! Пули нас наповал не бьют, а только метят.

— Пуля, она дура, Андрей.

Пополнение пришло перед самой посадкой на десантные боты. Грузились ночью при свете карманных фонарей. Небольшие суденышки мотало возле временного причала, сходни были мокрыми и скользкими. Кое-кто из десантников выкупался в морской водичке еще до отдачи швартовов.

Десантный отряд шел без огней, в сторожкой тишине слышно было лишь тарактение движков да плеск волн о форштевни.

Привалившись к брезентовому чехлу, Шамшурин пытался вздремнуть, но от качки голова моталась и стука-

лась о жесткое ребро деревянного шпангоута. Так же безуспешно старался заснуть и Егор. Обоим хотелось сохратить побольше сил перед высадкой.

В небе вдруг что-то беззвучно лопнуло — сразу же стало светло как днем.

— Обнаружили, гады! Люстру повесили! — крикнул старшина мотобота. — Заводи мотор! — скомандовал он одному из матросов.

Медленно опускаясь на парашюте, горела над морем ослепительная бомба. В колеблющемся световом мареве сваливались в пике вражеские пикировщики.

Сторожевые катера отдали буксиры мотоботов и брызнули вверх трассами крупнокалиберных пулеметов. У мотоботов же было единственное средство защиты — мапевр. Словно стая черепах, расплывались они в разные стороны.

«Бум-ах! Бум-ах!» — вздыбливая водяные столбы, громынули разрывы бомб.

— Мимо! Мимо! — стоя у борта, кричал Шамшурин. — Никого не накрыло!

— Не торчи наверху, Андрей! — окликнул его Егор. — Словишь осколок!

— Двум смертям не бывать, Егор! Горит, один фашист горит! Все, пошел на дно рыбу кормить!

Как попало отбомбившись и бесцельно расстреляв боезапас, вражеские самолеты ушли.

— Больше не прилетят, — успокоил новичков Егор. — Нынче не сорок первый год, из последних сил тужатся. Вот обнаружили нас — это плохо. На косе теперь горячим приветом встретят. Как прыгнем в воду, гуртом не идите, рассыпайтесь в цепь. Гранаты и диски надежней закрепите.

— Приказано дальше идти своим ходом, — доложил ему старшина мотобота.

— Долго еще? — спросил Егор.

Сторожевые катера умчались вперед. Вскоре вдали

засверкали хвостатые молнии. Это ударили по берегу реактивные минометы — знаменитые «катюши», установленные на нескольких катерах.

— Дорожку вам прожигают, — сказал мотоботчик.

— Приготовься, братва! — повернулся к своим бойцам Егор. — Ты нас, морской извозчик, к берегу подвезешь или вброд тащиться заставишь? — спросил он старшину мотобота.

— Причалов он для нас не подготовил, — отозвался тот. — Может, не только вброд, а и вплавь двигать придется. Там увидим!

Впереди уже показалась темная полоска земли, вся испещренная морзянкой огненных вспышек.

— Густо бьют, сволочи! — ругнулся Егор. — И штурмовики наши их вчера пощекотали, и «катюши» только что дали прикурить. Крепко, видать, в землю зарылись, гранатами выкуривать придется. Всем надеть каски! — скомандовал он. И вовремя — чуть в стороне от мотобота встал разрыв, осколки рванули щепу с планширя.

— Все целы?

— Вроде бы все...

Суденышко вдруг мелко затряслось, взбрыкнуло кормой и резко остановилось, так что у некоторых вывернулись из рук автоматы и грохнулись об днище.

— Сели на загреб, — расстроено произнес мотоботчик. — Придется вам, ребята, своим ходом. Побыстрой, иначе он нас расстреляет.

— За мной! Вперед! — снова скомандовал Егор, перекинулся через борт и сразу же оказался по грудь в холодной, ожегшей, словно крапива, воде. Следом за ним в волны с руганью плюхались остальные. Пузырями вздувались на спинах ватники, сапоги увязали в намытом прибором песке.

«Тиу-тиу-тиу-тиу», — рикошетами проплыла по воде пулеметная очередь, и Егор заметил, как чья-то голова в каске медленно погрузилась в воду.

— Шамшуриин?! — тоскливо выкрикнул он.

— Тут я, Егор! — услышал за своей спиной.

С трудом выбрались из воды и попадали пичком на песчаном, заваленном водорослями и плавником берегу.

— Впереди проволока, Егор! — сообщил Шамшуриин. — Может, рванем ее противотанковой?

— Погодь, не спеши, Андрей. Оглядимся сперва.

Заграждение было установлено в одну линию, колья его основательно вросли в дюну.

— Махнем через колючку, Андрей! — сказал Егор. Стянув мокрый ватник, он бросил его на верхнюю питку. Рядом легла фуфайка Шамшурина.

— Вперед, братва!

Отдыхались уже на гребне дюны. Попытались двинуться дальше, по двое бойцов упали, скошенные пулеметным огнем.

— Крупнокалиберный, значит, стационарный. Видимо, дот! А ну-ка прикрой меня, Андрей, — хрипло произнес Егор.

— Может, я сам?

— Прикрой, тебе говорят! Возьми ручной пулемет!

— Понял.

Задиристо рыкнул «дегтярь» в руках Шамшурина. Дот ответил ему длинной очередью, взметнувшей фонтанчики песка. Но тут одна за другой разорвались две гранаты, и вражеский пулемет захлебнулся.

— Вперед! — снова раздался голос Егора.

— Ловко ты его выкурил, — сказал ему Шамшуриин. На голове у Шамшурина вместо каски была нахлобучена до самых бровей старая бескозырка с выцветшей ленточкой.

— Каску куда дел, шалопаи?

— Посеял.

— А беску откуда взял?

— За пазухой нашел, Егор!

«Р-рах!» — ударила мина в замшелый валун впереди

них. Взрывная волна толкнула в грудь, подбородок Егора ужалил горячий кусочек гранита. Шамшурин тоже схватился рукой за щеку.

— Изрешетит тебе башку, будешь знать, как форс держать, — сердито глянул на друга Егор.

— Назад теперь за ней не вернешься, — виновато пробормотал тот.

Автоматная трескотня растекалась справа и слева по всему берегу. Это высаживались десантники с других мотоботов и тендеров. То там, то здесь слышалось русское «ура».

Вскоре плацдарм был захвачен, а к вечеру сопротивление фашистов было сломлено подошедшими основными силами десанта.

За отвагу и мужество, проявленные в этом бою, Егор Русаков был награжден орденом Славы второй степени. Шамшурин получил орден Красной Звезды...

— Ты знаешь что, — сказал Андрей Флегонтович, когда Юрий перед отлетом пришел в больницу проститься с ним. — Возьми в тумбочке бумажник мой, отсчитай полсотенную на венок Егору. Пусть он будет моим приветом последним... На обратную-то дорогу у тебя есть? Если нет, бери сколько надо.

— Есть у меня деньги. Еще я вас хотел спросить, Андрей Флегонтович. Вы не помните Поваляева?

— Как же, помню. Совсем мальчишка был. Убил его фанатик эсэсовец, уже после того как взяли Пиллау. В развалинах Поваляев этого эсэсовца обнаружил, а тот одну пулю в него, а вторую в себя...

ГЛАВА 15

Большие учения начались через сутки. В роту к Юрию прибыл посредник, высокий майор, возраст которо-

го определить было трудно: так контрастировала со спортивной фигурой обширная «министерская» лысина.

— Олег Серегин, — представился он, почему-то не назвав отчества.

С этого часа Юрий оказался как бы меж двух огней: с одной стороны, его распоряжения ревниво оценивали командиры взводов, с другой — внешне бесстрастно, — посредник.

— Исходная тактическая обстановка учений: ожесточенные бои на приморском фланге фронта, — начал инструктаж гвардии майор Родионов, подойдя к карте. — Сторона «синих» сосредоточила вот тут крупные силы в составе...

Слушая его неторопливую, размеренную речь, Юрий дивился выдержке комбата. Всем было уже известно, что за одним из этапов учений — высадкой десанта — будет наблюдать Министр обороны с группой работников Генштаба. Самого Юрия при мысли об этом брала оторопь.

— Задача наших подразделений — высадиться в устье речки Сулимы, захватить плацдарм и во взаимодействии с подразделениями Войска Польского развить наступление в глубь побережья, отвлечь на себя часть резервов «синих». Нам придаются следующие силы и средства...

Посредник Юрий делал какие-то торопливые пометки в рабочей тетради, видимо, по извечной привычке штабников не доверять памяти. «Любопытно, сам-то он командовал хоть взводом?» — подумал Юрий.

— ...Для облегчения действия основных сил предполагается высадка демонстрационного десанта в пяти километрах западнее села Мысового. Задача — занять круговую оборону и держаться до получения приказа об эвакуации. Состав — мотострелковая рота, усиленная взводом плавающих танков...

«Кому-то крупно не повезет, — мысленно посочувство-

вал демонстрационникам Юрий, — окажутся на задворках главных событий».

— ...Объясняю задачу каждого подразделения. Приданный саперный взвод делится на две группы. Большая придается основному, меньшая — демонстрационному десанту. Танковая рота...

«Посредник небось давно уже все знает, — снова покосился на майора Юрий. — А ведь и полсловечком не обмолвился. Хитрющий штабной гусь».

— ...В состав демонстрационного десанта назначается первая рота с приданным ей третьим танковым взводом...

«Вот те раз! — ошарашенно заморгал глазами Юрий. — Себя, выходит, жалел. Стало быть, нас сделали козлами отпущения... Хотя разве можно доверить что-то серьезное скороспелому командиру роты, да еще с приставкой «врио»?»

— ...Командирам подразделений о готовности доложить сегодня к восемнадцати ноль-ноль. Вопросы?

— Решили убрать нас с глаз высокого начальства, — в сердцах сказал Юрий своему замполиту.

— Почему? — возразил ему Еськов. — Я считаю, нам, паоборот, оказали доверие. Будем действовать совершенно самостоятельно.

— Кому нужна такая самостоятельность? Все равно что голос певца за сценой.

— Не думаю, — усмехнулся замполит. Он вел себя с Юрием подчеркнуто официально, называя не по званию, а по должности: «товарищ командир роты». На первых порах, когда Юрий, забываясь, обращался к нему за разрешением, Еськов деликатно напоминал:

— Теперь все решаете вы.

Подошел командир приданного танкового взвода гвардии лейтенант Кашаускас, литовец высоченного роста. За покладистый характер в батальоне его любили, но

злоупотребляли его добродушием: чаще всех он подменял товарищей на воскресных дежурствах.

— Салют, командир, — сказал он Юрию. — Докладываю: мои танки в полной боевой готовности.

«Как он помещается в башне? — глянув на него, подумал Юрий. — Наверное, складывается там, как перочинный нож», — а вслух сказал:

— Берег в районе высадки тяжелый, Альгердас. Каменные гряды, сваи от старых разрушенных штурмами причалов.

— Мои машины пройдут! — обнажил в улыбке крупные белые зубы Кашаускас. Посредник внимательно глянул на танкиста, но Юрий знал, что слова Альгердаса — не самоуверенная похвальба. Вымпел лучшего механика-водителя находился в его взводе постоянно. Удивляло Юрия только то, что Кашаускаса не огорчило назначение во вспомогательный десант.

— Сначала оценим противодесантную оборону «синих» в районе Мысового, — сказал Юрий командирам взводов. — По данным разведки, сплошной оборонительной линии там нет. Выставлены лишь минные заграждения да сооружены временные огневые точки. Давайте вместе подумаем над возможными тактическими вариантами. Первое слово саперам...

— Начало движения — по установленному ранее сигналу, — сообщил Юрий командирам взводов, возвратясь из штаба. — Головным пойдет мой бронетранспортер. Ходовых огней не включать. Двигаться с максимальным вниманием и осторожностью, соблюдая интервалы...

Отдав все распоряжения, он забрался в кузов командирского бэтэра, прислушался к наступившей тревожной тишине. Невольно подумалось, что вот так же в далекие военные годы замирала передовая накануне решительной атаки. Возможно, и отец вместе с другом своим Шамшуриным много раз так же нетерпеливо ждал сигнала. Только в ту пору не на танках и бронетранспортерах, а на

своих двоих выходили на вражеский берег морские пехотинцы. За неудержимый порыв и отчаянную храбрость «черной смертью» прозвали их фашисты.

Какое-то горделиво-волнующее чувство охватило Юрия, заставило учащенно биться его сердце. Ради такой минуты можно было мириться и с дежурствами, и с авралами, и с парадировками — со всей этой обременительной, но необходимой изнанкой воинских будней.

Шипя взвилась вверх и разделилась на две зеленые хвостатые змеи сигнальная ракета.

— Поехали! — совсем не по-уставному воскликнул Юрий, нахлобучивая каску.

Очень быстро — словно на сером, низко припавшем к земле небе раздернули занавес — наступил рассвет. Синяя гарь выхлопных газов смешивалась с туманной дымкой, курящейся над росной травой. Никак не гармонировало это осеннее утро с ревом боевых машин, мнущих колесами и гусеницами кустарники и последние цветы, вспугивающих стаи скворцов и перепелок.

Машины пошли по пшеничной стерне, осторожно объезжая клады соломы, а перед мысленным взором Юрия встала увиденная на киноэкране сцена горящих хлебов: оранжевые языки пламени пожирали спелые колосья, и с ужасом смотрели на гибель своих трудов и надежд крестьяне, посылая бессильные проклятия войне...

Демонстрационный десант еще не успел закончить маскировку района ожидания, как хлынул проливной дождь.

— Погодка образцово-показательная! — улыбнулся Кашаускас.

— Спутает она все карты, — нахмурился Юрий.

— Ничего, командир, чем труднее борьба, тем почетнее будет победа! — успокоил его танкист.

Юрий подобного оптимизма не разделял. То и дело поглядывая на часы, он ждал сообщения с побережья от Ермоленко, которого назначил комендантом пункта посадки.

Рация молчала. Юрий совсем некстати невольно вспоминал свое последнее объяснение с приятелем.

— Федор, я хочу ответить на твой вопрос в отношении Наташи... — начал он разговор, смущенно отводя взгляд. — Да, я люблю ее, и она меня тоже... Я знаю, тебе это больно слышать...

— Не надо, Юрко, — остановил его Федор, — я все понимаю...

Шурша брезентовой накидкой, к командирскому бэтэру подошел старший лейтенант Еськов.

— Условия все больше приближаются к боевым, — стряхивая с накидки воду, сказал он. — Я сейчас беседовал с новичками. Не чувствуется, чтобы робели. Думаю, опытные ребята поддержат их в трудную минуту.

— Да, молодым сегодня предстоит соленая купель.

— «Бензобак!» — голосом Ермоленко заговорила ультракоротковолновая станция. — Я — «Канистра». Как меня слышите? Прием.

— Слышу вас отлично, — ответил в микрофон Юрий.

— Заправка будет у колонки номер два. Как поняли меня?

— Вас понял. Заправка у второй колонки, — ответил Русаков и доложил посреднику: — Посадку будем производить по запасному варианту, товарищ майор.

Не прошло и двух суток, а Русаков успел привыкнуть к своей безмолвной «тени». Хотя посредник ни разу не вмешался в его действия, Юрий прекрасно понимал, что оценка действий будет зависеть от доклада майора командованию.

Спустя полчаса колонна двинулась к побережью. Дождь немного утихомирился, превратясь в занудливый моросун. Под колесами бронетранспортеров и танковыми траками шинела раскисшая дорога.

— Укладываемся в график? — спросил Юрия замполит.

— Пока идем с небольшим опережением.

— Примите вводную, товарищ гвардии лейтенант, — вклинился в их разговор посредник. — Вышла из строя машина со стрелковым боезапасом.

«Вот и первая палка в колеса», — с досадой подумал Юрий, давая сигнал остановки.

— Прошу уточнить характер поломки, — обратился он к майору.

— Пробит масляный картер.

— Ясно. Передать по дистанции: гвардии сержанту Тимофееву взять «четверку» на буксир!

Возле берега колонну встретили Ермоленко и командир сил высадки — старший группы десантных кораблей.

Юрий подошел к командиру с докладом.

— Условно неисправна одна из боевых машин, — сообщил он. — Будем заводить в твиндек на буксире и на переходе вводить в строй.

— Может, лучше оставить ее на берегу? — предложил капитан третьего ранга. — Сильный накат. Аппарели ходят ходуном.

— В таком случае я отменяю вводную, — заявил посредник.

— Поблажки нам не нужны, товарищ майор, — набычился Юрий. — На войне как на войне!

Возле уреза воды темнели силуэты десантных кораблей. Открытые зевы носовых ворот были освещены синими лампами.

— Посадочные колеи накатаны, — доложил Ермоленко. — Только при въезде на аппарель надо глядеть в оба, сильно дергает.

— Файзулаев, сможете завести на буксире «четверку»?

— Так точно, товарищ гвардии лейтенант! — живо откликнулся старший матрос. Только на днях он получил первую лычку на погоны и очень ею гордился.

Затаив дыхание, Юрий наблюдал за тем, как задним ходом медленно подходила спарка машин к пошатывающе-

муся на прибойной волне кораблю, и в душе уже корил себя за глупую гордыню. Чего проще было принять отступную посредника? Другие на его месте не постеснялись бы это сделать.

Передняя машина уже вкатилась на ребристую палубу аппарели, и тут Юрий заметил, что задняя идет с большим перекосом. Он хотел было крикнуть, остановить Файзулаева, но мотор бэтэра уже победно рокотал, резонируя в пустом корабельном трюме.

«Молодцом!» — мысленно похвалил он своего водителя.

Один за другим скрывались в темных корабельных чревах бронетранспортеры, следом за ними стали пятиться по колее приземистые плавающие танки. А из твиндеков уже доносились перезвоны цепных стопоров и глухие удары кувалд. Технику закрепляли на палубах по-походному.

В проталинку между облаками неожиданно вынырнула полная луна, залив побережье блеклым, словно неоновым, светом. Стали видны выгнутые горбатыми чудовищами дюны, таинственно синеющий лес и серые громады кораблей, покачивающих тонкими крестами мачт.

ГЛАВА 16

Дополнение к анкете Русакова

В Ишим Юрий возвратился веселым солнечным утром. Не стал ждать автобуса, решил пройти пешком от привокзальной площади до своего дома по зеленому проспекту Карла Маркса. Постоял чуток на углу улицы Одовского, припомнил, что названа она не без участия школьного исторического кружка. Долго они с Леней Огневым трудились над проектом письма в горисполком. Предлагали еще улочку Болотную переименовать в улицу Григория Мачтета, но, видимо, городское руководство не впечатлила эта историческая личность.

За месячное отсутствие Юрия вокруг ничего не изменилось. Как обычно, торопились куда-то редкие прохожие, и никто из них не подозревал, что навстречу им идет с чемоданчиком совершенно новый гражданин. Уезжал из родного города Юрий Валерианович Вельяминов, а вернулся назад Юрий Егорович Русаков.

Дома он никого не застал, но не успел даже помыться и переодеться с дороги, как зазвонил телефон.

— Ты, Юрик? — спросила мать, и на него обрушился из трубки поток упреков: — Куда же ты запропастился? Разве можно так вот, ничего не сообщить, сесть и уехать певесть куда? Мы уже телефонный разговор заказывали с Бартеневкой, переволновались с отцом до смерти...

— Потом все объясню, мама. А беспокоились вы напрасно: я же взрослый человек.

— Для нас ты всегда будешь ребенком. Отцу не звонил? Я ему сейчас сообщу. Перекусил? Бери все, что есть в холодильнике. Я закончу прием и прибегу.

Пообедав холодной курицей, Юрий достал из секретера картонную коробку. В ней хранились документы. Стопочкой были сложены дипломы матери и отчима, орденские книжки, похвальные листы Юрия за все классы, начиная с первого. В самом низу лежало то, что он искал, — его метрическое свидетельство. Он подержал в руках зеленую книжицу с вытесненным государственным гербом, раскрыл, примяв немного сгиб. Внимательно начал читать:

Фамилия — Вельяминов, имя — Юрий, отчество — Валерианович.

Родился 11 апреля 1952 года.

Родители:

отец — Вельяминов Валериан Дмитриевич.

мать — Русских Лидия Сергеевна.

Ага, вот он секрет: дата оформления — 2 ноября 1953 года!

Как это он раньше не заметил и не задумался над

этим временным несоответствием? А считал себя очень наблюдательным человеком...

На лестничной площадке послышались шаги, щелкнул английский замок: это мать открывала дверь своим ключом.

— Нашелся наконец, строптивый мальчишка! — целуя его, стала приговаривать она. — Исхудал-то как, господи! Ты что, небось зайцем ездил?

— С билетом, как все нормальные люди.

— А деньги откуда взял?

— Занял у тетки.

— У кого? А, у нее... Надо сегодня же переводом возвратить твой долг.

— Я возвращу ей сам.

— Из каких это доходов?

— Потом, когда стану зарабатывать. Мы с ней так договорились.

— Какая ерунда! Сколько ты ей должен?

— Я же сказал, мама, мы договорились.

— Чувствую, она крепко настроила тебя против нас!

— Ничего подобного! Она все время повторяла твои слова: «Настоящий отец — это тот, кто вырастил и воспитал». Наказывала уважать его и слушаться.

— Да? — заметно смутилась мать. — Ну рассказывай, как тебе жилось у новоявленной родственницы. Телевизор хоть у нее есть?

— Есть и телевизор, и многое другое. Живут там пекучее, чем мы.

— Как она тебя признала?

— Очень просто, мама. Во-первых, я очень похож на своего отца... А во-вторых, тетя почти каждый год приезжала в Ишим, чтобы хотя бы издали взглянуть на меня...

— Она приезжала сюда? А ведь давала слово, что оставит нас в покое!

— Мама, мне тебя стыдно слушать.

— А глупые ее бредни ты слушал? Доверился полу- грамотной деревенской бабе! Представляю, что она тебе наплела!

— Тебе этого не представить, мама... Ты не сумела даже понять, с каким человеком целый год прожила под одной крышей.

— Как ты говоришь с матерью?!

— Ты сама вызвала меня на этот разговор. Если тебе неприятно, давай прекратим его.

— Нет, я хочу знать, каким мне вернули моего сына! Выкладывай все, что приготовил.

— Каким я был, таким и остался... Единственное только, что я решил, — это взять фамилию настоящего отца.

— Ты решил плюнуть в лицо человеку, который но- чами носил тебя на руках, когда ты болел, который от- вел тебя первый раз в школу, который до сих пор души в тебе не чает!

— Зачем ты так, мама? Отчима я не перестал ува- жать. Он один из самых близких мне людей.

— Отчима? Словечко-то какое подобрал! Это тот был твоим отчимом! Оставил меня одну в таком положении! Будь он жив, ничего путного из нашей семьи не получи- лось бы. Бросил бы без сожаления с ребенком на руках!

— Как ты ошибаешься, мама...

— Юридически ты не имеешь права менять фамилию!

— Я посоветуюсь с адвокатом...

— Хорошего наследничка вырастила, ничего не ска- жешь! Боже мой, почему я тогда не умерла?!

— Мама, успокойся! Мама!

— Дай мне нитроглицерин, он в моей сумочке.

Когда пришел с работы отчим, мать лежала в постели с укусным компрессом на лбу.

— Здравствуй, я рад тебя видеть, — крепко обнял он Юрия. — А где мать? Лидочка, что с тобой? — забеспоко- ился он.

— Спроси вон у блудного сына...

Отчим вопросительно взглянул на Юрия.

— В двух словах не рассказать, отец... Идем в мою комнату, я постараюсь тебе все объяснить.

— Хорошо. Позволь только приму душ и переоденусь. Сегодня очень жарко.

Спустя полчаса он вошел к Юрию, тщательно причесав остатки волос, от него пахло хорошим одеколоном.

— Я готов выслушать тебя, сын.

— Понимаешь, отец, я уже не Вельяминов, я Русаков. И; как бы мать не убеждала, что я не имею на это юридического права, я все равно своего добьюсь. А решил я переменить фамилию вот почему...

Беседа их продолжалась дотемна. Собственно, это был монолог Юрия. Отчим всего несколько раз подал уточняющие реплики. Слушал он внимательно, за папской невозмутимостью скрывая свое волнение.

— Буду с тобой откровенен, — когда Юрий замолк, сказал он. — Ты делаешь мне очень больно. Но в принципе ты прав. Ты уже совершеннолетний и можешь сам распоряжаться своей судьбой. Если потребуется мое устное или письменное согласие, я готов его дать. И с матерью я тоже поговорю...

— Я очень уважаю тебя, отец! — горячо воскликнул Юрий.

Валериан Дмитриевич суетливо вынул из кармана пиджама новую пачку сигарет, вскрыл, сломав две спички, прикурил. Лицо его посерело, уголки губ опустились вниз, сейчас он выглядел гораздо старше своих сорока пяти лет. «Но ведь я не могу, не имею права поступить иначе, — мучительно размышлял Юрий. — Пожалеть этого — значит предать того... Предать второй раз, потому что один раз его уже предали...»

— Прости меня, отец...

Учебный год Юрий начал имея уже новый паспорт. Товарищам он об этом не рассказал, поделился случившимся только с Леней Огневым, а тот умел хранить чужие секреты.

Накануне занятий Юрий принес в учительскую заявление, в котором просил изменить его фамилию во всей школьной документации. Просьба его вызвала сенсацию.

— Извини, Юра, однако все это настолько странно, — смущенно сказал завуч, большой приятель отчима, — что я попрошу тебя разъяснить...

— Пожалуйста. Я взял фамилию и отчество своего настоящего отца. Его давно нет в живых, но я все-таки его сын.

— А Валериан Дмитриевич?

— Он мой отчим.

— Неужели? Столько лет с ним знаком и даже не подзревал об этом! Не мне тебя судить, Юра, — сняв очки, прищурил близорукие глаза завуч, — только я не уверен в том, что ты поступаешь правильно.

— Это дело мое и моих родителей, Семен Иванович.

— Да, да, я понимаю...

Классная руководительница, составляя список, машинально внесла в журнал прежнюю фамилию Юрия.

— Вельяминов! — вызвала она на традиционной первой переключке.

Юрий продолжал сидеть, хотя видел обращенные на него взгляды.

— Вельяминов! — повторила она, тоже недоуменно глядя на Юрия, потом, вспомнив, слохватилась:

— Извиняюсь. Русаков!

— Здесь, — поднялся из-за стола Юрий.

— Почему он стал Русаковым? — не выдержав, вслух спросила одна из учениц.

— Ребята, после переключки я вам все объясню, — успокоила любопытных учительница.

На перемене класс загудел, как оркестр, пастраиваю-

пийся перед концертом. Оставаясь на своем месте, Юрий слышал выкрики спорящих: «Он прав!», «Это неумное выпендривание!».

К нему, виновато потупившись, подошел Старков и негромко спросил:

— Это ты все из-за меня? Если бы я знал...

— Ты молодец, Сергей, — ответил Юрий. — Я благодарю тебя за то, что узнал правду.

ГЛАВА 17

Десантные корабли вскоре подняли аппарели и почти неслышно двинулись от берега навстречу гулкому шторму. Даже на мелководье чувствовалось, как яростно ударяют о форштевень пока еще бессильные волны.

Юрий прошел в ходовую рубку, где находился штаб командира сил высадки. Капитан третьего ранга подждал его, поглядывая на карту обстановки.

— Каков прогноз погоды? — поинтересовался Юрий.

— Неплохой. Море четыре-пять баллов, с ожидаемым ослаблением ветра. Но учтите, берег возле Мысового прикрыт от северо-западных ветров, так что высадка вполне возможна. Труднее будет основным силам: возле Сулимы море играет.

— Четыре балла тоже не шутка, — вздохнул лейтенант. — У меня в десанте добрая четверть новичков, которые настоящего шторма не нюхали...

— Ничего, переход небольшой, сдюжат. Вы давно ротой командуете?

— Без году неделю.

— Однако же вам доверили выполнение непростой задачи.

— И на всякий случай приставили няньку с двумя просветами на погонах, — усмехнулся Юрий, кивнув на подпимающегося по трапу посредника.

— Судя по всему,— начал совещание капитан третьего ранга,— наша посадка прошла незамеченной разведкой «синих». Низкая облачность усложнила действия их авиации. Остается лишь возможность встречи с корабельными дозорами. Потому на переходе предприняты максимальные меры скрытности. Я прошу передать вашему личному составу запрещение жечь спички и курить на верхней палубе. И вообще доступ на нее должен быть ограничен...

Корабли вышли на открытую воду. Качка заметно усилилась, тяжело ухали валы под плоским днищем. И хотя Юрий уже не впервой попадал в болтанку, однако до сих пор не мог привыкнуть к неприятному ощущению, которое вызывала уходящая из-под ног палуба. Невольно хотелось схватиться за какую-нибудь неподвижную опору. С беспокойством думал он о молодых матросах: не скинут ли они так, что потом не смогут сесть в бронетранспортеры.

— ...В район развертывания подойдем в четыре утра,— уточнял плановую таблицу командир сил высадки. — Огневую подготовку начнем после спуска десанта на воду либо с момента обнаружения нас «противником».

— В какой точке будем спускать на воду технику? — спросил Юрий.

— Вот здесь,— указал место на карте капитан третьего ранга. — Ближе подходить нельзя: мелководье и песчаные намывы. Место выбрано, скажем прямо, не из самых удачных.

— Зато «противник» вряд ли ожидает нас тут.

— В этом есть логика,— согласился моряк.

После инструктажа Юрий выбрался из душевой рубки на крыло ходового мостика. Ветер сразу же рванул с головы берет, он едва успел придержать его руками. Когда глаза привыкли к полумраку, Юрий различил белые барашки возле борта, они тянулись вверх, будто привставали на цыпочках. Вдали не было видно ни единого

огонька, но Юрий знал, что в охранении конвоя идут три ракетноносца.

Невольно вспомнился рассказ Шамшурина о десанте военного времени. Какой разительный качественный рывок сделан флотом с той поры! Тогда — наспех приспособленные мотоботы и тендеры, бойцы со стрелковым оружием, теперь — плавающие танки, бронетранспортеры и другая техника в трюмах внушительных, первоклассно оснащенных десантных кораблей. Если бы мог видеть эту мощь отец!

Сырость стала пробираться за шиворот. Сунув берет за пазуху, Юрий по наружному трапу спустился с мостика. Оказался на нешироком барбете, где, задирая к небу стволы, вращалась счетверенная зенитная артиллерийская установка. Из-под коробочного щита доносились негромкие отрывистые команды. Корабль шел, готовый в любую минуту встретить «противника» огненным шквалом. Миг — и он оцетинится колючими снарядами трассами, которые могут смести любую цель.

Воздух каюты показался Юрию горячим и спертым. Не включая освещения, он попытался было, нарушив корабельные правила, отдраить ненадолго иллюминатор. Но в круглую отдушину плеснуло с такой силой, что брызги ударились о переборку. Юрий посочувствовал морякам, для которых шторм являлся обычной составляющей нелегкого труда.

Он улегся на верхней койке, оставив нижнюю замполиту. Хотя вообще-то знал традицию, по которой нижнее место всегда предназначалось командиру.

Негромко стукнула дверь каюты. Замполит вошел, стараясь не шуметь, в темноте нащупал руками верхнюю койку.

— Я не сплю, — подал голос Юрий. — Можете зажечь свет.

— Спасибо, — щелкнув пакетником, сказал Еськов.

— Все в порядке? — спросил Юрий.

— Несколько человек укачало. Но над ними взял шефство корабельный боцман. Выдал металлические щетки и предложил выдраить аппарели.

— Ну и помогло?

— Еще как! Спят сейчас в кубрике как младенцы.

— А что с бэтэаром? — спросил Юрий.

— В строю. Тимофеев с Файзулаевым поменяли кладку картера и предъявили посреднику.

— Молодцы!

Сняв сапоги, Еськов выключил свет. Некоторое время оба лежали молча.

— Волнуетесь, Юрий Егорович? — нарушил тишину замполит.

— Размышляю, Алексей Николаевич, — откликнулся Юрий.

— О чем же, если не секрет?

— Обо всем помаленьку. А больше о превратностях судьбы. Вы верите в зов крови?

— Что-то я не совсем улавливаю вашу мысль, — заворочался на койке замполит.

— Мой отец ведь тоже был морским пехотинцем. В сорок пятом воевал неподалеку от этих мест. После десятилетки меня потянуло в морское училище, но отчим отговорил. Потом, когда меня на сборах по военной подготовке одели в солдатскую гимнастерку, я был ему благодарен за это — так мне тошно стало от муштры. А теперь вот команду ротой.

— В зов крови я, Юрий Егорович, не верю. Ваши превратности — всего лишь выбор верного пути в жизни. Не у каждого он бывает простым и легким. Теперь вы его сделали. Вы же — прирожденный военный!

— Получается все-таки зов крови? — усмехнулся Юрий.

— Нет, ярко выраженные способности к военному делу.

— Вы так думаете?

— И не я один. Наш комбат вас тоже раскусил.

— Зато Миронов обо мне совсем другого мнения.

— Вот он-то, как мне кажется, случайный в армии человек.

— Но он обязательно поступит в академию, закопчит ее!

— К сожалению, академия не дает ни ума, ни таланта, — подытожил разговор Еськов. — Предлагаю немного поспать. Свежую голову легче на плечах удержать, как говорит наш Ермоленко.

Усталость сморила и Юрия. И хотя он проспал несколько часов, они показались ему мгновением. Будто едва он смежл веки, как залиvistый трезвон корабельной боевой трансляции сорвал его с постели. Он спрыгнул вниз и увидел, что койка замполита уже пуста и аккуратно заправлена. «Если кто прирожденный военный, то это он сам», — подумал о Еськове Юрий.

Плеснув в лицо пригоршню холодной воды, он поспешил на командный пункт.

— Существенных изменений обстановки нет, — сообщил ему командир сил высадки. — Судя по этому, наше продвижение «синими» пока не замечено. До района развертывания осталось пять миль. Пора начинать готовить технику к десантированию.

В твиндеке замполит уже выстроил морских пехотинцев.

— Обстановка сложная, товарищи гвардейцы, — сказал Юрий. — Ветер, зыбь, прибойный накат. Водителям тапков и бронетранспортеров надо быть начеку и не давать волне разворачивать машины боком. Автоматчикам на мелководье покидать бэтэры и выходить на берег в пешем строю. Сигнал окончания разминирования, товарищи саперы, — зеленая ракета настильно над водой... Есть среди личного состава такие, кто плохо себя чувствует и не может идти в десант? Нет никого? Отлично! Я высаживаюсь с первой волной. Мой позывной — «Дирижер», по-

званной командиры сил высадки — «Хозяин». Кому что не ясно?

— Надо бы поощрить тех, кто ночью возился с машиной, — шепнул ему на ухо замполит.

— Сержанту Тимофееву и старшему матросу Файзулаеву выйти из строя! — скомандовал Юрий. — За отличное выполнение вводной посредника от лица службы объявляю вам благодарность!

— Служим Советскому Союзу! — воскликнули оба.

— Всем по местам! Оружие и боевую технику к высадке приготовить.

На самых малых оборотах десантный корабль приближался к берегу, затянутому сизой дымкой предутреннего тумана. Берег встретил тишиной, и это действовало на нервы сильнее, чем самый ожесточенный огонь. Юрий стоял на мостике, возбужденно покусывая сухие губы.

А внизу, в трюме, глухо лязгали приводные устройства носовых ворот, хлопнула на воду аппарель. Порыкивая моторами, сошли с нее машины саперов и, чуть отойдя от корабля, стали невидимыми для простого глаза.

Прошло еще четверть часа, и со стороны затаившейся в тумане земли грянули взрывы — это саперы подорвали шнуровые заряды, расчистив проходы в противодесантных заграждениях. Почти тотчас же песчаные холмы озарились яркими сполохами. Юрий лихорадочно считал огневые точки, убеждаясь, что их не много. «Противник» либо не хотел раньше времени выдавать их расположение, либо береговая оборона на этом участке была не очень плотной. Юрий склонялся ко второму предположению.

Низко над волнами прочертила след зеленая ракета.

— Пошел десант! — эту команду Юрий услышал, уже сидя в кузове своего бронетранспортера, в твиндеке, сотрясающемся от рева моторов и наполненном гарью выхлопных газов. Впереди, в синеватом просвете ворот,

плюхались на воду танки, за ними юркнули в волны более проворные бэтээры.

Легко тронул машину с места и Файзулаев. Через несколько мгновений она резко просела и закачалась на зыбкой поверхности моря. Волны хлестнули сверху, ворвались в смотровые щели, обдав сидящих холодным душем.

— Держите на левый приводной, Файзулаев! — командовал Юрий.

— Принял, товарищ гвардии лейтенант! — живо откликнулся водитель.

Сзади бэтээр настиг грозный раскатистый грохот. Ударили по берегу корабельные огневые средства. И хотя не шуршали над головами снаряды и реактивные мины, уверенности сразу прибавилось: после такой огневой поддержки «противнику» придется еще туже.

— «Дирижер», я — «Тромбон-два»! — вышел на связь Ермоленко.— Высадился успешно. Потеряна одна машина. Сопротивление встречаем слабое.

— Не увлекайтесь атакой! — предупредил его Юрий. — Ваша задача — подавить огневые точки.

— Понял вас. Выполняю задачу. Уже снял минометную батарею.

Командирский бронетранспортер на полном ходу врезался колесами в песок. Файзулаев едва успел выключить сцепление.

— За мной! Вперед! — Юрий выпрыгнул из машины, с трудом выдирая сапоги из вязкого дна. На берегу, метрах в пятидесяти от уреза воды, его догнал облегченный бэтээр.

— Файзулаев, жмите вон на ту высотку! — переводя дыхание, распорядился лейтенант и передал по радию: — Всем инструментам! Я — «Дирижер»! Командный пункт развертываю в квадрате икс четыре.

Последнее дополнение к анкете Русакова

В апреле Юрия вызвали в военкомат получить приписное свидетельство. Медицинская комиссия признала его годным без ограничения во все рода войск.

— У вас завидное здоровье, — сказал ему один из врачей. — Можете в любой род войск!

После освидетельствования его пригласил к себе на беседу военком. И спросил:

— В военное училище у вас, Русаков, нет желания поступить?

— А что вы мне предложите? — поинтересовался Юрий.

— Ну, в нашей зоне большой выбор. К примеру, командное авиационное. Или инженерно-техническое.

— Скажите, а туда, где готовят морских пехотинцев, вы направляете?

— Конечно направляем.

— Хорошо, дайте время мне подумать, — сказал Юрий.

— Времени у вас еще достаточно. Думайте и решайтесь, потом не пожалеете! — подзадорил его подполковник.

Разговор с военкомом долго не выходил у Юрия из головы. Сначала он поделился своими раздумьями с Леней Огневым.

— А что? — загорелся тот. — Возьми и решишь! Я бы с твоей комплекцией не меньше чем в адмиралы вышел!

— Адмиралу не комплекция, а умная голова нужна.

— Умом ты тоже, кажется, не обделен.

Потом Юрий решил посоветоваться с отчимом.

— Дело твое, — задумчиво произнес тот. — Только с раннего детства любимыми твоими игрушками были не солдатики, а конструкторские наборы. Целыми днями ты

мог составлять из деталей фермы, краны, машины. Ты же потом... — «потомственный», хотел сказать он, но поправился, — прирожденный инженер!..

Школьные экзамены на аттестат зрелости Юрий сдал блестяще. К выпускному вечеру ему купили костюм из самого модного материала. На сцену актового зала, в котором собрались все выпускники вместе со своими не менее взволнованными родителями, его вызвали первым.

— Аттестат зрелости и золотая медаль за отличную учебу и прилежание, — торжественно провозгласила принаряженная директриса, — вручаются Русакову Юрию Егоровичу!.. Дорогой Юра, — более просто сказала она, протянув ему документ и сафьяновую коробочку, — будь и дальше гордостью нашей школы, чтобы через много-много лет ученики говорили экскурсантам: вот в этом классе за той вон партой сидел академик Русаков.

— Что вы, Софья Казимировна, — смущенно потупился Юрий, — какой там из меня академик...

— Дерзанье — составляющая ума, как говорили древние, — подняла вверх указательный палец директриса. Юрий смотрел в зал. В центре первого ряда сидели его мать с отчимом. Мать то и дело подносила к глазам шелковый платочек, отчим же подбадривал Юрия отеческим взглядом.

В одиннадцать вечера родители и большинство педагогов ушли, оставив выпускников одних.

— Пойдемте на Ишим купаться! — возникла идея в чем-то разгоряченном мозгу. — Смоем с наших тел скорбный пот зубрежек и подсказок!

— Но у нас же нет купальников! — зашумели девчата.

— Искупаемся в чем есть! Тем более что на улице непроглядная темень!

Гуртом вывалили из дверей школы, но по дороге к реке разбились на парочки. Возле Юрия оказалась Лечочка Мрежина, самая красивая девчонка, по утверждению мужской половины класса.

— Три года мы проучились вместе, — задумчиво сказала она Юрию, — а я так тебя и не поняла. Ты словно не живой человек, а счетно-решающая машина...

— Вот это сравнила! Чем же вызвана твоя немилость?

— За эти годы все мальчишки объяснились мне в любви. Буквально все, кроме тебя... А ведь мне не нужны были их признания. Я ждала твоего... — И, смутившись, она поспешила перевести разговор на другую тему: — Ты куда будешь поступать?

— В Уральский политехнический.

— А я поеду в Москву, попытаю счастья на экзаменах во ВГИК.

— Один проходной балл у тебя уже есть — безупречная фигура и красивая внешность!

— Поздно ты это оценил, милый Юра...

Выпускники уgomонились лишь под утро. Стали прощаться, дав друг другу страшные клятвы верности. Пообещал писать Леночке и Юрий, только переписка их зачахла и оборвалась очень скоро. Леночка действительно прошла все круги конкурсного ада и поступила на актерский факультет. Спустя несколько лет она начала сниматься в эпизодах, но уже под фамилией мужа — молодого кинооператора.

И Юрий единственный свой вступительный экзамен — физику — сдал на пятерку. На втором курсе стал получать повышенную стипендию; вместе с деньгами, присылаемыми из дому, получалась приличная сумма, которой ему вполне хватало.

— Ты не станешь возражать, — спросил отчим, когда Юрий приехал домой на последние преддипломные капитулы, — если я попрошу распределить тебя к себе? Ты же знаешь, у нас полным ходом идет новая реконструкция, специалисты нужны до зарезу. К тому же будешь возле матери. Здоровье ее совсем расклеилось...

Последний аргумент был самым весомым, и Юрий согласился. После защиты диплома его назначили замести-

телем главного электрика завода. А через полгода пришла повестка из военкомата.

— Я ведь не забыл, Юрий Егорович, того давнего нашего разговора, — сказал военком, теперь уже полковник. — Выхлопотал для вас разнарядку в батальон морской пехоты. Поедете на берега седой Балтики! Послужите два года, а там — кто знает? — может, придется по душе вам военная служба и останетесь в кадрах. Инженеры в армии очень нужны. Вы довольны?

— Благодарю вас, — кивнул головой Юрий.

— Надо добавлять — товарищ полковник! — хитро взглянул на него военком. — Привыкайте к армейской лексике.

ГЛАВА 19

К полудню исходный плацдарм был захвачен. Решающее значение сыграли внезапность высадки и то, что достаточных резервов у «синих» в этом районе не оказалось, побережье прикрывал лишь небольшой заслон. Но если бы этот заслон знал о предполагающемся десанте и хорошо подготовился к отражению, роте Юрия пришлось бы нелегко.

На занятых рубежах морские пехотинцы спешно создавали круговую оборону. Надо было отрыть окопы и ходы сообщения, а также укрытия для танков и минометной батареи. Замелькали саперные лопаты, вгрызаясь в туго поддающуюся каменистую землю.

Юрий видел, что люди утомлены штормовым переходом и боем за высадку, но разрешить хотя бы кратковременный отдых он не мог. Понимал, что вот-вот «противник» опомнится, введет в бой авиацию, а с материка наверх будут выдвинуты свежие силы, которые попытаются сбросить десант обратно в море. Сколько времени предстоит удерживать плацдарм, Юрий пока не представлял.

Когда он снова связался по радио с командиром батальона и доложил обстановку, то неожиданно получил приказ закрепиться, любой ценой удерживать занятый участок побережья и быть готовым к рассвету принять подкрепление, заранее подготовить новые проходы для танков и другой боевой техники.

Это было уже что-то непредвиденное. Первоначальным планом никакой второй волны демонстрационному десанту не предполагалось. После выполнения тактической задачи его намеревались снять.

Собрав командиров взводов, Юрий сообщил им о коренном изменении обстановки, прикинул возможные варианты контратак «противника». Утверждая окончательное решение, Юрий краем глаза поглядывал на Серегина, стараясь по выражению лица определить, одобряет ли его замысел майор, но тот сидел невозмутимо, словно посторонний. Он раскрывал рот лишь для того, чтобы выдать очередную вводную, от которых десант ощутимо поредел: в эвакупункте стояли танк и несколько бэтээров, находились добрых полтора десятка «убитых» и «раненых».

Вместе с замполитом Юрий обошел позицию. Матросы и сержанты заканчивали окапываться, рубахи на их плечах взмокли от пота.

— Углубите еще на полметра, — приказал Русаков одному из гранатометчиков, окоп которого был мелковат.

Еськов, заметив кислое выражение на лице матроса, поддержал командира роты:

— Эти недорытые сантиметры в настоящем бою могут вам стоить жизни...

Потом замполит направился к агитмашине.

— Товарищи гвардейцы-десантники! — прогремел над линией обороны его усиленный громкоговорителем голос. — Прослушайте беседу: «Морской пехотинец — профессия смелых и умелых».

Старший лейтенант умолк, а из динамиков полились аккорды знакомой каждому песни:

Бесстрашные парни советского флота,
Всех недругов наших гроза,
Морская пехота, морская пехота,
Ни шагу назад нам нельзя!

После музыкального вступления Еськов напомнил слушателям о героях полуострова Ханко на Балтике и Малой земли под черноморским городом Новороссийском, о тех, кто штурмовал голые скалы хребта Муста-Тунтури в Заполярье и лесистые сопки Курильских островов. Он рассказал о подвигах Ивана Сивкова, Михаила Корницкого, Ивана Личкатого и Николая Вилкова, призвал быть достойными памяти павших...

— Неподалеку от этих мест, — сказал замполит, — героически сражался и отец нашего командира гвардии лейтенанта Русакова...

Юрий вернулся на свой командный пункт собранным и сосредоточенным. Ощущение того, что предстоит всего лишь учебный бой, совершенно покинуло его. Слово сместились годы, и не он, а его ровесник военных времен готовил сейчас бойцов к решительной схватке. Искренне пожалел Юрий, что не может увидеть его отец в эти минуты. «Не робей, сын, — сказал бы, видимо, он. — Неси высоко честь фамилии Русаковых!»

— Я не посрамлю ее, обещаю тебе, отец, — почти беззвучно прошептал Юрий.

Авиация «синих» появилась на исходе дня. С устрашающим гулом прошли наискось по багровому небу сверкающие стайки реактивных самолетов, вспышками обозначая ракетные пуски и бомбометание.

— Польские асы, — разглядев в бинокль опознавательные знаки, сказал Еськов. — Красиво летят...

Чуть позже разведывательный дозор заметил скрытно продвигающиеся глубокой ложиной танки и мотопехоту «противника».

— Огонь по танкам открывать только наверняка! — предупредил Юрий Кашаускаса, стоящего со своим взводом на крайнем от моря фланге, а гвардии лейтенанту Ермоленко приказал: — Пропустить танки и отсекь пехоту!

Сердце гулко стучало в груди. Юрия охватило чувство злого молодецкого азарта, будто и на самом деле от его умения сейчас зависела жизнь многих людей. Еще раз прикинув в уме расположение своих сил и направление удара контратакующих, он убедился, что в начальной фазе «боя» его позиция более выгодная. Похоже, тактическое чутье не подвело его.

Вспомнил он скептические ответы отчима на свои восторженные, со множеством восклицательных знаков послания.

«Гвардейцы в моем взводе — один к одному, — похвальнось Юрий, — рослые, сильные, проворные! Дело свое знают так, что, разбуди любого среди ночи, с закрытыми глазами отбарабанит боевую инструкцию. А профессия наша самая универсальная в армии: в море мы — моряки, на суше — пехотинцы, в воздухе — парашютисты!..»

«Мой тебе совет — поменьше эмоций, — вразумлял отчим. — Не обольщайся первыми впечатлениями, они часто бывают обманчивыми, и за ними может последовать обидная горечь разочарования...»

Но с каждым новым письмом пропадал его скептический настрой. И вот что ответил отчим совсем недавно, когда Юрий сообщил домой о своем намерении остаться на кадровой службе во флоте:

«Решение твое, сын, одобряю. И прощения прошу за то, что когда-то отговорил тебя поступать в военное училище. Теперь-то я осознал, как глубоко тогда заблуждался! Мать, как водится, огорчена, но таковы женщины

по природе своей — готовы всю жизнь держать детей под ле себя. С нетерпением ждем тебя в отпуск...»

Ясно различимый шум моторов подсказывал, что контратакующие развернулись в цепь.

— Приготовиться к бою! — скомандовал десанту Юрий. — Прорвавшиеся машины пропускать через окопы и вслед забрасывать гранатами!

Впереди один за другим громыхнули несколько взрывов.

— Два танка «синих» подорвались на минном поле! — доложил Ермоленко.

«Бой» начался удачно для обороняющихся. Они еще не открывали огня, а «противник» уже понес ощутимые потери. Не зря, выходит, мараковали Юрий и командир группы саперов над тем, где целесообразнее заложить противотанковые фугасы.

— «Дирижер», я — «Трамбон-два»! Пропустил танки, открываю огонь по пехоте! — взволнованно зачастил Ермоленко.

И тут же воздух вспороли пулеметные и автоматные очереди. Отрывисто загукали противотанковые гранатометы, следом за ними подали голос танковые пушки. Это вступили в бой из засады машины Кашаускаса.

— «Дирижер», я — «Контрабас»! — доложил он Юрию. — Подбил четыре танка, остальные повернули назад. Сам потерь не имею!

Молодец, Альгердас! Сумел надежно замаскировать свои машины и ударил в самый нужный момент, ошеломив наступающих.

На командном пункте появился замполит. Его пятнистый маскхалат был перепачкан в земле.

— Я от Ермоленко и Тимофеева, — доложил он. — Атаку их взводы отбили с небольшими потерями, но патроны и гранаты на исходе, надо быстро доставить им новый боекомплект... Филипеня снова отличился! — улыбнулся Еськов. — Один танк подорвал из гранатомета, дру-

гой бутылкой с горючей смесью поджег. Сейчас о нем боевой листок выпускают... — Он говорил на полном серьезе, будто на самом деле от вражеских машин остались два чадающих костра.

— Посредник все видел? — выслушав замполита, спросил Юрий.

— Да. Он был вместе со мной. Сейчас на фланге у Кашаускаса.

— Что же получилось там, в устье Сулимы? — вслух размышлял Юрий. — Почему нас не сняли, как было задумано, а, наоборот, решили усилить? И «синие», видать, неспроста бросили сюда подкрепление...

— Похоже, что основному десанту не удалось закрепиться, — сказал Еськов. — Такое случалось в войну. Под Новороссийском в сорок третьем году основным силам не удалось добиться успеха, и удар был перенацелен на плацдарм, занятый демонстрационным десантом Цезаря Куникова. Так в тылу у фашистов появилась знаменитая Малая земля. Мой дядя пробыл там несколько месяцев, он мне много рассказывал о куниковцах...

Словно в подтверждение его догадки Юрию передали радиограмму:

«Будьте готовы в четыре ноль-ноль принять вертолетный десант. Обозначьте площадки для приземления».

Тяжелые винтокрылые машины зависали над землей, вздымая на ней пыльные смерчи. Звук их моторов растворился в грохоте капонады. «Противник» открыл ожесточенный огонь. Ответные яркие молнии вдруг опоясали морскую даль. Это ударила по «синим» реактивная артиллерия идущих к берегу кораблей.

— «Дирижер», я — «Кларнет»! Выгрузил людей и технику. Поступаю в ваше распоряжение. — Это вышел на связь командир воздушно-десантного подразделения.

— Занимайте позицию на моем правом фланге. Посылаю к вам офицера для связи, — ответил ему Юрий.

— «Дирижер», я — «Контрабас»! Танковая атака «противника»! Открываю огонь! — воскликнул Кашаускас.

— Приготовиться к бою! Гранатометчикам выдвинуться вперед! — скомацдовал Юрий. — Целиться по оруди́нным вспышкам!

— «Дирижер», я — «Хозяин»! — послышался в наушниках властный голос. — Начинаю высадку первой волны. Приказываю ударить по «противнику» всеми наличными силами!

Начало следующего дня застало роту Юрия далеко от побережья. Она остановилась в густом сосновом пролеске. Когда вся техника была надежно замаскирована, Юрий назначил охранение и позволил остальному личному составу кратковременный отдых. Не спавшие почти двое суток морские пехотинцы попадали на траву и мгновенно уснули.

А на командный пункт собрались офицеры. Подошел и командир воздушных десантников, коренастый крепыш в полевой форме. Приложив руку к берету, он представился посреднику:

— Капитан Князев.

Майор кивком головы указал ему на Юрия.

— Значит, это вы «Дирижер»? — не скрыв своего удивления парашютист. — Неужто посредники «выбили» у вас всех постарше званием?

— Был я, — ответил ему Юрий. — Теперь дирижирует командир батальона гвардии майор Родионов. Однако вы, товарищ капитан, оставлены в моем подчинении.

На строгом лице майора Серегина промелькнула улыбка. Чтобы скрыть ее, посредник сделал вид, будто поправляет на рукаве красно-белую повязку.

— Прошу всех доложить о наличии боезапаса и горючего, — сказал Юрий.

— У меня осталось два танка с половиной боекомплекта, — первым начал Кашаускас и сердито покосился на Серегина. — Остальные в эвакуункте.

— Осталось шесть легких танков и самоходка, — следующим доложил Князев.

— Танки, товарищ капитан, прошу передать в подчинение гвардии лейтенанту Кашаускасу, — сказал ему Юрий.

— Кому? — с ноткой недоумения переспросил тот.

— Это значит мне! — добродушно уточнил Альгердас.

— Мы назначены в передовую группу, — продолжал пояснять боевую задачу Юрий. — Место нанесения удара вот здесь... — ткнул он указательным пальцем в карту.

Едва он успел поставить задачу, как его пригласили к рации. У аппарата был командир батальона.

— Через час я приеду к вам с представителем польского подразделения, которое будет взаимодействовать с вами на следующем этапе учения, — сказал Родионов. — Будьте готовы доложить свое решение. И вот еще что: подготовьте список наиболее отличившихся на первом этапе. Я имею полномочия поощрить их от имени старшего начальника.

Бронетранспортер комбата Юрий встретил на опушке леса. Машина резко затормозила, и Русаков сел рядом с молодым польским офицером, у которого на околыше фуражки прикреплены были три маленькие зеленые звездочки.

— Поручник Мариан Ковалик, командир роты, — представил соседа Родионов. — Прекрасно говорит по-русски.

— Ну не так уже добже, товарищ майор, — смущенно улыбнулся поляк.

— А это командир роты морских пехотинцев гвардии

лейтенант Юрий Русаков, ваш теперешний сосед по окопу, как говорят у нас, русских.

— Очень рад подружиться, — протянул руку поручик.

— У вас рота полного состава? — спросил Юрий поручика, но комбат решительно вѣшался в их разговор:

— О служебных делах потом! Я привез вам привет от Натальи Федоровны, — пытливо глянул он на Юрия. — Я звонил домой, и она взяла телефонную трубку...

— Спасибо, — смущенно буркнул Русаков.

— О, Наталия!.. Очень красивое имя у вашей жены, — заметил поляк. — А мою супругу зовут Зосей. Она закончила институт у вас, в Москве, и там все называли ее Зоей. Правда, очень похожие имена? Зося преподает русский язык в школе. А лейтенант давно женат?

— Лейтенант пока холост, — ответил за Юрия Родионов и лукаво улыбнулся.

— А у меня уже сынишка растет — Генрик. Ему скоро будет четыре года. Забавный таковой хлопчик, ну настоящий... как это по-вашему сказать?.. Ах, да — настоящая юла. И очень большой говорун. Недавно он в первый раз увидел на улице живую лошадь и долго вынытывал у мамы, как же на ней в темноте разъезжают — ведь у нее фар нет, как у «Сирены». «Сирена» — это наш польский автомобиль. Зося его учит русскому языку. Он уже знает несколько ваших слов. Иногда даже смешно путает русские слова с польскими.

— Передайте ему этот маленький сувенир. — Юрий вынул из кармана брелок для ключей.

Он проникся симпатией к этому смышленому говоруну Генрику и мысленно решил, что у них с Наташей первенцем тоже будет сын, которого они с малолетства станут обучать иностранному языку. Лучше — английскому, ибо это международный морской язык, а их сын

непрерывно будет моряком, продолжателем династии Ру-
саковых.

— О, толстый Карлсон. Дзенькую бардзо. Генрик бу-
дет очень радоваться. Его самая любимая передача по
телевидению как раз про Малыша и его друга Карлсона.
Генрик уже много раз просил меня сводить его на кры-
шу нашего дома, посмотреть, нет ли там такого же ле-
тающего человечка.

После совещания, на котором поручник Ковалик окуп-
чительно завоевал симпатию Юрия своей тактической
сметкой, командир батальона отвел в сторонку посредни-
ка. Если бы Юрий мог присутствовать при их разговоре,
то услышал бы следующий диалог:

— Я не хочу выпытывать все ваши секреты, товарищ
майор, потерплю до официального разбора, — сказал Ро-
дионов. — Но не могли бы вы сообщить общую оценку
действий демонстрационного десанта?

— Считаю, что поставленная задача выполнена пол-
ностью.

— А как осуществлялось руководство?

— Тактически грамотно, решительно и настойчиво.

— Без сучка и задоринки?

— Накладки, безусловно, были, однако не повлияли
на конечный результат. Должен сказать чистосердечно,
этот ваш запасник Русаков — очень способный коман-
дир. Мой вам совет: не упускайте его из армии!

— Мы и не упустим. Я думаю, на днях он подаст ра-
порт о зачислении в кадры.

— Чувствуется в нем завидная увлеченность, огром-
ное желание побольше узнать. Он уже вырос из взвод-
ных пеленок, рота ему вполне по плечу.

— Нами уже написано представление на утверждение
Русакова в должности командира роты.

— Это очень перспективный офицер!

Личный состав десанта только что построился. И хотя отдых длился всего несколько часов, морские пехотинцы проснулись бодрыми. Десять минут спустя они стояли в строю.

— Товарищи гвардейцы! — обратился к ним командир батальона. — Проведенный вами бой за высадку положительно оценен командованием флота. Стойко вы держались и в обороне. Осталось достойно завершить учение. На последнем этапе вы будете действовать бок о бок с воинами Войска Польского — нашими братьями по крови и товарищами по оружию. Вот их представитель, — указал комбат на поручника Ковалика, который красивым жестом вскинул руку под козырек. — По окончании учений будет проведен совместный военный парад, на котором будут присутствовать министры обороны Советского Союза и Польской Народной Республики. Сами понимаете, что мы должны во всей красе показать нашу гвардейскую выpravку и русскую молодецкую удаль!.. А теперь позвольте мне, товарищи морские пехотинцы, выполнить приятное поручение... Десант, смир-р-но! — зычно скомандовал гвардии майор. — Объявляю всему личному составу благодарность за умелые и решительные действия!

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответил строй.

— Наиболее отличившиеся матросы, сержанты и офицеры будут представлены к награждению ценными именными подарками, — закончил свое краткое выступление комбат.

— А для вас, Русаков, я приберег сюрприз особого рода, — сказал Родионов, когда строй был распущен и они остались вдвоем. — Министр поинтересовался личностью командира вспомогательного десанта. Мне велено представить вас к досрочному присвоению очередного звания. Насколько я в курсе, все приказы подпишут в день подведения итогов учения. Так что поздравляю вас,

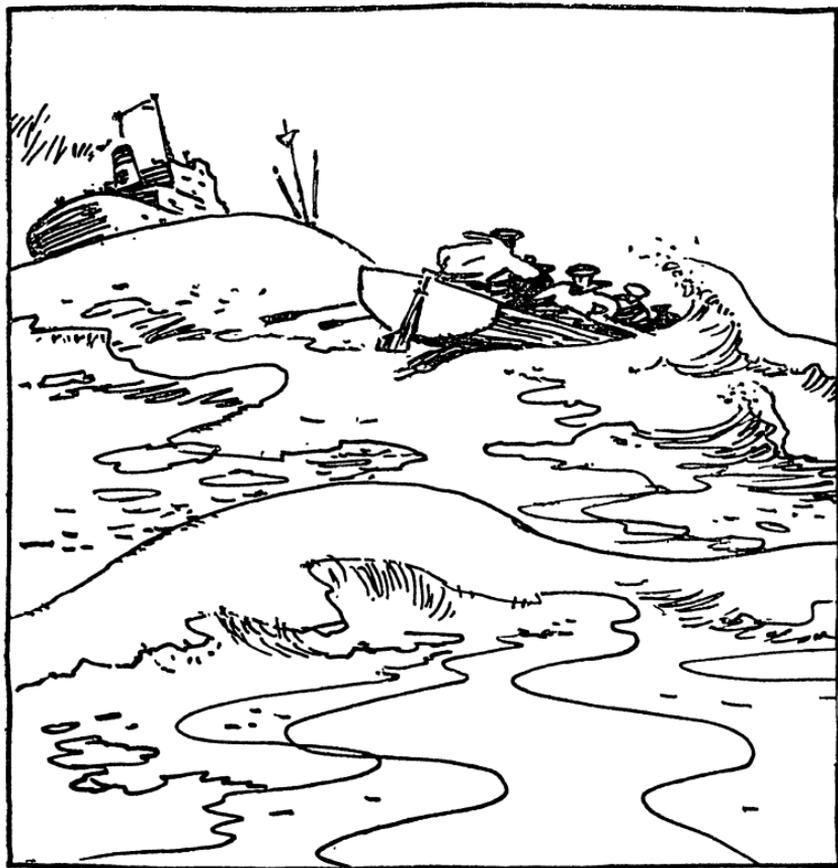
без пяти минут гвардии старший лейтенант! — крепко пожал он руку Юрию.

— Спасибо, товарищ гвардии майор, за доверие, — растерянно вымолвил Юрий.

— Но ведь я знал, кому доверяю... Словом, так держать, как говорят на флоте. Только учтите: кому больше доверяют — с того вдвойне и требуют. Ну я поехал на свой КП.

Облако пыли скрыло уходящую машину, а Русаков возвратился в пролесок, где его рота уже начала готовиться к маршу. Ровно гудели прогреваемые моторы, звучали негромкие слова команд, слышались треск и шуршание кустарников — разбиралась маскировка танков и бронетранспортеров. И эти давно ставшие привычными для слуха звуки вдруг показались Юрию Русакову прекрасной и волнующей симфонией, полюбившейся ему отныне и на всю жизнь.

Рассказы

ИХ ЖДАЛ СЕВАСТОПОЛЬ

Жора Оловянников рвался в бой. А его определили баталером на береговую базу подводных лодок. Виной всему была близорукость. Правда, выдали Оловянникову матросскую форму и бескозырку с надписью «Черноморский флот», но это было слабым утешением. Расстроенный Жора каблук растоптал свои очки. И удивительное дело! Зрение стало улучшаться. Через каких-нибудь полгода он уже не водил носом по бумагам и свободно читал даже хвостатые закорючки боцмана Петренко с тридцатой «щуки».

Этот самый Петренко и воскресил в Жорином сердце угасшую было надежду.

— Не стыдно тебе, хлопче, на складе отсиживаться? — сказал как-то боцман. — Силищи в тебе, как во вспомогательном дизеле. Давай-ка к нам на подводную лодку...

Жора с таким пылом кинулся на боцманову грудь, что опрокинул на пол банку

с олифой. Облапив Петренко жилистыми руками, жарко шептал ему, словно любимой девушке:

— Возьмите к себе, Богдан Маркович! Самой черной работой не погнушаюсь. Робу вашу стану стирать, сапоги ваксой чистить. Честное комсомольское...

— Ну добре, добре, — размяк опешивший бодман. — Нам не холуи нужны, а толковые матросы. И не с войны ведь просишься. Поговорю о тебе с командиром.

Словом, недели через две Жора Оловянников перенес свои вещи в лодочный кубрик. Первым делом, пока не схлынула радость, накатал он послание в город Алапавск, что на Урале, где жила одна девушка по имени Шура.

«Наконец-то я стал настоящим подводником, — писал Жора. — Лодка моя знаменитая, на рубке в кружочке «тройка» намалевана, что означает три победы. Отправил ее экипаж три фашистских корабля на дно морское. Почти у всех на груди ордена и медали. На днях снова в боевой поход. Может, и я вернусь из него с наградой...»

И дальше на шести страницах в таком же духе. Он и не подозревал, что письмо причинит ему уйму неприятностей. Вскоре на лодке узнали, что выболтал новичок много неположенного.

— Ты что, вчера только на свет родился? — отчитывал Жору вконец расстроенный Петренко. — Чего ты в листке своем наплел? Или под трибунал захотел?

До трибунала дело не дошло. Однако в поход Оловянникова не взяли. Откомандировали в комендантский взвод, который нес охрану территории.

База подлодок жила по законам военного времени. И однажды безлунным вечером тишину всполошили выстрелы. Комендантский взвод был мигом поднят в ружье и двинулся к месту тревоги.

Часовым, открывшим стрельбу, оказался Жора Оловянников.

— Там, — показал он рукой на заросли дрока. — Слы-

щу, лезет. Я ему: «Стой! Кто идет?» Притих вроде. Потом снова кусты затрещали. Я вскинул винтовку и — по звуку. Он бежать. Тогда я ему вдогонку всю обойму.

Заросли оцепили, прочесали. И наткнулись на убитую лошадь.

— Наповал, в башку! — удивленно поцокал языком командир взвода. — Чудеса! Сколько я ни бился с ним на стрельбище — все пули за молоком. А тут на тебе, впопыхах с пятидесяти метров мерина уложил. Самого работающего во всей хозчасти!

Между тем возвратилась из боевого похода тридцатая «щука». Жора стоял в толпе встречающих и с завистью думал о том, что снова будут оформлять на ее экипаж наградные листы. Он повернулся и, ссутулясь, побрел прочь. В казарме, не разувааясь, повалился на постель.

В таком положении и застал его боцман Петренко.

— Хучь бы землю с чоботов оскоблил, — укоризненно сказал он Жоре. — Ну бис с тобой, два наряда, что тебе за такое полагается, на лодке отстоишь. Собирайся, дозволили тебя обратно к нам взять.

Тридцатой «щучке» недолго довелось отдохнуть после возвращения. Осажденный Севастополь нуждался в помощи. Надводным кораблям все труднее становилось прорываться в его бухты. Потому и самолеты наши редко взлетали с аэродрома: им не хватало горючего.

Тогда командование решило доставлять его подводными лодкам. Заговори про то в мирное время — сочли бы за сумасшествие. Но война опровергла немало самых непреложных ранее истин. Авиационный бензин заливали прямо в балластные цистерны. Подводным танкером стала и тридцатая «щука».

На рассвете одного из последних весенних дней она покинула причал. Задувал «мордотык» — колючий северный ветер, набрасывались на лодку взъерошенные волны.

Болтанка и запах паров бензина вогнали Оловянного в муторную одурь. К горлу подкатил мокрый комок.

И не миновать конфуза, если бы не заметил его бледное с серо-зеленым налетом лицо боцман Петренко.

— Э, да ты совсем скис, матрос, — сказал он Жоре. — Ну-ка шагай за мной, я тебя вылечу. Есть у меня верное средство от качки...

Он привел Оловянникова в носовой отсек, вручил су-конную тряпку и велел натереть до радужного сияния медные рукоятки торпедных аппаратов.

За работой и верно полегчало. Жора повеселел и перестал обращать внимания на болтанку, хотя она даже усилилась. Переборол в себе страх перед бесконечными взлетами и падениями,

Сдать груз в Севастополе было не таким уж простым делом. Едва выкатился на причал закопченный бензовоз и морские пехотинцы в латаных робах растянули шланги, как фашисты начали обстреливать бухту. Фонтаны забаламученной воды поднимались то справа, то слева. Команда ушла вниз. Лишь на мостике остался вахтенный командир да часовой на берегу возле сходни. Им был Жора Оловянников.

Разрывы смещались к берегу. Внезапно слепящий сполох вырос среди бетонных плит, всего в нескольких метрах от лодки. Взрывная волна толкнула Жору в грудь, смяла, швырнула оземь. На мгновение он потерял способность соображать. Очнулся совершенно оглохшим, со щемящей болью во всем теле.

Судорожно пошарил руками возле себя. Автомата не было. Пересилив боль, кое-как поднялся, и глаза его расширились от ужаса. Прямо перед ним в пугающей тишине факелом пылала машина. Гривастые языки ргня бежали по шлангу к лодке, а из пробоины в ее борту тонкой струей лился бензин, радужно расплываясь на воде.

Жора бросился на палубу. Голыми руками отвернул

затянутую ключом соединительную муфту шланга, ногой толкнул его вниз. Потом, уцепившись за леер, сполз на борт лодки и лег животом на рваную дыру. Острые кромки рваного железа впились в тело, сапоги наполнились теплым бензином, но он терпел и старался еще теснее прижаться к пробойне.

Откачав бензин и приняв на борт партию раненых, «щука» двинулась в обратный путь. В наушниках лодочного акустика то и дело слышались свистящие шумы корабельных винтов. Лодка ложилась на грунт, затаивалась, чтобы через некоторое время снова дать ход. В отсеках не хватало воздуха, раненые метались на подвесных брезентовых койках.

Жора Оловянников лежал на спине, перевернуться на живот он не мог — больно саднила обожженная бензином кожа.

— Ты-то вроде здешний, браток? — спросил его сосед, спеленатый бинтами армейский лейтенант. — Где же тебя угораздило?

Жора не ответил, хотя расслышал вопрос: слух начал к нему возвращаться. Ему стало вдруг обидно за свою невезучесть. Припомнилось все: и очки, и убитая лошадь, и вот теперешнее нелепое состояние, о котором и говорить-то совестно. Он порывисто уткнулся в подушку, а лейтенант деликатно отвернулся.

А в это время за стальной переборкой в соседнем отсеке писали на краснофлотца Оловянникова представление. К боевому ордену.

ЖЕНЩИНА НА ПОДЛОДКЕ

Капитан третьего ранга Мирский вернулся из штаба расстроенным. Он пригласил к себе в каюту замполита и долго не начинал разговора, сердито шуршал бумагами.

— Что у тебя стряслось, Сергей Егорович? — участливо спросил замполит. Он был на десять лет старше командира и с глазу на глаз говорил ему «ты».

— Худо дело, Иван Ильич. — Мирский досадливо подергал пышную бороду, которая казалась приклеенной на его моложавом розовощеком лице. Он начал отпускать ее в одном из трудных боевых походов, из которого лодка вернулась без вертикального руля и с дырявыми балластными цистернами. Поначалу борода служила мишенью для острот и шуток всего дивизиона, но постепенно к ней привыкли.

— Отчего худо? — удивился замполит. Ведь шел июль сорок пятого года, и казалось, все худшее осталось позади, а сам замполит

все чаще видел во сне свою школу, где до войны преподавал физику и куда собирался вернуться после демобилизации.

— На-ка вот, полюбуйся! — сказал командир и протянул листок.

Иван Ильич недоуменно повертел бумагу перед глазами. Это был список фамилий каких-то незнакомых людей, завизированный начальником штаба дивизиона и заверенный печатью.

— Читай пятую фамилию сверху, — подсказал не без ехидства Мирский.

— Скворцова Наталья Сергеевна, старший инженер... — громко, как на уроке, прочитал замполит.

— Понял теперь?

— Пока не совсем.

— Бригаду инженеров к нам подсаживают, новый акустический прибор испытывать.

— Это большая честь для нас, — улыбнулся замполит.

— А Наталья Сергеевна? — многозначительно спросил Мирский. — Кабы ты ее видел, Иван Ильич, забеспокоился бы не меньше моего. Чует мое сердце, хлебом мы с ней горя и заботы!

— Давно ли ты стал таким суеверным, командир?

— При чем тут суеверие, комиссар? Или ты не знаешь, каким, к примеру, взглядом провожает наш вестовой Сенюшкин каждую захожую медсестрицу? Делает стойку, как породистый сеттер. А у нас с тобой таких сенюшкиных немало. Боюсь, что из-за этой Натальи Сергеевны многим служба в голову не пойдет...

— Плохого пока ничего не вижу, — возразил замполит, вспомнив почему-то жену, с которой расстался в начале войны и по которой тосковал.

Инженер Скворцова пришла на лодку в субботу во время большой приборки. Она была одета в цветастое

крепдешиновое платье, которое ярким пятном выделялось на залитом мазутом и порядком захламленном причале.

Вестовой Сенюшкин, прибиравшийся на мостике, выпустил из рук веревочную швабру и бросился к перегородной трубе.

— Ребята, к нам мадам! — приглушенно крикнул он вниз. — Чугунов, включай вытяжную!

В чреве подлодки зарокотал электрический вентилятор, а из рубочного люка пахло смесью масляной гари с ароматами камбуза.

Услужливый Сепюшкин встретил гостью возле сходни и проводил до самого вертикального трапа. Едва ступив на первую его перекладину, Наталья Сергеевна почувствовала, как парашютом надулось ее платье где-то возле головы. Инстинктивно она попыталась рукой схватить его край, но, ощутив под собой пугающую пустоту, снова вцепилась в металлический поручень. Только коснувшись ногами палубы, она укротила буйствующий крепдешин.

Растерянная, стояла она в центральном отсеке, оглядываясь по сторонам. Заметила неподалеку ухмыляющиеся физиономии, поняла: фокус с платьем подстроен. Тогда, неожиданно для зрителей, она вздернула подол, обнажив стройные ноги, затянутые почти до самых бедер в трофейные шелковые чулки.

— Надеюсь, все теперь видели? — зло сощурившись, спросила она. В этот момент в отсеке появился командир лодки, и шутников словно ветром сдуло.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, оправляя платье на коленях.

Щеки Мирского стали пунцовыми.

— Я прошу вас, товарищ старший инженер, — отводя взгляд, сказал он, — в следующий раз приходите на корабль в шароварах.

— Хорошо, товарищ командир, — покорно кивнула головой женщина, решив, что оправдываться не будет.

— Вас разместят в каюте моего помощника, — про-

должал Мирский, уже овладев собой. — Вахтенный, проводите инженера во второй отсек! — приказал он.

Когда за ушедшими хлопнула переборочная дверь, командир дал волю своему гневу.

— Чугунов! — с присвистом выкрикнул он.

— Есть, товарищ командир! — откликнулся из шхер трюмный.

— Вы пустили вытяжную вентиляцию?

— Так точно!

— Пять суток строгого ареста!

— Есть пять суток строгогача... — кисло произнес трюмный, не ожидавший такого финала безобидной, по его мнению, шутки.

«Ну погоди, официант паршивый!» — мысленно пригрозил он оставшемуся в тени хитрюге Сенюшкину.

— Ну вот и началось! — философски изрек мичман Придыбайло, один из свидетелей инцидента. — То ли еще будет! Баба на корабле — все одно, что горящая головня возле пороховой бочки...

Отведать арестантских харчей трюмному Чугунову так и не пришлось. «Щука» срочно покинула базу, вышла в открытое море. Придерживалась строго рекомендованных фарватеров, то и дело встречая тревожно гудящие сиренами тральщики и слыша нередко гулкие взрывы подсеченных тралями мин.

Инженеры, почти все пожилые, сухопутные люди, настороженно прислушивались к отдаленным гулам. Командир не считал нужным скрывать от них всю опасность плаванья. Только Наталья Сергеевна не выказывала беспокойства. Она сразу же обзавелась добровольными помощниками, самыми активными среди которых стали Сенюшкин с Чугуновым. Они наперехват подносили Наталье Сергеевне вовсе не громоздкие и не тяжелые приборы, а трюмный по собственной инициативе научил ее пользоваться всеми необходимыми корабельными системами.

Без тени смущения она приняла услуги Чугупова, болезненно уязвив самолюбие вестового Сенюшкина, и тот, в свою очередь, сделал ответный ход: явился на раздачу ужина не в застиранной куртке, а в жестком от крахмала белом офицерском кителе. Где он сумел его раздобыть, так и осталось невыясненным.

Поладила Наталья Сергеевна и с замполитом, которого запросто стала называть по имени-отчеству, а он ее и вовсе — Наташей. Они обращались друг к другу, как старые и добрые знакомые.

И только при встречах с командиром лодки женщина смущенно отводила глаза. Взгляд же капитана третьего рапга Мирского был официально нейтрален, сопровождался вежливым кивком головы.

Самые сведущие в экипаже люди — вестовые. Они много видят, слышат, запоминают и делают выводы. От Сенюшкина Наталья Сергеевна узнала о безупречной холостяцкой репутации командира, который лишь для единственной женщины сделал исключение, прикрепив ее фото над изголовьем. В увядшем, с сеткой морщинок лице без труда угадывались его собственные черты.

Конец июля на Черноморье выдался жарким. Едва поднявшись над горизонтом, солнце жадно слизывало жиденький утренний туман, его лучи щупальцами спрута прилипали к металлическому корпусу лодки, прогревая насквозь ее оболочку. От непрерывной работы вентиляторов горели предохранители, и все равно температура не опускалась ниже тридцати градусов, а большая влажность сделала отсеки настоящими парницами.

В другое время формой одежды стали бы трусы и полотенце на шее, но из-за гостя пришлось поступить по обычаю. Пример подавал сам Мирский. Даже к обеденному столу он выходил в наглухо застегнутом кителе. Зато от шикарного наряда вестового Сенюшкина осталось жалкое воспоминание, так как почти после каждой раздачи харча китель приходилось сушить на вентилятор-

пом раструбе. Лучше всех — в легкой блузке без рукавов — чувствовала себя Наталья Сергеевна, только и ей хотелось порой, чтобы в дымящейся миске борща вместо желтых кружков павара плавали кусочки льда.

Особенно было душно по ночам. В крохотной, величинной в два шкафа, командирской каюте нечем было дышать, мокрые простыни прилипали к телу. Даже в редкие часы отдыха капитан третьего ранга Мирский не мог забыть настоящим, освежающим сном. А однажды, проснувшись и откатив дверь, чтобы пустить хоть немного свежего воздуха, он увидел в раскрытой каюте напротив разметавшуюся на кургузом диванчике женщину в рубашке с кружевной оборкой на груди.

Назавтра Сенюшкин перенес его постель на парусиновую койку к торпедистам, а по боевым постам передали устное распоряжение Мирского, запрещающее без надобности появляться ночью в офицерском отсеке.

— То ли еще будет! — кратко прокомментировал это событие мичман Придыбайло.

А замполит в подходящий момент спросил командира:

— Не напрасно ли чудишь, Сергей Егорович? Домой вернемся — в дивизионе проходу не дадут.

— По мне пусть хоть на весь флот разнесут, — хмуро буркнул Мирский, — а во втором зевакам делать нечего!

Замполит внимательно глянул на него, улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Тебе влюбиться надо, — вдруг сказал он, оторопевшему командиру, — чтобы плесень военная с тебя сошла.

Мирский выразительно крутнул пальцем возле виска, бросив странный взгляд на замполита.

— Нет, в самом деле, — невозмутимо продолжал Иван Ильич. — Приглядишься получше к Наташе. Чем тебе не невеста? Не был бы я женат, ни за что б не уступил.

— Та-ак, — нараспев произнес командир. — Выходит, ты, Иван Ильич, решил стать сватом.

— С чего ты взял? Просто сказать тебе хочу: зря ты

сычом на нее глядишь. Ей и без того круто в жизни пришлось. Ленинградскую блокаду перенесла. И жених у нее на фронте погиб. Летчиком был. Это она для виду лихость на себя напускает. Поверь мне, Сергей Егорович, ведь я учитель и в людях немножко разбираюсь... Душа у нее нежная и незащищенная.

Этой же ночью Мирскому пришлось подкрепить свое запрещение делом. Спустившись вниз после «собаки» — вахты с нуля часов до четырех, он увидел возле открытой двери помощничьей каюты какую-то неясную фигуру.

— Я только простыню поправить, товарищ командир... — оправдывался застигнутый врасплох Сенюшкин.

— Вон отсюда! — прошипел Мирский, показав вестовому ладонь с растопыренными пальцами.

— Ну что ж, справедливость восторжествовала! — прослышав о конфузе приятеля, сказал трюмный Чугунов. — Теперь не придется мне, Сенюшкин, одному на губе припухать. Слышь, а какой арест кэп тебе отвалил, простой или строгий?

— Это еще не все, попомните меня! — многозначительно изрек мичман Придыбайло.

Лодке по конструкторскому заданию предстояло работать в подводном положении. Для этого ей назначили район моря когтрольно-протравленный и потому относительно безопасный. На кромках его лежали затопленные суда, которые предполагалось использовать в качестве акустических мишеней.

Готовясь к ответственным испытаниям, инженеры почти круглые сутки проводили в носовом отсеке. Раскатывали прямо на палубе чертежные рулоны, что-то паяли в аппаратуре, наполняя тесное помещение резким запахом канифоли. Понимая важность происходящего, даже Чугунов с Сенюшкиным не решались предлагать свою помощь Наталье Сергеевне.

— По местам стоять к погружению! — раздалась по переговорке команда вахтенного механика. Глухо ухнула вода в балластные цистерны, сразу стало тихо за бортом и замерла под ногами чуткая палуба, А уши словно закупорило ватными пробками.

— Глубина тридцать метров! — сообщил командир. — Приступайте к эксперименту!

— Хорошо! — не по-военному откликнулась по трансляции Наталья Сергеевна и немного погодя сказала: — Пожалуйста, попрошу держать курс ноль градусов, скорость четыре узла.

— Четырнадцать лет на флоте, — громко удивился сидевший на горизонтальных рулях мичман Придыбайло, — а первый раз вижу, как баба лодкой командует...

— Не отвлекайтесь! Держите глубину! — резко оборвал его Мирский.

— Теперь нужен курс девяносто! — снова запросила Наталья Сергеевна.

— На румбе девяносто градусов!

— Глубина тридцать метров! Лодка на ровном киле! — доложил Придыбайло, продолжая мысленно костить новоявленную командиршу.

— Большое спасибо! Принимаем эхо от предмета значительной протяженности на большом удалении.

Мирский склонился над картой. Ага, видимо, это первый топляк. Пеленг и дистанция совпадают. «Приличную аппаратуру сделали эти сухопутные люди», — удовлетворенно подумал он.

— Просим курс двести семьдесят градусов!

— Есть двести семьдесят!

— Что это такое? — вдруг воскликнула Наталья Сергеевна и тут же взволнованно зачастила: — Эхо от мелких предметов. Прямо впереди, очень близко!

— Стоп оба мотора! Боцман, ныряй! — мгновенно изменившимся голосом приказал командир.

— Вот и влипли! — выдохнул Придыбайло,

Первыми услышали скрежет те, кто был в носовом отсеке. Растерявшиеся инженеры перебрасывались недоуменными взглядами.

— Минреп * с правого борта! — ответом на их безмолвный вопрос прозвучал тревожный доклад вахтенного.

Что такое минреп, инженеры знали и понимали, сколько смертей закреплено на свободном его конце. Да и по бледным, напряженным лицам бывалых моряков они осознавали всю серьезность положения. Мысль о том, что может произойти каждую секунду, леденила им кровь. А металлический скрежет предательски медленно удалялся назад. И тут, разорвав гнетущую тишину, раздался звонкий женский голос:

— Впереди чисто! Никаких предметов нет!

— Пронесло! — расплылся в улыбке мичман Придыбайло.

В ореоле белесых пузырей с шумом выбросилась лодка на поверхность. И словно волнение людей передалось ей, долго не могла урновеситься, переваливаясь с носа на корму.

— Передайте циркулярную, — смахнув со лба бисеринки пота, приказал командир радисту. — Обнаружена минная банка. Координаты...

Потом, постояв какое-то время на откидной площадке ходового мостика, вновь наклонился к переговорной трубе:

— Пригласите наверх старшего инженера Скворцову.

Он подал Наталье Сергеевне руку, помогая выбраться из узкого проема рубочного люка, подождал, пока она приведет себя в порядок — вентиляция на этот раз не пощадила ее прическу, — и негромко сказал:

— Большое вам спасибо, Наталья Сергеевна...

— Ну что вы, товарищ командир, — застеснялась она.

— Зовите меня Сергеем Егоровичем.

— Хорошо. Так за что же вы меня благодарите?

* Минреп — трос, которым удерживается на заданной глубине якорная мина.

— Как за что? Вы же в некотором роде спасительница корабля. Отныне мы вас занесем в наши лодочные святцы.

— Благодарите аппаратуру! А лично я просто не понимала происходящего. Иначе бы со страху померла. Я ведь обыкновенная трусиха. Честное слово, Сергей Егорович!

Она смотрела на него снизу вверх, и в ее затуманенных смущением глазах действительно было что-то нежное и беззащитное.

Через несколько дней лодка возвратилась в базу и опшвартовалась возле причального понтона. На пирсе командира ждал штабной автомобиль. Когда капитан третьего ранга Мирский возвратился на причал, инженеров он уже не застал. Тех тоже увезли на доклад к начальству.

Возле сходни покуривал трубку чисто выбритый и постриженный замполит.

— Представляешь, Сергей Егорович, — лукаво прищурясь, заговорил он. — Сенюшкин-то с Чугуновым предложение Наташе сделали. Каждый по полной форме просил у нее руку и сердце...

— Ну и кого она предпочла? — с деланным равнодушием спросил Мирский.

— А как ты сам думаешь? — вопросом на вопрос ответил замполит.

Мирский усмехнулся и ступил ногой на трап.

— Погодите, товарищ командир, — остановил его замполит. — Что же будем делать с незадачливыми женами? Выписывать им записки об арестовании?

— Амнистия обоим, — улыбнувшись, сказал Мирский.

Уверенным, пружинистым шагом он поднялся по сходне на палубу лодки, козырнув на ходу Военно-морскому флягу.

Я сижу на торце причала возле самого уреза воды. У ног лениво катит волны море, солнечные блики на гребешках — словно множество улыбок. Море приветствует лейтенанта-инженера Портнова! Хотя я все не могу привыкнуть к офицерскому званию и частенько поглядываю на свое плечо. Две блестящие звездочки заставляют сильнее биться сердце.

Уже около часа я терпеливо жду рейсовый катер и перебираю в памяти все, что произошло в моей жизни за последние тревожные и радостные дни.

— Считайте, что вам повезло, — сказали мне в отделе кадров, — вы назначены командиром группы к Вольскому — одному из лучших ракетчиков флота!

Право, жизнь что-то чересчур меня балует: золотая медаль, удачное назначение. Не многовато ли сразу?

— Кстати, — продолжал кадровик, вручая мне пред-

писание,— Вольский сам просил назначить ему офицера потолковее...

Как это понимать: то ли как комплимент, то ли предупреждение на будущее, — я так и не решил.

...Мои размышления прерывает треск мотора. Вскоре подошедший катер мягко упирается носом в деревянный причал. Вблизи территория соединения подводных лодок кажется мрачноватой. Берег зацементирован до самого подножия горы. На склонах ее — террасы для складов. Птичьим гнездом прилепился к серой скале сигнальный пост.

Дежурный офицер проверяет документы и провожает меня до самого места стоянки подлодки.

— А вон и сам Вольский. — Он указывает на высокого и чуточку франтоватого офицера.

Волнуясь, я ступаю ногой на узкий металлический трап.

— Товарищ капитан-лейтенант... прибыл для дальнейшего...

— Хорошо, — перебивает меня Вольский. — Давай знакомиться. Меня зовут Георгий Львович.

От него пахнет хорошим одеколоном, он подтянут и строен, карие глаза внимательно смотрят из-под черных бровей, сошедшихся над прямым точеным посом. От моего рукопожатия Вольский чуть заметно морщится.

Мы садимся на скамью возле врытой в землю и наполненной водой железной бочки, в которой плавает большая фиолетовая медуза. Капитан-лейтенант протягивает мне раскрытую пачку «Ореанды» с золотистой полоской на мундштуках сигарет.

— Спасибо, не курю.

— Ты окончил с отличием?

— Да.

— Молодчага! — Вытянув губы трубочкой, Вольский пускает несколько замысловатых колечек дыма. — Сразу открою свои карты: учусь заочно на втором курсе акаде-

мии. Потому, сам понимаешь, — сопромат, теормех, высшая математика, как ревнивая жена, забирают у меня все свободное время. Особенно, когда очередная сессия на носу. Так что извини, кое-какие вопросы тебе сразу придется решать самому. Потянешь?

Я молча передергиваю плечами. Он швыряет в бочку окурков, целясь в колеблющийся зонтик медузы.

— Лично я считаю, что самостоятельность никому не была во вред. Зато лишняя опека не дает расправить крылья.

Мой кивок по-прежнему неопределенен.

— Ну что ж, считаем — договорились. Пошли теперь к командиру.

После обеда меня представили личному составу подводной лодки. И снова ошеломляющий сюрприз: в матросской шеренге я вижу Вальку Королева, своего школьного товарища. Еле сдерживаю себя, чтобы не крикнуть: «Валька, чертяка!» — забыв о своих лейтенантских погонах и офицерской солидности. Королев без улыбки смотрит на меня, негромко называет свою фамилию.

Когда после отпуска строя Вольский предложил мне ознакомиться с послужными карточками моих операторов, я, конечно же, начал с Валькиной. Родился, учился... Это пропускаю, об этом я знаю в десять раз больше, чем тут написано. Но куда же ты пропал, Валька, вскоре после окончания школы? Приезжая в отпуск, я надеялся что-то узнать о тебе. Напрасно. Никто не знал, где ты, что с тобой. Ага, вот, наконец, Новосибирское театральное училище... Харьковский библиотечный техникум... Долго же тебя носило по стране! Призван Харьковским военкоматом. Направлен... Третий класс. Да, небогато для второго года службы...

— Прочел? — спрашивает меня капитан-лейтенант. — Теперь слушай, я охарактеризую моряков, с которыми тебе работать. Самый слабый — Саркисян. Плохо знает русский язык. Тяжело с ним. Самый сильный, пожалуй,

Королев. Но твердый орешек: то, что положено, делает, а больше — ни-ни. Остальные — обычные толковые ребята. Служить с ними можно без особых хлопот. Сбагрить бы еще куда-нибудь этого Саркисяна, тогда совсем был бы полный ажур...

Вечером Валька Королев постучался в дверь офицерского общежития:

— Разрешите войти, товарищ лейтенант?

— Давай побыстрей, без церемоний!

Мы тискали друг друга в объятиях, шутливо тузили кулаками.

— Я и не знал, что ты офицер. Желая вырасти до адмирала! А помнишь, как я тебе снегу за шиворот насыпал?

Он садится на мою кровать.

— Сетка у тебя панцирная... А я вот на втором ярусе перебиваюсь. — На его безбровое, веснушчатое лицо набегают тени. — Не сложилась моя жизнь... Высокие замки строил. Оказывается — на песке. Послужную мою небось читал? Всех вас хотел удивить — подался в артисты. Но вовремя ушел. Иначе быть бы мне вечным статистом. Не с моим носом Отелло играть! А после все вверх торомашками пошло. Даже па библиотекаря не выучился — стыдно стало хлеб у девчонок отбивать. Сюда ехал — тропики каждую ночь снились, кокосы, Южный Крест. А где они, пальмы с орехами? Два бачка картошки за час до подъема. Тропики где? Нынче квадрат «А», завтра район «Б». Южный Крест! Неделями обычного солнца не видим! Правда, смирился и привык. Но к ракетам так и остался равнодушным. Да что мне? Я — тягловая сила. Тяну себе помаленьку до демобилизации, а там снова мотанусь за счастьем по белому свету.

Я молча слушаю Валькину исповедь. Сейчас мне нечего возразить ему и нечем ободрить. На языке вертятся

только слова: «долг», «обязанность». А ими-то, я чувствую, Вальку не прошибешь.

— Боюсь, что и ты, Вася, быстрехонько набьешь себе здесь шишек. Заест тебя романтика авралов и больших приборок, — подытоживает Валька.

Вольский решил сразу же ввести меня в курс всех дочерних дел. Я словно тень хожу с ним по тыловым учреждениям, учусь оформлять документы, принимать и сдавать имущество.

А капитан-лейтенант продолжает наращивать темпы обучения.

— Лучшая школа — практика. Самый верный индикатор — собственный нос, — любит повторять Вольский. — Будешь принимать одну из ракет самолично, — предупреждает он меня.

Впервые в жизни на мои неокрепшие плечи сваливается такая ответственность. Я суетливо бегаю вокруг транспортной тележки, на которой лежит ракета, останавливаюсь то у ее приборного отсека, то возле двигателя. Капитан-лейтенант — он сидит поодаль на раскладном стуле — подзывает меня.

— Не мельтешишь, — вполголоса говорит он. — Главные качества командира — спокойствие и уверенность в себе. У тебя на руках контрольный лист. Твое дело расставить людей и проверить по порядку каждый пункт этого документа.

Я чувствую недовольные нотки в его голосе. «Это тебе не мелком по доске», — скептически думает, наверное, он.

Возвращаюсь к расчету. Рядом со мной работает на штеккерных разъемах матрос Королев. Он догадался, о чем шел у меня разговор с Вольским: в уголках Валькиных губ прячется усмешка. И все-таки ошибаешься, Валька, не начали сбываться твои предсказания! Набью сколько угодно шишек, но своего добьюсь...

Мы с ним не договаривались, но в служебное время Королев со мной подчеркнуто официален: «Есть, товарищ лейтенант», «Разрешите, товарищ лейтёнант?»

С некоторых пор он перестал заходить ко мне в общежитие. И вот почему. Валька хорошо разбирается в электронных схемах, и я предложил ему взять шефство над Саркисяном.

— Нет уж, избавьте, товарищ лейтенант, — заартачился он, — я совершенно не способен к дрессировке. Кроме того, я не слоняюсь из угла в угол и не забиваю «козла» в свободное время. Представьте себе, я читаю книжки! Художественные, — особенно выделил он последнее слово, — Вам бы хотелось, чтобы я читал только эксплуатационные инструкции? Или учебники из вашей личной технической библиотеки?

— Не паясничай, — сказал ему я, — ты не в театральном училище. Можешь усмехаться сколько хочешь, но я действительно люблю свою специальность!..

Мы с ним находились в приборном отсеке. Здесь стоял топкий, едва уловимый запах краски. Безликие, похожие друг на друга, отдыхали под чехлами узлы счетно-решающего устройства.

— Смотри! Вот тот автограф глубины я назвал Архимедом. Гирокомпас — Галилеем. Твой автомат — Лобачевским. Разве он не достоин этого имени? А наш центральный прибор я величаю Эйнштейном! Тебе никогда не приходило в голову — целые поколения людей столетиями бились над принципами работы этих приборов. И теперь ими управляют мы, ты и я, не гении — простые люди. Только за одно это можно проникнуться уважением к нашей профессии. — Разволновавшись, я ласково поглаживал шероховатые от топорщившихся под чехлом нивелиров и рукояток бока «Эйнштейна». Валька без улыбки, внимательно глядел на меня. Может быть, что-нибудь запало в его душу?..

Я смотрю в контрольный лист. Следующей идет Валькина операция. Но пужная для этого горловица на ракете задраена, и на ней краснеет сигнальный флажок.

— Товарищ Королев! — окликаю его. Он удивленно вскидывается.

— Разъем сто восемьдесят два, — подсказываю я.

— Соединен, — говорит Валька. — Соединен и закончен. Но если вы сомневаетесь, я могу снова... — В его глазах вспыхивают злые огопки. Эх, Валька, Валька, ничегошеньки-то ты не понял! Я на секунду теряюсь, оглядываюсь на Вольского. Тот, кажется, не смотрит в нашу сторону.

— Хорошо, — говорю я и делаю отметку в листе.

Из цеха выхожу уставший, но довольный, словно выдержал серьезный экзамен. «Так что не только мелком па доске», — мысленно отвечаю я Вольскому. Мое настроение передается всему расчету: ребята весело переговариваются, вышучивают друг друга. Улыбается даже обычно неулыбчивый Саркисян. Только Вальки нет с нами. Я вернулся назад и увидел, как он один-одинешенек в пустом цехе возится около ракеты, старательно поправляет задравшийся брезентовый чехол. Королев оборачивается на стук двери, выпускает из рук шнур. Молча собирает инструмент.

С непривычки я чувствую себя чертовски уставшим, так что не нахожу в себе сил, чтобы добраться до общежития. Устраиваюсь спать на кожаном диване второго отсека.

Кажется, только-только заснул, а меня уже разбудил сильный крик ревуна. Сунув ноги в незашнурованные ботинки, я заторопился на свой КП. На силовом щите глухо клацает переключатель, и на пультах вспыхивают гирлянды разноцветных лампочек. Начинается приготовление корабля к походу. Люди делают свое привычное дело, и, наверное, ни один человек сегодня не волнуется так, как волнуюсь я. Сегодня полетит моя первая ракета. Да,

менно моя. Разве каждый ее блок, каждый клочок ее обшивки не обогрет и не обласкан теплом моих рук? А вдруг что-нибудь не так?

— Товарищ лейтенант, — как выстрел в наступившей тишине звучит тревожный доклад Королева, — не работает автомат...

— Снять питание! — команду я и чувствую, что па-луба уходит из-под ног.

Я бросился к Валькиному пульту, снял заднюю крышку. Торцовый ключ соскочил с гаек и больно ударил меня по пальцам. Видать, давненько никто не заглядывал внутрь прибора. Вытаскиваю неисправный блок. Кто-то над моим ухом протяжно присвистывает. Да, дело — труба. Такие поломки устраняются обычно в специальных мастерских.

— Что ж, — говорю я. — Нашей вины здесь нет. Выход в море придется отложить.

— Техника тут ни при чем, — громко и отчетливо произносит Королев. Все головы поворачиваются в его сторону, на лицах недоумение. — Виноват я, — твердо повторяет Валька. — Еще вчера слышал посторонний стук, но не обратил на него внимания...

Минуту все настроенно молчат. Потом без команды операторы расходятся по рабочим местам. Около пульта остаемся только мы с Королевым. Я смотрю ему прямо в глаза. Он не отводит взгляда, только чуть-чуть подергиваются его веки. Именно таким бывал Валька в школе, когда стоял перед классом, не выучив урока. Не краснел, не опускал глаз, только вот так же дрожали его веки.

— Мы не имеем права срывать стрельбу! — хрипло я. — Слышишь, ни ты, ни я, ни они! — И, внезапно успокоившись, распоряжаюсь: — Королев, Саркисян, быстро запасные части и инструмент! Автомат должен войти в строй.

В отсек влетает взъерошенный Вольский.

— В чем дело? — на ходу выкрикивает он. Я докладываю о поломке. Лицо его светлеет, из груди вырывается облегченный вздох. — Фу ты, пронесло! Я думал, заправили схему. Посадили за пульт Саркисяна — и хана, Плакала бы тогда моя академия...

Валька выдвигается вперед, хочет что-то сказать капитан-лейтенанту. Я крепко сжимаю Валькин локоть.

— Будем вызывать мастеров. Пиши заявку, — говорит мне Вольский.

— Разрешите попробовать самим? — негромко спрашиваю я.

— Самим? Не сумеем. Да и не положено.

— Давайте рискнем, товарищ капитан-лейтенант, — продолжаю я настаивать.

Он несколько мгновений молчит, словно взвешивает, стоит ли рисковать, затем решительно снимает китель:

— Рискнем! Все равно этот блок придется менять.

Я никогда еще не имел дела с таким сложным механизмом. Здесь недостаточно инженерных знаний, здесь пужны еще и руки опытного слесаря-наладчика. Каждый кулачок, каждый валик надо выставить с микронной точностью. У меня двое помощников — Валька и сам капитан-лейтенант Вольский. Я не вижу их лиц, вижу только запачканные смазкой ладони и слышу за собой их прерывистое дыхание, понимаю, что на карту поставлен мой авторитет, авторитет корабельного инженера.

И вот автомат оживает. Я смотрю на узкую щель шкалы; в которой сменяют друг друга черные колонки цифр, я готов кричать, петь от радости. Да, это не мелком по доске. И что мне втемяшился в голову этот мелок?

— Молодец! — говорит мне капитан-лейтенант Вольский. — Пожалуй, я могу спокойно ехать на экзамены.

Через час мы покидаем бухту. Погода на редкость хорошая. Навстречу бегут мелкие волны и, ласково журча, разбиваются о форштевень лодки. Воздух чист и прозрачен. Мы с Валькой стоим на мостике и смотрим, как по-

степенно исчезает за кормой знакомый маяк. Долго он белым карандашом висит над горизонтом.

Я вспоминаю всех наших однокашников:

— Леша Комаров... Ого-го! Этот далеко пошел. Окончил институт, теперь строит металлургический комбинат в Индии. Коля Гладышев... Стал военным летчиком. Может быть, это он должен обнаружить для нас «противника», определить и передать нам его координаты.

Королев дымит сигаретой и слушает.

Колокола громкого боя прерывают перекур. Боевая тревога! Значит, с борта самолета получена первая радиограмма.

Снова до мелочей знакомая обстановка: мерное жужжание электромоторов, мелькание стрелок, утиные покрякивания ревунов. Ракетная атака началась. Каким тесным стал вдруг ракетный отсек. Он напоминает мне кабину космического корабля, а операторы в кожаных шлемофонах удивительно похожи на космонавтов!

Рядом с Валькой сидит у пульта Саркисян. Сегодня он всего лишь дублер. Но я вижу, как напряжинилась, выросла в кресло худошавая его фигура, и верю — будет он отличным ракетчиком.

Над лодкой сейчас колыхнется многометровая толща воды. Не пробиться сквозь нее солнечным лучам. А там, наверху, где-то за многие сотни миль от нас, идет конвой «противника», и напрасно обшаривают море цепкие взоры его радаров. Он не смог обнаружить нас, а на шкалах наших приборов уже протянулась к нему красная паутилка боевого курса.

Наши пульта, словно крепким рукопожатием, соединены с ракетой. Медлительно идут секунды. У меня на командном приборе вспыхивают транспаранты. Зеленые, желтые, голубые. Их становится все больше и больше. Передняя панель похожа на огромный калейдоскоп. Раз! И все вдруг гаснет. Остается только яркая белая надпись о готовности. Я почти наяву вижу, как рука командира

лодки тянется к кнопке «ЗАЛП», хотя между нами стальные переборки.

И вот он залп! Ох, как вздрогнула лодка! Вздрыгнула, словно конь, остановленный на полном скаку. С ревом — этот рев слышен во всех отсеках — вырвалась из шахты грозная ракета. Сейчас она, окутанная облаком пара, появится на поверхности, взмоет в небо и неотвратимо устремится к цели.

Остались последние, самые напряженные минуты ожидания. Нервно вздрагивает волосинка-стрелка секундомера. Лодка всплыла. И вот из динамика боевой трансляции срывается в отсек чей-то ликующий голос:

— Прямое попадание! Цель поражена! Поздравляю с удачей!

Кто-то подходит ко мне, стискивает так, что трещат кости. Прямо перед собой я вижу Валькино лицо,

— С победой, дружище!

ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Я приехал в штаб дивизиона противолодочных кораблей за полчаса до начала инструктажа. Дежурный проводил меня в кабинет комдива. Ба, вот это встреча! Я знал, что прежний комдив перевелся на другой флот, но даже не подозревал, что на его место назначен капитан третьего ранга Петров.

— Рад приветствовать достойного представителя стороны «синих»! — сказал он, вставая из-за заваленного картами стола.

Михаил Васильевич Петров — мой однокашник по военно-морскому училищу. Я смотрел на его раздобревшую фигуру, на прическу типа «внутренний заем», которая с трудом скрывала обширную пустошь на его голове, и вспоминал стройного пышноволосого курсанта, первого кавалера на наших училищных вечерах.

Он пошел дальше меня. На его кителе поблескивал академический значок.

— Каким ветром к нам? — задал я обычный в таких случаях вопрос.

— Попутным, брат, попутным! — горланно рассмеялся Петров. — Прибыл по замене. Три года после академии отбарабанил в местах, где Макар телят не пас!

— Как поживает Лида... Лидия Дмитриевна? — поправился я.

— Супружница-то? А что ей делается? Процветает! Сашке нашему с декабря одиннадцатый пошел. Вот такие дела, брат! А ты мало изменился. Вас, жилистых, время не берет! Что ж ты о себе ничего не рассказываешь? Командиром лодки стал — вижу. Жена, дети есть?

— Пока обхожусь. Холостому служить спокойнее. Проснулся, поел, и никаких забот...

— Но-но! Это ты загибаешь! Нам ведь по тридцать с хвостиком. Уже присмотр требуется. Возраст, брат, берет свое...

Инструктаж затянулся надолго. Возникли вопросы у командиров противолодочных кораблей, кое-что не сразу уяснил я. Уточнили все до мельчайших деталей. Расходились затемно.

— Ну а теперь я забираю тебя с собой, — заявил Михаил Васильевич. — Отужинаем вместе, вспомним гардемариинские времена!

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо. Я всегда так краснею, что даже на шее выступают багровые полосы. И, заторопившись к выходу, я понес какую-то чушь насчет своей занятости.

Петров догнал меня. Повернул за плечи.

— Не ври! Все равно спешить тебе некуда. А Лидухе будет сюрприз. Ты же когда-то был в нее того... Не делай, пожалуйста, больших глаз, думаешь, я так уж ничего и не замечал?

Петровы занимали квартиру в небольшом кирпичном особнячке, двор которого был похож на сад. Стоял март, и вздернутые к небу голые ветви яблонь были густо обсы-

паны проклевывающимися почками. В воздухе пахло нарождающейся зеленью. На стук калитки из глубины двора выбежал большой, красивый, должно быть породистый, пес. Молча оскалил зубы, но, увидев Петрова, подобострастно замахал хвостом.

Лидия Дмитриевна встретила нас в тесном коридорчике, выполняющем роль прихожей. Она, наверно, всегда так встречала мужа. Может быть, обнимала, целовала в щеку или в губы. Но сегодня, увидев рядом с ним чужого человека и не узнав меня при слабом свете маленькой лампочки, она вопросительно посмотрела на Петрова. Потом пригляделась, тихонько ойкнула и, отступив на шаг, спросила:

— Сергей?

— Он, конечно он! — чуть наигранно забасил Михаил Васильевич.

Повесив мою шинель, он с великодушием счастливого человека ладонью легонько подтолкнул меня к Лидии Дмитриевне.

Позже, в ярко освещенной комнате, я заметил и легкую сетку морщинок возле глаз, и первые снежные паутинки в каштановых завитках ее волос, но здесь, в полутемной прихожей, она показалась мне точно такой же, какой я увидел ее когда-то за деревянным барьерчиком училищной библиотеки. Неужели с той поры прошло четырнадцать лет?

Я держал в своей ладони ее маленькую горячую руку. Неловкая пауза затягивалась.

— Чего мы здесь стоим? — первой спохватилась она. — Проходите же в комнату.

— Ты меня извини, Сергей, — сказал Петров, — я переоденусь. Дома привык к разлеталке.

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся оттуда в каком-то странном одеянии, представлявшем нечто среднее между лыжным костюмом и пижамой.

Мы сидели на просторной оттоманке, вели незнача-

щий и нудный, как осенний дождь, разговор. Лидия Дмитриевна заглянула к нам из кухни.

— Вы не заскучали, мальчики? — спросила она.

И от этого ее мимоходом оброненного «мальчики» повеяло чем-то далеким, тревожно счастливым и безвозвратно потерянным.

Неслышно ступая по ковровым дорожкам, Лида быстро накрывала стол. Петров ел неторопливо, со вкусом, похваливая хозяйку, и подмигивал мне, словно хотел сказать: смотри, мол, что такое семейная жизнь, в столовой тебе такого борща не подадут. От выпитой рюмки коньяка он совсем развеселился.

Потом с улицы шумно ввалился Сашка. Он был очень похож на мать. Такие же синющие, не видно белков, глаза, такие же ямочки на щеках. От отца он, наверное, получил в наследство только добродушно толстую нижнюю губу.

Михаил Васильевич усадил его за пианино. Заставил играть. Мальчишка играл хорошо, и опять отец подмигивал мне: смотри, что вытворяет, может, добьется такого, что нам с тобой и во сне не снилось...

Он был прав. Такое мне действительно не снилось никогда. Лида редко приходила в мои сны, но всегда почему-то в такие моменты, когда мне бывало трудно. Я катился в ледяную пропасть, судорожно хватался руками за ее края, острые льдины впивались в тело, крик застревал в горле. И тут появлялась она...

Петров снова ушел в другую комнату — проверять уроки сына. Мы остались вдвоем с Лидой. Она подседала ко мне.

— У тебя совсем нет седых волос, — сказала она и осторожно провела рукой по моей голове.

Я промолчал, хотя самого меня настораживала ее ранняя седина. «Не показное ли благополучие в ее доме? — думалось мне. — Может быть, в глубине души она жалеет о своем выборе...»

...Учения начались на следующий день. За бонами нас встретила свежая погода. Не удивительно: март — один из самых ветреных месяцев года. Лодку сильно валяло. С шипением пузырился воздух в обнажавшихся шпигатах. Волны сразу же стали захлестывать мостик.

— Море нынче горбатое, товарищ командир! — прокричал за спиной вахтенный сигнальщик.

На мостик поднялся посредник — один из штабных офицеров дивизиона Петрова.

— Достанется сегодня вашим «эмпекашкам» *, — сказал я ему.

— Ничего, мы народ привычный, — улыбнулся капитан-лейтенант.

Мне хотелось расспросить его о Петрове.

— Ну как ваш новый комдив?

В глубине души я почему-то ждал, что офицер скажет: «Флегма, все дела тянет за него начальник штаба» или что-нибудь в этом роде. Но он ответил:

— Ничего, головастый мужик. Одним словом, академик...

«Академия ума не дает», — подумал я про себя, а вслух сказал, изобразив на лице улыбку:

— Однокашники мы с ним. Четыре года рядом сидели.

— Никогда бы не подумал! Вы выглядите намного моложе! — удивился капитан-лейтенант и попросил у меня разрешения закурить.

— Накуривайтесь на целые сутки, — сказал я. — Когда погрузимся, будете только слюнки глотать. У нас с курением туго.

Он задымил сигаретой. У меня почему-то пропало желание разговаривать с ним. «Осторожничают. Сразу видно, штабник. На корабле небось и не служил, а форсу на две должности выше, чем занимает...»

* МПК — малый противолодочный корабль.

Из люка вынырнул штурман.

— Товарищ командир, — доложил он официально и деланно безразличным тоном, хотя гордость из него так и выпирала, — через пять кабельтовоов прямо по курсу полигонный буй!

Это означало: ахайте и удивляйтесь, товарищ посредник, столько миль за кормой, а в точку пришли, как по рельсам. Не лыком шиты!

Вскоре я действительно увидел среди волн продолговатый, похожий на дельфина поплавок.

— Подходим к точке погружения, — сказал я посреднику. — Можете спуститься вниз проверить координаты по карте.

Он кивнул и остался наверху.

— Готовить мостик к погружению! — скомандовал я, привычным движением убрав откидную площадку для ног.

Все ушли вниз. На мостике остались только мы с посредником. Слабая предутренняя дымка совсем рассеялась, и на западе показались корабли.

— Идут, супостаты. Ваши? — спросил я у капитан-лейтенанта, передав ему бинокль.

— Ага, — подтвердил тот. — На головном сам комдив. А вторым идет двести четвертый! Я его издалека узнаю по такелажу. Бывший мой. — Он вздохнул, и уголки его губ на мгновение опустились вниз, как у обиженного ребенка.

— Теперь вниз, — сказал я посреднику. Затем еще раз посмотрел в сторону противолодочных кораблей, над которыми уже обозначились тоненькие мачты, и крикнул в переговорную трубу:

— По местам стоять к погружению!

Громко клацнул над моей головой кремальерный замок крышки рубочного люка. Пять секунд — и я уже впишу. Еще несколько команд — и ухнула вода в балластные цистерны. Лодка устремилась вниз под спасительную и в то же время грозную толщу моря.

Я заглянул в выгородку штурмана. Порядок, заведенный с незапамятных времен, был нерушим. В желобе стола аккуратно, один к одному, разложены карандаши, очиненные «волосинкой» и «лопаточкой», клочок замши — смахивать с карты карандашные стружки. Ох и консерваторы эти штурмана! О двадцатом веке свидетельствовал лишь гирокомпас и несколько других приборов, гудевших и пощелкивавших на переборках.

Штурман потеснился, давая мне возможность стать рядом. На ходовой карте перед ним паутинкой вытянулся пройденный путь, почти на самой линии прилепились кружочки определений. Я прикинул на планшете возможные способы маневрирования.

— Будет жарко, — сказал я штурману. — Справимся? Он откинул со лба прядь волос:

— О чем разговор, товарищ командир!

Выждав положенное время, я подвсплыл на перископную глубину. С сожалением отметил, что неверная союзница — погода — переметнулась на сторону Петрова. Ветер переменял направление и, прибив старую волну, новую еще не успел разогнать. В голубоватых линзах перископа колыхалась белая, словно покрытая инеем поверхность моря. Противолодочные корабли остались где-то сзади за линией горизонта, поблизости не видно ни дымка, ни силуэта.

Через полчаса у меня уже болели подушечки больших пальцев. Думаю, я сразу определил бы подводника по мозолям на его ладонях: длинная подковообразная в центре — от поручней трапа, поменьше и поплотней под большим пальцем — от рукояток перископа.

— Наблюдаем три малых цели! — доложили локаторщики.

«Вот оно, началось», — подумал я, подавая команды:

— Опустить выдвигные устройства! Боцман, нырять на глубину!..

Метр за метром мы погружались все глубже и глуб-

же. Воздух в лодке загустел. Началось сильное отпотевание. Отсечные переборки и подволок пустили «слезу».

Глазами, а вернее, ушами лодки стали сейчас акустики. В их маленькой, всего в одно отделение хорошего гардероба, рубке шорохами и всплесками говорило море. Но вот в его привычный шум клокотанием кипятка ворвался посторонний звук.

— МПК, пеленг двести сорок! — доложил акустик. — Контакт с нами не имеют!

— Стоп оба мотора! Штурман, будем идти толчками! Боцман, докладывать изменение глубины!

Я мысленно проверил себя. Уверен? Да. Спокоен? Вряд ли. Лихорадочное чувство азарта охватило меня. Выиграть во что бы то ни стало! Противопоставить расчетливой, «академической» тактике свою, доморощенную, основанную на личном опыте и дерзком риске. Прорваться и уйти незамеченным, а если обнаружат, закатить такие заячьи петли и восьмерки по курсу и глубине, чтобы у операторов там, наверху, глаза да лоб от удивления полезли. Пусть тогда попробуют рассчитать прицельное бомбометание!

Впрочем, лично против этих парней, таких же молодых, чубастых и задорных, как мой штурман, я ничего не имел. Но они готовили исходные данные для Петрова, помогали ему принять верное решение, в конечном счете помогали ему одолеть меня. Я вдруг представил, как он будет дома рассказывать жене о своей очередной удаче, и злой азарт охватил меня. Ну нет же, не бывать этому!

В отсеках ни звука. Все в напряжении. Каждый матрос сейчас участник поединка, в котором не может быть ничьей. Мы или они — это для всей команды. А для меня вопрос стоит еще и так: я или он.

По корпусу вдруг ударила горошина, за ней вторая, третья, четвертая... Они ударялись и отскакивали, совсем как комочки жеваной промокашки от классной доски, когда ее обстреливает из трубки какой-нибудь озорник.

— Посылки гидролокатора, пеленг... — тревожный доклад из акустической рубки.

Обнаружены! Но не уничтожены! Это всего лишь легкий нокдаун, но не поражение.

Как всегда, четко работал штурман. На боевом планшете синей линией — маневрирование поисковой группы, красной — наше уклонение. Надо отдать должное Петрову — пока он не сделал ни одной ошибки. Ну что ж, подкинем ему первую петлю.

— Руль лево на борт! Боцман, ныряй на глубину!..

Может быть, удастся уйти под слой «скачка» — слой воды с пониженной звуковой проводимостью.

— Как дела, штурман?

— Ведем на хвосте, товарищ командир!

Не получилось. Петров настороже. Разноцветные линии на планшете сближаются. Оттого, верно, хорошее настроение у нашего посредника.

— Право на борт.

Еще одна петля. На этот раз удалось сбить корабли с курса сближения.

— Стоп моторы! Боцман, приготовься держать глубину на заднем ходу!

Теперь делаем восьмерку. Мою личную, рискованную восьмерку!

— Товарищ командир, контакт с нами потерян!

Отлично! Ну как, товарищ «академик», раскусите ли вы этот орешек? И не испортилось ли настроение у посредника? Смотри-ка, парень умеет выдерживать характер. Зато штурман сияет, как именинник.

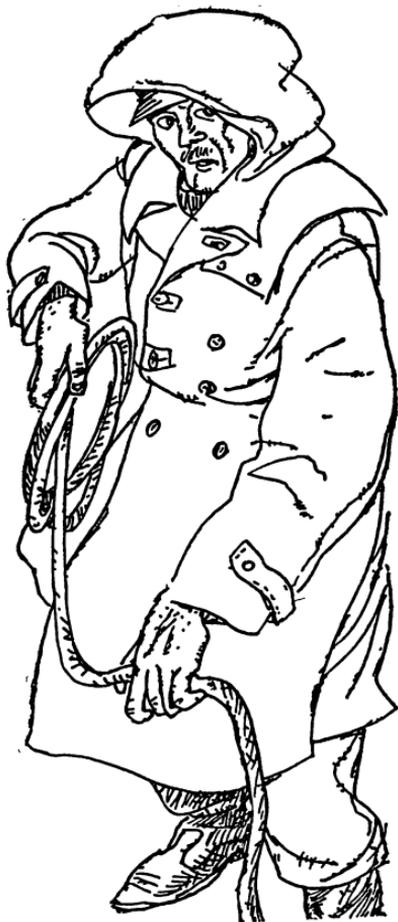
— Все! Очистили хвост, товарищ командир!

Я опять принялся колдовать над планшетом. Попробовал прикинуть за Петрова. Пока он будет идти прежним порядком, контакта ему не восстановить. Единственно правильное решение — перестраивать корабли. Интересно, прорабатывали ли подобный вариант академические теоретики?

Я снова проверил себя. Странно! Вот сейчас я абсолютно спокоен. Куда девалась вся моя злость? Пришпорил свое самолюбие: слушай, ведь там наверху Петров! Понимаешь ли ты, Петров! Пусть. Но для тебя он сейчас только условный противник. А на самом деле товарищ по оружию. Сосед по окопу, как говорили еще наши отцы лет двадцать тому назад. А личное? Что же, личное всегда остается личным...

Нет, у меня ни на секунду не возникло намерения уступить. Просто я искренне пожелал ему найти свое единственно правильное решение.

ГЛАВНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Семья Потаниных была легка на подъем. Не имели они громоздкой мебели, чемоданы всегда стояли наготове. Когда Виктор Николаевич получал новое назначение, он приходил домой взбудораженный и счастливый, командовал весело:

— Настя, Сергей, боевая тревога! На сборы — двое суток!

Жена и сын спрашивали в таких случаях лишь об одном:

— Мы полетим самолетом или поедем?

Потанин на удивление быстро продвигался по службе. К тридцати годам он стал начальником штаба противолодочного дивизиона, в то время как многие его однокашники находились еще на гораздо более скромных должностях.

Вся семья отправлялась в дорогу разом, к неудовольствию старших начальников Потанина, в кабинетах которых Настя с Сережкой устраивали порой временные новоселья. Правда, потом все

улаживалось. Настя снимала комнату в городе, и жизнь входила в нормальное русло.

На этот раз традиция была нарушена. Виктор Николаевич уехал к новому месту службы один, и не в приподнятом настроении, как обычно. В кармане лежало предписание убыть в распоряжение отдела кадров одной из северных баз.

Правда, радоваться было нечему. В душе его не рассалась горечь, оставшаяся после многочисленных разборов и внушений, а перед глазами постоянно маячили разящие строки приказа: «Капитана третьего ранга Потанина В. Н. снять с занимаемой должности и назначить с понижением».

Наказание справедливое. Именно он, никого не спросив, распорядился выпустить в море корабль и понес свою долю ответственности за аварию. Но он впервые попал в такую ситуацию и не знал, как будет дальше служить...

В поезде он много думал об этом. Представлял себе удивленные физиономии знакомых северян, которые наверняка знали о его стремительном росте и могут предположить, что он прибыл к ним командиром части.

Соседи по купе пригласили сыграть в преферанс. Виктор Николаевич согласился, чтобы хоть немного отвлечься. Но отвлечься не смог. Равнодушно смотрел на загадочный прищур карточных дам и королей, пропускал мимо ушей прибаутки партнеров:

— Туз — он и в Африке туз!

— Мал козырек, но любому тузу поперек!

«Вот и я был простым валетом, а возомнил себя козырным королем...» — мысленно сыронизировал Потанин, которого не забавляли ни удачная раскладка колоды, ни одобрительное хмыканье в ответ на его рискованную игру.

Закончив пульку и распив вместе с соседями выигранную дюжину пива, он извинился и забрался на свою верхнюю полку, тщетно надеясь заснуть...

Начальником отдела кадров базы оказался один из бывших командиров Потанина. И Виктор Николаевич, долго настраивавшийся молчаливо переносить соболезнования и подначки, сразу же растерялся.

— Бери, Витя, стул, садись, — дружелюбно встретил его капитан первого ранга Васильев, назвав по имени, как в пору их совместного плавания. — Слышал о твоей беде, слышал... Конь, брат, о четырех ногах и то спотыкается.

Потанин молчал, не понимая, сдабривает ли Васильев горькую пилюлю показным добродушием или вправду сочувствует.

— Семейство-то где твое?.. Выходит, зря я диван в кабинете поставил... Что же тебе предложить? Вакансий у меня раз-два и обчелся. Есть одна подходящая должность, только... Погоди-ка чуток. — Васильев потянулся к телефонной трубке.

Слыша его ответы, Потанин догадался, что человек на другом конце провода не возрадовался предложенной кандидатуре.

— Верно, он самый... — говорил кому-то Васильев. — Да, но он толковый офицер, уверяю вас... Что ж, буду сам улаживать в кадрах. До свидания.

Он потер рукой крупную залысину и, наклонившись над бумагами, пояснил:

— Предлагаю тебя в помначштаба части. Приличный оклад, категория соответствует.

— А вы меня самого сначала спросите, товарищ капитан первого ранга, — набычился Потанин, — хочу ли я в штаб?

— Обижаетесь? — с усмешкой глянул на него Васильев. — А ведь сняли тебя за дело. Любого бы сняли на твоём месте. Даже комендантский взвод могли предложить.

— На взвод я тоже не пойду, — резко сказал Потанин. — Только на корабль — и никуда больше.

Васильев встал, с шумом отодвинув стул.

— Не забывай, Витя, что больше тральщика тебе не дадут, а какой в этом смысл?

— Я согласен даже на торпедный катер, — упрямо сжал губы Потанин.

— Зря горячишься. — Васильев снова стал устраиваться за широченным столом. — Никто тебя не торопит. Подумай хорошенько, взвесь все. Я и то собираюсь воевать за тебя с начальством, а ты сразу капитулировать. Семью-то когда перевозить думаешь? — перевел он разговор. — Про диван это я в шутку, можешь прямо ко мне. Мы теперь вдвоем с женой в квартире остались. Сын в училище в Ленинграде, а дочь второй год в Москве, в университет поступила.

— Спасибо, Петр Ильич, думаю пока обжиться один.

— Гляди, дело твое...

Через пару дней Потанин подходил к проходной части. Дежурный офицер, вернув документы, вежливо козырнул новому командиру.

— Штаб направо, — пояснил он.

Но Потанин, миновав штаб, направился сразу к своему тральщику — аккуратному кораблю нового проекта с красивыми обводами, грациозно скошенной назад трубой. На нем были дальнобойные реактивные бомбометы, счетверенные зенитные пушки.

И все же Потанин взгрустнул, вспомнив сторожевик, на котором плавал несколько лет назад. Там была скорость, стремительный маневр, как раз то, что отсутствовало у этого скромного пахаря моря. Но радость от сознания того, что он все-таки командир корабля, что ему дали возможность исполнять главную должность на флоте, вытеснила это мелкое огорчение.

Команду тральщика выстроили на подъем Военно-морского флага. Плотным квадратом стояла она на юте. Обычно нового командира представлял либо комдив, либо начальник штаба. Но Потанин понимал, что эта церемония льстит самолюбию того, кто поднялся ступенькой выше

по служебной лестнице, а ему... «Будь, что будет», — решил он, взбегая по трапу на палубу тральщика.

— Исполняющий обязанности командира капитан-лейтенант Райкунов, — отделился от строя и подошел к нему невысокий веснушчатый офицер с выгоревшими бровями и строгим лицом.

«Значит, мой помощник», — подумал Потанин, пожимая ему руку.

Ни сразу, ни потом за обедом в кают-компании тральщика никто не задал командиру обычных в таком случае вопросов: откуда прибыл, чем командовал раньше?

«Знают все, — решил Потанин. — Ну и пусть, может, это к лучшему».

Годы кочевой жизни приучили его быстро обживаться на новом месте. Скоро его перестали раздражать и серый, словно процеженный через марлю весенний заполярный день, и мигающие с утра до ночи фары автомобилей на улицах. Он уже привыкал и к Северу, и к своему кораблю, и к новому положению.

Как-то утром Потанин торопился на корабль к подъему флага. Вдруг за его спиной взвизгнули тормоза, хлопнула дверца машины.

— Потанин? Ты ли это? — пророкотал чей-то баритон. — Сколько лет, сколько зим! — Из машины выбрался грузноватый майор интендантской службы. Года два назад он был начхозом в дивизионе Потанина. Особой расторопностью не отличался и потому ему частенько приходилось вести неприятные объяснения в кабинете начальника штаба. Теперь он торжествовал, об этом говорило бесцеремонное обращение на «ты».

— Когда мне рассказали, я не поверил... Как же, думаю, такой молодой, способный, энергичный... Если таких снимать, кому же тогда служить?

— Извините, товарищ Лукашевич... — вежливо перебил его Потанин, — я тороплюсь. Хотите поговорить, приходите ко мне в общежитие.

Настроение было вконец испорчено. Появилось какое-то нехорошее предчувствие, которое сбылось вечером, когда на корабль неожиданно прибыл командир части с группой специалистов. Эти дотошные офицеры облазили весь тральщик от киля до клотика и раскопали кучу недостатков.

— Вы не забыли,— сказал командир части, подытоживая проверку,— что такое Баренцево море? Здесь принимать солнечные ванны на мостике не придется! — И, не дав Потанину ответить, приказал: — Немедленно займитесь отработкой борьбы за живучесть — раз; лично контролируйте выучку мотористов — два; добивайтесь слаженности ходовой вахты — три...

«Значит, не совсем уверен во мне, коли лично решил проконтролировать,— с горечью подумал Потанин, проводив начальство.— А вообще-то я тоже принимал новых офицеров как приложение к аттестации». И невольно отметил, что помощник скромно помалкивал, когда начальство прочищало мозги Потанину, хотя большая часть вины лежала на нем. Понятно, он обижен, давно пора самому встать на командирский мостик, но ведь не Потанин тому виной.

Внешне Райкунов был подтянут и предупредителен, однако Потанин постоянно наталкивался на его молчаливое сопротивление. Если Потанин дольше обычного читал суточный план, помощник деликатно напоминал:

— Моя подпись уже стоит под ним, товарищ капитан третьего ранга... Можете положиться.

— Я утверждаю документ, а не автограф ставлю, товарищ капитан-лейтенант, — парировал выпад Потанин.

— Планирование относится больше к моим функциональным обязанностям, — не сдавался помощник Райкунов.

Вскоре его с трудом маскируемая неприязнь к Потанину выплеснулась наружу. Случилось это на одном из контрольных выходов корабля. По учебно-боевой тревоге

расчеты зенитных автоматов не расчехлили и не сняли со стопоров орудийные установки.

— Помощник не велел... — оправдывался старшина команды комендоров. — Чехлы только что починили и постирали. К сдаче курсовой готовимся...

— В следующий раз я строго накажу вас, товарищ мичман, — не повышая голоса, сказал Потанин, — за малейшую условность. Учтите это.

После швартовки капитан-лейтенант Райкунов без стука вошел в командирскую каюту.

— Вот... берите все документы и делайте с ними что хотите, — срывающимся голосом сказал он, свалив на стол груду корабельных журналов. — Заводите штабные порядки! — И выбежал вон.

Потанин хотел окриком остановить помощника, но сдержался. Посидев немного в раздумье, крутнул вертушку корабельной АТС.

— Садитесь, — сказал командир, когда помощник пришел. — Садитесь! — повторил он громче, видя, что Райкунов продолжает стоять возле двери. — И объясните, чем вызван ваш демарш.

Помощник присел возле стола, аккуратно сложил в стопу журналы, затем рывком отодвинул их в сторону.

— Вызываете на откровенность, товарищ командир? — поднял голову он. — Пожалуйста! Думаю, что мы не сойдемся характерами. Вы печетесь о своем авторитете, а мой, по-вашему, ничего не значит? Конечно, опыта у вас достаточно — уже три месяца тральщиком командуете. А кто сколачивал корабельный экипаж, что каждый день вставал спозаранку и ложился за полночь?

Потанин нервно постукивал по столу согнутыми пальцами.

— Вы правы в одном, — произнес он после затянувшейся паузы, — на тральщиках я раньше не служил. У вас опыта гораздо больше... Может, мне следует почаще с

вами советоваться. Только я давно уже могу раскусить любую показуху. И я не потерплю ее на корабле.

— С чехлами была не показуха. Людей пожалел, чтобы лишний раз не стирали.

— Людей не жалеть, людей учить надо.

— У нас с вами, товарищ командир, видимо, разные взгляды на подобные вещи, — усмехнулся помощник.

— А этого не должно быть.

Райкунов передернул плечами.

— Вы думаете, товарищ помощник, что я лезу из кожи вон, чтобы побыстрее реабилитироваться? Ничего подобного! Я привык на любом месте честно исполнять свой долг. Пока я командую кораблем, буду требовать этого от каждого подчиненного, в том числе и от вас... — Потанин снова помолчал и закончил, глядя Райкунову прямо в глаза: — Я надеюсь, что сегодняшний разговор будет последним. Иначе... кому-то из нас двоих действительно придется расстаться с тральщиком.

— Ясно, — помедлив, ответил помощник. — Разрешите идти?

В июне нежаркое северное солнце почти не сходило с небосклона. Даже когда его со всех сторон обкладывали косматые дождевые тучи, то и тогда не получалось иллюзии темноты. Но долгий день вполне устраивал Потанина: тральщик сдавал курсовые задачи, и, чем ближе подходил корабль к первой линии, тем больше становилось дел.

Виктор Николаевич теперь совсем переселился в корабельную каюту. Настя писала ему часто и в каждом письме спрашивала, скоро ли ей и сыну собираться в дорогу. Потанин просил обождать еще немного: он решил вызвать семью после похода, который, хотелось верить, поможет ему утвердиться в новом качестве.

Инструктировать уходящих в поход приехал начальник штаба базы. Коренной помор и бывалый моряк, он

хаживал в войну с караванами до Медвежьего и дальше, отмеривая студеные мили Заполярья. Потанин слушал его с интересом. Того, что говорил адмирал, не прочтешь в лощах. Увлечшись, он не сразу понял, почему вдруг назвали его фамилию.

Это командир части предлагал назначить старшим группы кораблей его, капитана третьего ранга Потанина. Отрешенно, словно речь шла о ком-то другом, слушал Виктор Николаевич доклад о самом себе. Будто издалека долетали до него слова: «У Потанина большой опыт плавания... Допущен к управлению пятью различными проектами кораблей... У него самый подготовленный помощник...»

— Добро, — подытожил инструктаж адмирал. — Старшим командиром назначается Потанин.

Назавтра корабли вышли в море. Потанин вел группу из трех тральщиков. И хотя головной не нес никакого брейд-вымпела, на него, как на флагманский корабль, шли донесения и доклады. Снова Виктор Николаевич был в своей стихии. Он почти не покидал мостика, спал пять-шесть часов в сутки, примостившись на кургузом диванчике в штурманской рубке. Сюда, в рубку, ему и принесли штормовое предупреждение: ожидался восточный ветер силой более десяти баллов.

До самого ближнего укрытия было восемьдесят миль пути, а с учетом дрейфа и того больше. Приходилось встречать шторм в открытом море.

Ветер налетел стремительно. Первые его порывы растрепали белые чалмы волн, швырнули на мостик тральщика ноздреватые клочья пены. Прямо на глазах вспухала белесая поверхность моря.

— Задраить наружные двери! Команде на палубу не выходить! — распорядился Потанин. По его сигналу весь отряд сбавил ход.

Скоро буро-зеленые валы стали окатывать тральщики по самые дымовые трубы. Потанин тревожно поглядывал

на палубу, где пенные водовороты клокотали вокруг тральных буюв и тележек с учебными минами: не сорвало бы чего-нибудь. Но крепления держали надежно, и Виктор Николаевич помянул про себя добрым словом помощника.

Даже на мостике чувствовалось, как сотрясается стальное тело тральщика. Машины работали на средний ход, а корабль едва выгребал против волны и ветра. Темные силуэты задних кораблей то поднимались высоко, то маячили далеко внизу. Но весь маленький отряд упорно держался на заданном курсе.

Разноголосая симфония шторма не испортила хорошего настроения Потанина. Она лишь раззадорила командира. Его уверенность передалась всему расчету главного командного поста.

— Радиограмма с концевого! — доложили из радиорубки. — Заклинило линии валов, потерял ход, крен достигает пятидесяти градусов.

— Право на борт! Обе машины — самый полный! — скомандовал Потанин.

— Почему изменили курс? — услышал он рядом недоменный вопрос помощника, по боевой тревоге пришедшего на мостик.

— Концевой без хода. Будем брать на буксир. Готовьте швартовую команду.

Райкунов прильнул к рубочному стеклу.

— Восемь баллов... — прошептал он.

Потом, стоя уже на корме, возле тральной лебедки, помощник тревожно поглядывал то на мостик, то на огромные волны, которые несли им навстречу беспомощно пляшущий тральщик. Расстояние между кораблями сокращалось с каждой секундой, а Потанин не спешил отворачивать.

«Выйдет боком нам его лихость!» — сердито подумал помощник, но в этот момент Потанин застопорил ход

корабля и, чуть подвернув, оказался рядом с аварийным тральщиком.

— Готовы принять буксир? — спросил в электромегафон Потанин.

— Попробуем! — откликнулись с концевого. Там тоже понимали, что допусти они промах — и упущенный трос может попасть под винты.

За проводник привязали буксир. Едва его приняли на концевом и он натянулся, как голос Потанина перекрыл шум волн:

— В корме! От конца! Берегись!!!

Толстая стальная струна со свистом рассекла воздух. Буксир допнул, как прелая нитка.

— Готовьте сезальский! — распорядился Потанин. — Заводите его вдвое! На тральщике! — крикнул он в мегафон. — Отдайте якорь, вытравите несколько смычек якорь-цепи! Закрепите их на буксире!

Швартов, скрученный из прочного сезалевого волокна, выдержал. Якорь и часть якорь-цепи своей тяжестью сглаживали резкие рыбки. Буксировщик дал ход, оба корабля начали разворачиваться навстречу волне.

Промокший до нитки помощник не пошел переодеваться. Он глядел на концевой тральщик и спрашивал себя: «Сумел бы я вот так же расчетливо и четко проделать сегодняшний маневр?» И отвечал, не кривя душой: «Нет».

А Потанин, внешне спокойно, измерял шагами рубку.

— Скорость чуть больше узла, — доложил штурман, — едва тащимся.

— Не беда, продержимся и так, — улыбнулся Потанин, — только бы выдержали буксиры.

Волнение отлегло, но в голове все еще стоял сумбур. Почему-то вдруг вспомнились Настя с Сережкой. Сердце тоскливо защемило: кажется, прошла целая вечность с тех пор, как они расстались. Решил сразу после возвращения вызвать их к себе телеграммой. Потом мысли стали

более стройными. Виктор Николаевич начал придирчиво анализировать свои сегодняшние действия. Он понимал, что с него спросят за поломку одного из кораблей, может, будут и неприятности, и все же он был доволен собой.

Кто-то тронул его за плечо. Рядом стоял Райкунов.

— Разрешите сменить, товарищ командир? — сказал помощник. — Моя вахта. — И это «товарищ командир» прозвучало в его устах подчеркнуто уважительно.

Шторм продолжался. По-бурлацки натужно, наваливаясь на волну грудью, тральщик тянул буксир. А горизонт уже опоясывал синий обруч чистого неба.

ПОВОРОТ НА ОБРАТНЫЙ КУРС

Приказание получили ночью, когда подвахтенные безмятежно спали, предвкушая скорую встречу с близкими и не ведая того, что, проснувшись, будут очень далеко от дома.

— Руль право на борт! — хрипло пробурчал командир.

«Хандрит старикан, — подумал о нем штурман, — видеть, и ему не в жилу новая вводная».

«Старикану» было сорок два года. Восемь последних лет он командовал спасателем «Посейдон». А пришел на судно молодым офицером еще в тот год, когда на стапеле приваривали к шпангоутам первые листы корпусной обшивки. Именно ему довелось получить в штабе дивизиона гербовую печать с номером вновь образованной воинской части.

Кадровики распорядились судьбой штурмана вопреки его желанию. После специальных классов он мечтал о повейшем ракетоносце, а его направили сюда, на доживающий свой век вспомогаш.

Старший лейтенант воспринял свое назначение на вспомогательное судно как личное несчастье и при первой же встрече выложил все командиру.

Тот спокойно выслушал его, а потом задал неожиданный вопрос:

— Вы слышали о капитане первого ранга Мальцеве?

Штурман недоуменно глянул на командира: «Глупо спрашивать о том, о чем знает каждый матрос на флоте».

— Мальцев был первым штурманом «Посейдона», — сказал командир, — а вы, Иванов, будете по счету седьмым.

«Иванов-седьмой! Можно лопнуть от гордости, — мысленно сыронизировал старший лейтенант. — Пусть хоть двадцатый, лишь бы не последний. Надо уходить отсюда во что бы то ни стало».

Командир молча оглядел штурмана с головы до ног.

— Я попрошу вас в таком виде на службу не приходить, — кивнул он на модные лакированные туфли старшего лейтенанта.

По щекам штурмана растеклись багровые пятна. Он всегда так предательски краснел и презирал себя за эту слабость.

В переводе на ракетоносец Иванову отказали наотрез. Но он не терял надежды.

Все на «Посейдоне» казалось ему шиворот-навыворот. Неделя тут не разделялась на рабочие и выходные дни. Приказание отдать швартовые могло поступить в любой час. Вот и в этот поход спасатель ушел 23 февраля, торопливо убрав флаги расцветивания. А сейчас его неожиданно завернули назад в океан почти от самых проливов. Нет, никак не лежала у Иванова душа к этой странной посудине, широкой и тяжелой, как утюг.

С первых же недель старшему лейтенанту пришлось полностью окунуться в судовые будни. Сначала «Посейдон» собрал и привел в один из портов разбросанный

штормом караван барж, потом ходил буксировать оставшийся в море без хода тральщик.

Старшему лейтенанту уже довелось лицом к лицу встретиться на «Посейдоне» с разгулявшейся стихией, когда волны ворочали спасатель, словно хотели вывернуть его наизнанку, пенные языки перехлестывали через надстройки, когда, сойдя вниз отдохнуть, надо было ремнями пристегиваться к койке.

— Какой-то иностранец дал «SOS», — сообщил ему командир.

Это означало, что где-то в центре бушующего океана, не выдержав единоборства со штормом, гибнет судно, призывает на помощь.

Курс теперь стал лагом к волне. Валы играли с кораблем, как кошка с мышью: то подбрасывали вверх и подхватывали на лету, то опускали вниз, и он по самую мачту врезался в зеленый водоворот.

— Чертовская погодка, — буркнул командир, — дальше еще хуже будет.

Штурман настороженно присматривался к нему, не понимая, что происходит с капитаном третьего ранга. Того словно подменили.

«Неужто трусит старик? — обожгла старшего лейтенанта неожиданная мысль. — Ага, коли уж вы, товарищ командир, разуверились в старой табакерке, то я тысячу раз прав, добываясь перевода».

Во время вахты штурмана обнаружили цель — бледное размытое пятнышко на зеленом фосфоресцирующем экране, координаты ее значительно расходились с исходными, но в этом районе других судов быть не могло. Невольно старший лейтенант подивился интуиции командира, который сутки назад круто изменил курс «Посейдона».

За ночь ветер ослаб, измученное море тяжело дышало, вздымаясь крупной зыбью. Уже совсем рассвело, когда «Посейдон» появился у аварийного судна.

Оно почти лежало на боку, левый борт совсем скрылся в воде, а на обшарпанном правом борту с трудом читалось название «Элисий».

Вся команда толпилась на шлюпочной палубе, но шлюпок на ней не было. Очевидно, их сорвало и унесло штормовой волной. Разношерстно одетые люди махали над головой какими-то тряпками, их слабые голоса относил ветром в сторону.

— Готовьте аварийную партию, — приказал старшему лейтенанту командир. — Старшим пойдете вы.

Штурман ошарашенно смотрел на командира. Он хотел было заикнуться о своей неопытности, но сообразил, что старикан и сам это прекрасно понимает.

На «Посейдоне» все делалось молча, почти без команд. Натренированные матросы быстро опустили на воду катер.

Штурман облегченно вздохнул, увидев на нем боцмана.

Приплясывая на зыби, катер кружил вокруг «Элисия». Не один раз пришлось ему подходить к борту судна, пока была высажена вся аварийная партия.

Штурмана встретил горбоносый старик в залитом мазутом свитере. Из нескольких английских фраз старший лейтенант понял, что перед ним капитан судна. Но смысл повторяемых капитаном двух слов «крэк бод» он никак не мог понять.

— Трещина у них в борту, говорит, — подсказал боцман «Посейдона».

Старик продолжал лопотать, перемежая английские слова с какими-то другими. Закончив свою тираду, он безнадежно махнул рукой.

— Говорит, ничего нельзя сделать, машинное отделение залито, вот-вот вода попадет в трюмы. Просит снять команду и судовые документы, — перевел боцман.

Команду сняли несколькими рейсами. Притихшие и побледневшие, сидели иностранцы на дне катера, держа

в руках сундучки и узелки с пожитками, только капитан все изливал душу перед советским боцманом.

— На хозяев жаловался,— чуть позже рассказал тот,— калошу эту давно на слом надо списать, а они все гоняли ее через океан. Двое из команды утонули — матрос и коцегар.

Несколько часов «Посейдон» оставался в дрейфе возле обреченного судна. С палубы спасателя видели, как, судорожно вздыбившись, оно перевернулось вверх килем и сразу пошло ко дну.

Отсалютовав флагом, «Посейдон» дал ход и взял курс к родным берегам. Море затихло совсем. Спасенные, все как один, спали в кубриках и каютах, заботливо укрытые бушлатами.

Ушел вниз и командир. Штурман стоял возле рулевого, который легонько поворачивал старомодный, обитый медью штурвал. Разные мысли лезли в голову старшего лейтенанта, ему не хотелось сдаваться, но нельзя было не признать, что «Посейдон» — все-таки нужное судно и не прибудь он сегодня к месту аварии «Элисия», кто знает, что было бы с этими спокойно спящими людьми.

Прервав размышления старшего лейтенанта, рулевой повернул к нему озабоченное лицо, шепнул:

— Вы знаете, у командира большое несчастье. Мать у него умерла. Радист позавчера принял телеграмму, а он никому не велел говорить.

ТАНКИСТЫ СРОДНИ МОРЯКАМ

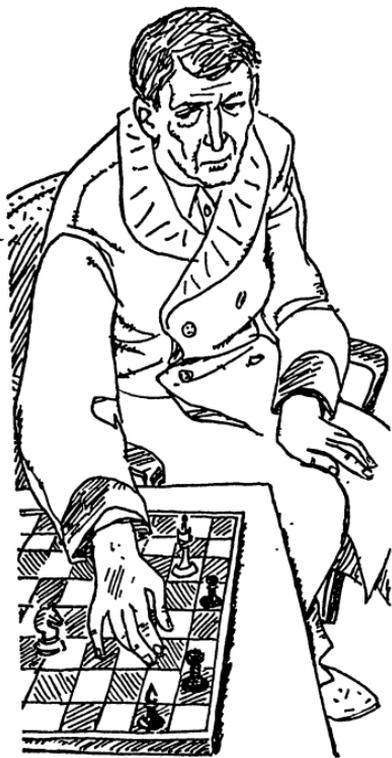
— Запишите диагноз, — сказал врач медсестре, — аппендицит.

— Куда положим больного? — откликнулась та. — Свободная койка есть только в четвертой палате.

— В генеральской? — переспросил врач, подставляя руки под шипучую струю воды. — Ну что ж, пусть побудет пока в четвертой. И сделайте ему пантопон. Сейчас вам, дорогой мой, полегчает, — улыбнулся он мне, — а потом в операционную. Чич-чик — и готово. Студенческая операция.

После укола мне действительно стало лучше. Боль свернулась в комочек и постепенно угасла. Так что я без посторонней помощи доплелся до палаты.

Двое больных играли за небольшим столиком в шахматы. Один из них был в обычном госпитальном наряде, плотную фигуру второго обтягивала шелковая пижама. Шахматист в пижаме выглядел моложе своего соперника. У него было гладкое,

без морщин, лицо с крупным мясистым носом и тонкими губами. Только подпалевный ежик волос и клочковатые брови указывали на то, что он уже далеко не молод.

На мое приветствие он молча кивнул головой, не отрывая взгляда от шахматной доски. Зато его партнер приподнял над переносицей золоченое пенсне и добродушно проворчал:

— Ага, пополнение в нашу инвалидную команду. Милости просим.

Они играли еще с полчаса, беззвучно и сосредоточенно. Потом больной в пенсне сгреб в угол свои фигуры.

— Все. Проиграл. Капитулирую, — сказал он.

— И зря, — возразил второй, — биться надо до последней пешки. Раньше ты так не поступал. Пенсия тебя размягчила, старик!

— Что делать? Видно, так оно и есть, — пожал плечами проигравший и, подойдя к моей постели, протянул мне желтую, словно восковую, руку:

— Белозеров Семен Андреевич, полковник в отставке. В этом заведении прописан почти постоянно.

Я назвал свое имя и фамилию.

— Извините, — вмешался в наш разговор больной в пижаме, — какое у вас звание?

— Капитан второго ранга.

— А сколько вам стукнуло, если не секрет?

— Тридцать три года.

— Возраст Иисуса Христа... Ишь, Семен, молодые-то нынче растут, как грибы! — усмехнулся он, обращаясь к Белозерову. — В его годы мы были всего-навсего капитанами.

— Завидки берут, генерал Томский? — откликнулся тот. — Меня тоже. Молодости его завидую. Великая, брат, штука — молодость! И жаль, что она так быстро проходит.

Широко распахнулись обе створки двери, и сестры вкатили из коридора голенастую госпитальную коляску. Этот скорбный транспорт предназначался для меня.

На другой день Семен Андреевич Белозеров навестил меня в послеоперационной палате.

— Ну, как дела? Молодцом! Как это говорится у вас на флоте: самое главное в жизни — не опускать парусов! Он присел на краешек моей постели.

— Знаете, — продолжал он, — я всегда был неравнодушен к вашему брату. Может, потому, что я старый танкист, а у танкистов много общего с моряками...

Белозеров замолчал, захваченный нахлынувшими воспоминаниями. Это было видно по его безбровому болезненно-бледному лицу, которое то суровело, покрываясь теньями, то вновь светлело от едва заметной улыбки.

— Семен Андреевич, — первым нарушил молчание я, — а чем болен генерал Томский?

— Что? — переспросил он. — Петрович-то? У него богатырский организм. Просто он, как многие здоровые люди, совсем не заметил, как перевалило за шестьдесят, и предложение уйти в запас застало его врасплох... Переживает очень и, смешно представить, мечтает о том, чтобы врачи нашли у него какую-нибудь завалиющую болячку! Не так обидно будет уходить. И злится, когда они в один голос говорят ему: здоров, здоров, здоров.

— Вы, наверно, давно знаете друг друга?

— Судьба нас свела, пожалуй, еще до вашего рождения. Мы были кремлевскими курсантами. Выпуска тысяча девятьсот тридцать третьего года. Для вас это история, но для нас это вроде вчерашний день.

— Вы дружили все эти годы?

— В нашей жизни случилось всякое, — уклончиво ответил Семен Андреевич, поднимаясь с моей кровати. — Ну что ж, поправляйся, моряк! — внезапно перешел он на «ты». — Я пойду в палату. Сегодня на обходе мне вынесут приговор. Боюсь, как бы он не был слишком суровым...

Нам не суждено было больше увидеться. Врачи действительно «приговорили» его к операции очень сложной

и рискованной. Лучшие хирурги несколько часов боролись с тяжелым недугом, но болезнь оказалась сильнее. Через неделю сердце полковника Белозерова остановилось.

Это случилось в день моей выписки. Меня не провожали обычными шутливыми напутствиями. Хмурились веселые, улыбчивые сестры, тихо-тихо, почти на цыпочках, сновали по коридорам няни, а в глазах больных застыл недоуменный вопрос.

Уже переодетый во флотскую форму, я стоял возле дверей госпитальной канцелярии, когда двери эти отворились резким толчком и вышел Томский, облаченный в генеральский мундир.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — вскинул я руку под козырек фуражки.

— Здравствуйте, — ответил он сухо. Потом, узнав меня, спросил: — Вы уже слышали?.. Эх, Семен, Семен! — горланно произнес он, с хрустом сжимая в кулаках пальцы.

Я глядел на него, широко открыв глаза. Горе старого солдата тронуло меня больше, чем сознание безвозвратной потери человеческой жизни.

— Вам куда? — тут же овладев собой, спросил Томский. Я ответил.

— Идемте, я отвезу вас, — предложил он.

— Спасибо, товарищ генерал. Я только получу выписные документы.

— Хорошо, жду вас в машине.

Ехать было далеко. Черная «Волга» стремительно летела по асфальтированному шоссе, и только тормоза останавливали на крутых поворотах. Генерал Томский говорил, изредка оборачиваясь ко мне с переднего сиденья:

— Семен мог пойти дальше нас всех. Была в нем природная командирская жилка. Начинал он действительно блестяще. В тридцать седьмом, на зависть нам, добился отправки в Испанию. Вернулся с орденом Красного Зна-

мени на груди. И в Отечественную воевал отчаянно. Дважды горел в танке. Чудом остался в живых.

Генерал говорил отрывисто, с большими паузами между фразами, резко выделяя согласные звуки. Так говорят люди, не привыкшие к тому, чтобы им возражали и перебивали их мысли.— Конец войны застал нас обоих в Прибалтике. Шли жестокие бои, немцы сопротивлялись отчаянно и умело. Почти каждый километр добывался кровью. На одном из участков фронта в пробитую брешь вошла наша танковая группа. Стремительно вклинилась в немецкую оборону, далеко оторвавшись от наступающих войск. А немцы, подтянув резервы, контратаковали. Наши танки оказались отрезанными. Группа пошла в бой прямо с марша. Горючее кончилось, машины встали. Положение их было критическим. Только растерянность немцев давала еще время на размышление. Остался один выход: технику взрывать, экипажам пробиваться к своим.

Я тогда был замнаштаба дивизии. Той самой, к которой принадлежала отрезанная группа. И мы бессильны были чем-нибудь ей помочь.

И вот тогда в мою землянку ворвался комбат Белозеров. По старой дружбе он входил ко мне без доклада.

— Их надо выручать! — потребовал он. — Чего же мы ждем, подполковник Томский?

— Успокойся, Семен, — сказал я ему. — Сейчас они получают приказ. Жаль танки, но люди дороже машин.

— Рвать танки? Те самые, которые только пришли с Урала? Новые танки?

— Война есть война.

— Их надо выручать! — крикнул он. — Понимаешь, выручать! Доложи командиру дивизии, пусть пошлет меня!

План его не выдерживал никакой критики. Он предлагал пересечь фронт в таком месте, которое и на наших, и на немецких картах числилось танконедоступным. Лесистые холмы, извилистые овраги. Это понадежнее про-

тивотанковых рвов и минных полей. Крутизна склонов холмов и глубина оврагов были намного больше предельных величин. Я указал на это Семену.

— Мои машины пройдут! — упрямо твердил он.

Я до сих пор удивляюсь, как он сумел уговорить нашего комдива. Ведь каждый овраг мог стать могилой для танка. Да еще дополнительные баки на броне. Любая зажигательная пуля — и машина вспыхнет, как смоляной факел.

Семен вывел группу из окружения и с того дня быстро пошел в гору. Войну закончил полковником. Позже получил часть в одном из гарнизонов. А меня назначили к нему начальником штаба. Перед полковником Белозеровым открылись широкие горизонты. Академия Генштаба, а там, глядишь, рукой подать и до округа. Но Семен не торопился на учебу.

— Слушай, Семен, — сказал я ему однажды, — чего ты хочешь, никак я не пойму? Тебе дают зеленую улицу, а ты упрямо топчешься на месте.

— Эх, Петрович, Петрович! Третий десяток лет мы знакомы, а до сих пор не понял ты моего характера, — ответил он. — Да просто привык я к своим танкам, к своим солдатам. Боюсь, что заскучаю я без них и в академии, и в штабном кабинете...

— Вот такие дела, моряк, — закончил Томский после паузы, — не стало у меня хорошего друга...

Генерал замолчал. Весь остаток пути он сидел неподвижно, нахохлившись, так что я видел только его стриженный затылок. Стук захлопнувшейся за мной дверцы кабины не вывел его из оцепенения.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
П о в е с т ь	
С прибоем на берег	5
Р а с с к а з ы	
Их ждал Севастополь	159
Женщина на подлодке	164
Друзьям не завидуют	174
Единственно верное решение	185
Главная должность	195
Поворот на обратный курс . . .	207
Танкисты сродни морякам . . .	212

Плотников А. Н.
ПЗ9 С прибором на берег. Повесть и рассказы. М.,
Воениздат, 1976.

218 с.

Новая повесть лауреата литературной премии Министерства обороны СССР Александра Плотникова посвящена современной морской пехоте. Ее герои — люди универсальной военной профессии: в море они моряки, на берегу — солдаты, в воздухе — десантники.

В напряженных ратных буднях они продолжают славные боевые традиции своих отцов и старших братьев.

В книгу также включены морские рассказы.

П 70302-232 151-76
068(02)-76

Р2

Александр Николаевич Плотников
С ПРИБОЕМ НА БЕРЕГ

Редактор *С. А. Бабинская*
Художник *О. П. Шамро*
Художественный редактор *Г. В. Гречихо*
Технический редактор *Е. А. Шестернева*
Корректор *Е. Г. Лузинская*

Г-80371. Сдано в набор 5.3.76 г.
Подписано в печать 30.7.76 г.
Формат 70×108/₃₂. Бумага тип. № 2
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,75
Тираж 65 000 экз. Цена 41 коп.
Изд. 4/2902 Зак. 92

Воениздат,
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Военное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу:
103160, Москва, К-160.*

**В ВОЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ КНИГИ:**

Юрий Баранов. Морские дороги. Повести
Александр Кулешов. Белый ветер. Роман
Георгий Березко. Дом учителя. Роман.
Анатолий Чехов. Тропа Кайманова. Повесть.

**В ВОЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
В 1976 ГОДУ ИЗДАНЫ КНИГИ:**

Александр Кикнадзе. Кто там стучится в дверь? Роман

Ашот Арзуманян. Адмирал. Роман-хроника

Борис Зубавин. Июльским воскресным днем. Повести

Михаил Зарудный. Гилея. Роман

Александр Штейн. Небо в алмазах. Документальная проза

Цена 31 коп.

А. ПЛОТНИКОВ И С. П. ЛЕВЧЕНКО НА ПЕРВУЮ